

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

8
НОЯБРЬ
1958

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

№ 8 · Н О Я Б Р Ь · 1958

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЮ ДВИГАЮТ ЛЮДИ
У КОЛЫБЕЛИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ЧЕРЕМУХА
Ник. Мережников

СЛАВНЫЕ ИМЕНА
ВЛАСИК ИЗ ЛИХАНКИ
Е. Малыгин

СУДЬБА РУДОБОЯ
И. Булатов

ПЕСНЯ
В. Корсаков

СЛАВА НЕ УМИРАЕТ
С. Прага

РАЗБОЙНИК ЧУРКИН
Вик. Кирюшкин

РАССКАЗЫ У КОСТРА

НАШИ «ИНЖЕНЕРЫ»
К. Носилов

ЭСТАФЕТА ЮНОСТИ

В КРАЮ КЕДРА И СОБОЛЯ

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

На второй странице обложки
фото В. Днанова «Памятник Ильячу в
Свердловске».

Свердловское Книжное Издательство
1958

В них,
поднявших алые знамена,
я себя мальчишкой узнаю,
но они
в малиновых погонах,
и к тому же
в воинском строю.

Красота суровая во взгляде
у родных суворовцев.

Они
так шаги чеканят на параде —
мостовая, охая, звенит.

Так идут через любимый город,
что, гордясь их нравом боевым,
сам генералиссимус Суворов,
видно,
позавидовал бы им.

Не беда,
что Зимнего не брали
и не поднимали целины,
но они
в любой безвестной дали
делу революции верны.

Леонид ШКАВРО

1917 ~ 1958

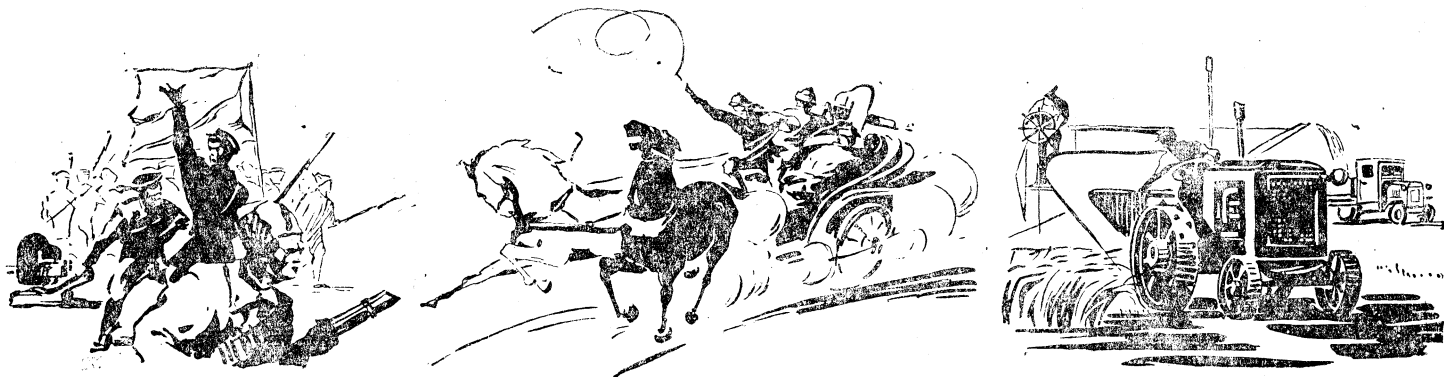
ИСТОРИЮ

Дорогие ребята!

Советская страна, дорогая сердцу Родина, отмечает сорок первый год Октябрьской социалистической революции. Необычайно стремительна поступь нашего государства по пути истории человечества. Еще никогда за все века жизни людей на земле не было таких широких, быстрых и уверенных шагов к намеченной цели, таких высоких темпов развития. Построено новое, социалистическое хозяйство страны, возведены гигантские заводы, родились новые города, сдвинуты реки, созданы новые моря, завоеваны оба полюса, сделаны первые прорывы в космос, — идут, идут без усталы вперед люди нового общества, убежденные коллективисты, неутомимые искатели, пытливые, увлеченные труженики, беззаветные борцы за справедливость, за счастье всех людей.

В эти дни наш советский народ снова на большом трудовом подъеме в преддверии Двадцать первого съезда Коммунистической партии, который наметит новые шаги к дальнейшему расцвету Отчизны. У ребят сейчас в разгаре пора учебы, пора усидчивых занятий и новых увлечений интересными делами. Следопыты исподволь готовятся к новым походам, новым поискам. Все больше и больше ребят у нас на Урале увлекается следопытством. Да и не только на Урале. В прошлом номере журнала „Уральский следопыт“ рассказывалось, что делают следопыты Ленинграда. На всю страну стало известным движение среди пионеров Узбекистана, организовавших БАРС — боевой авангард разведчиков-следопытов.

И, конечно, самая благородная задача из тех, что ставят перед собой молодые следопыты, — идти по следам героев Родины. Историю творят живые люди. В стремительном походе к коммунизму весь наш путь отмечен именами тысяч и тысяч патриотов, которые по-геройски выполняли свой долг, свершая большие дела и в труде и в бою.

ДВИГАЮТ ЛЮДИ

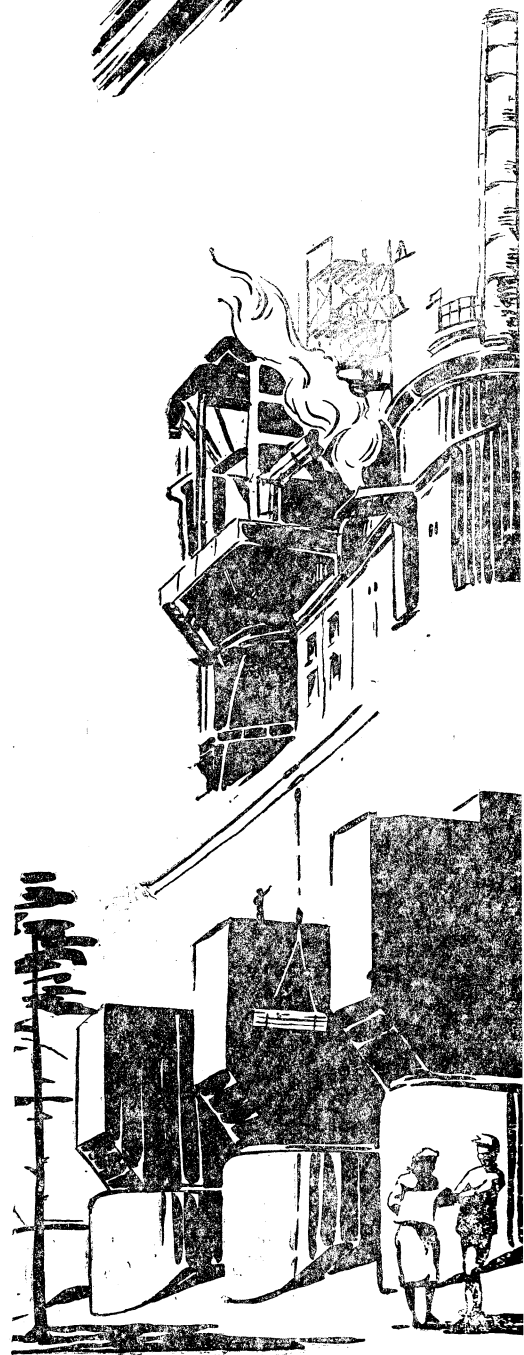
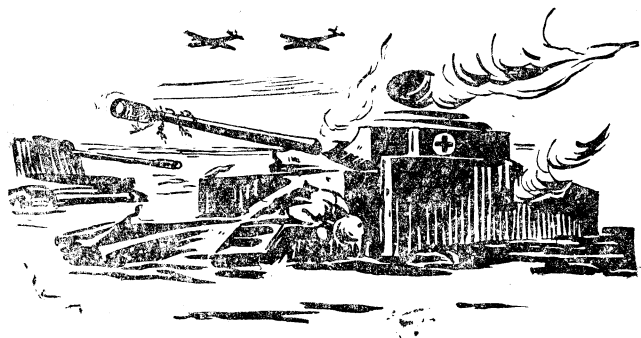
В быстротекущих днях бурного развития нашего общества мы подчас кое-что и упускаем. Бывает, что не все имена достойных широко известны народу. Мало у нас собрано и собирается материалов для истории первого в мире социалистического государства, которое за сорок лет прошагало все четыреста. А будущие поколения должны знать, помнить и чтить каждого героя революции и гражданской войны, героев индустриализации страны и коллективизации деревни, отважных строителей пятилеток и бесстрашных защитников Родины. Это они — творцы истории нашего государства. Это им подражают и будут подражать лучшие люди младших поколений.

Ребята! Идите по следам героев. Они были, они есть в каждом городе, в каждом районе, в каждом селе. Разыскивайте имена забытых, восстанавливайте картины недавнего героического прошлого. Есть еще немало и живых участников самых первых шагов советской страны, вокруг вас — и ветераны первых пятилеток, и ветераны Великой Отечественной войны. Собирайте материалы советских лет истории родного края, города, села. Будущие поколения скажут нам горячее, сердечное спасибо.

Идите по следам героев. Слава не умирает. Слава творящих историю нашей страны будет вечной. Этому помогут и юные следопыты.

Герой Социалистического Труда **Ф. ПЕТУХОВ**

Герой Советского Союза **Н. АНДРЕЕВ**

Все комнаты пронумерованы. В одной из них работал наш великий, любимый, смелый вождь — товарищ Ленин.

Ах! Какая красота в этой работе, в этой борьбе! Как мы были счастливы в огне революции, борьбы, возглавляемые таким генеральным командиром!

Комендант — моряк Мальков, молодой еще коммунист, энергичный, не знающий усталости.

Я был зачислен в штат сотрудников комендатуры Смольного. Я торжествовал: наконец-то увижу и услышу того, о ком так много говорят и к которому тянутся миллионы мозолистых рук.

В первый раз я его не увидел, а услышал.

Был час ночи. Я дежурил по комендатуре.

Звонок телефона!

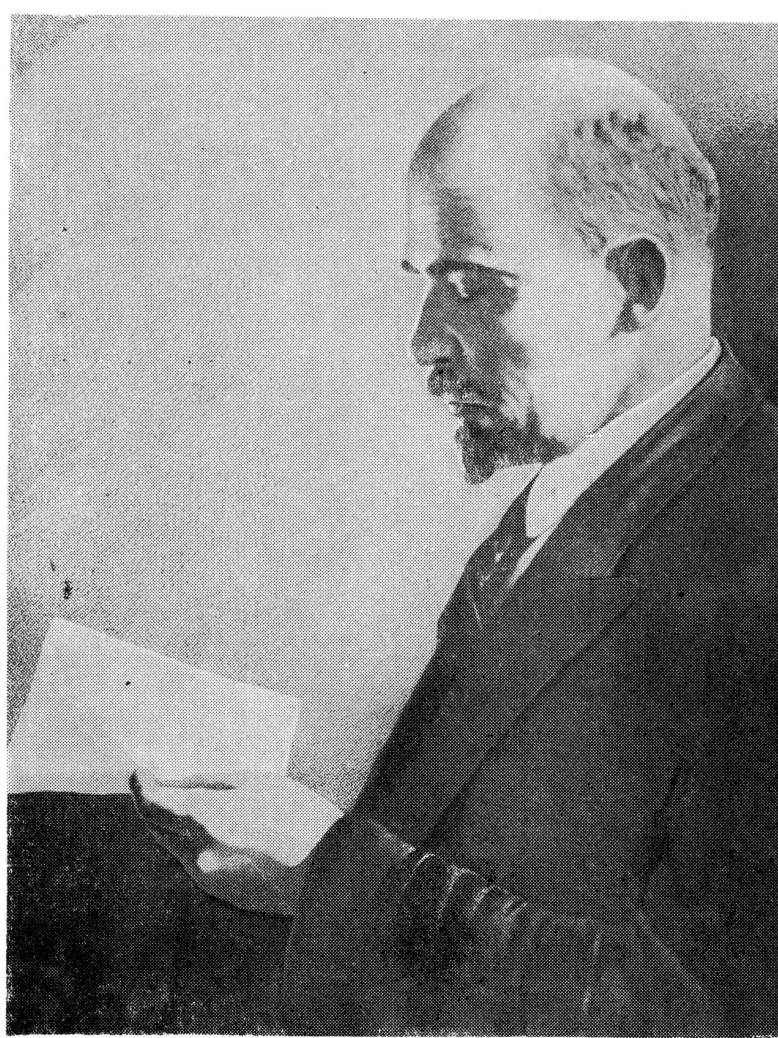
— Слушаю! Откуда говорят?

— Кто у телефона?

— Дежурный по комендатуре Смольного!

— Это я, Ленин. Будьте добры, передайте товарищу Малькову, чтобы он прислал ко мне слесаря. Я потерял ключ от шкапулки, а мне очень нужно ее открыть.

— Есть! — ответил я и, быстро повесив трубку, бросился искать товарища Малькова. Я был доволен, что слышал товарища Ленина. Теперь бы его увидеть.

Ч е р е м у х а

2

Пыль, по-летнему теплая,
Грела босые ноги.
И с удовольствием топал я
Рядом с дружкой по дороге.
С черемух листья падали
В саду богатеев Зотовых
И сыпались за оградою,
Поблескивая позолотою.
— Смотри-ка, Тимка! Вот здорово!
Черемухи-то черным-черно.
И к чему им такая прорва?
Осыплется все равно!..
В пене душистой, белой
Черемухи каждой весной
Шумели листвою несмело
За этой глухой стеной.
Казалось, что им охота
Вырваться на простор.

И страстно мечтал я, чтоб кто-то
Разворотил забор.
...Мы доску приставили:
Взобрались.
За ветки схватились
И — спрыгнули вниз.
Васек поплевал на ладони:
— Да тут настоящий лес!
Поглядывай все же.
Понял?
И быстро, как белка, полез.
Эх, черт! Проглядел, разиня!..
— Васька, гляди!..
Внизу, меж кустами,
Кралась старик и Гриня.
Старик обратился ласково:
— Слушай-ка, Васька!
За ноги, что ли, стаскивать?
С чужой черемухи слазь-ка!
Но Васька — отчаянный парень.
— Мне, — отвечает, — не к спеху.

5

Как-то мы шли с комендантом по коридорам Смольного. Нам на встречу — мужчина среднего роста, в пальто с воротником. Голова в серой с ушами шапке.

— Товарищ Ленин идет! — шепнул комендант. Меня охватило волнение. Растерявшись, я не успел его хорошо рассмотреть. Но был все-таки очень доволен.

Март. Питер полон тревог. Немцы продвигались к Пскову. В Смольный прибывал отряд за отрядом: моряки, солдаты, рабочие, женщины и старики. Вооруженные, они вливались в актовъ зал, куда приходил товарищ Ленин. Энергичной речью он провожал пролетариат на защиту красного Питера.

Не помню точно его слов, но яркое в моей памяти один характернейший факт. Собрались латышские стрелки с протестом против Брестского мира. Они просили вызвать к себе товарища Ленина. Взойдя на трибуну, Ленин, улыбаясь, обратился к товарищам, прося высказаться. А стрелки горячились.

— Как так, товарищ Ленин? Все время вы были против сепаратного мира, а теперь за этот мир? Все латышские стрелки, находящиеся в

Ты бы за нами на паре
Своих вороных подъехал.
Кулак взъярился:
— Так ты смеяться!?
А ну, паршивцы, слезайте живо!
Привыкли жить на чужом,
тусядцы!
Гриньша! Нарви крапивы.
Тимша, не слезешь?
Ишь ты, гад!
Ан нет! Посидели — хватит!
Нынче вы залезаете в сад,
А завтра — землю захватите!
Средь белого дня!? Позор!..
Тут он руганью поперехнулся,
Выватил из-за пояса топор
И на черемуху размахнулся..
Кричит мне Васька:
— Тим!
Давай раскачивай вершину!
Через забор перелегим,
А там ищи-свищи, лови нас!
Я поглядел — и в самом деле, —
Дружок мой, словно на качелях
Удар! И я полез повыше.
Качнулся.
Гибкий ствол упруг.
Еще!.. Еще!..
И «Прыгай!» слышу.

Я ветки выпустил из рук
И рухнул вниз.
Не чуя боли,
Вскочил, бегу по борозде.
Теперь пусть ищет ветра в поле,
Пусть рвет волосья в бороде.
— Тимка! Постой-ка!..
Гляжу с тревогой.
А Васька кривится от боли.
— Пошулай-ка, Тимка, ногу.
Вывихнул я ее, что ли?
Тут как затрещало что-то,
И мы замолчали, съежась,
— Васька! Ты слышишь?

Зотов
От злости забор корежит?
И только сказал, как в дыру
забора
Лысая выставилась голова..
— Тимка! Давай уходи без спора.
— А ты?
— А мне это — трын-трава!
Я Ваську сзади под мышку
схватил.
Эх! Если бы мне да побольше
сил!
Я бы взвалил дружка на плечи,
Унес бы его далеко-далеко..
— Тимка! Мне вроде бы стало
легче..
— Спрячемся. Баня недалеко!..
Запахло каменкой, венником
прелым.
Мы с Васькой шагнули
в предбанник смело.
В углу, на толстом сосновом
обрубке,
Сидел мужчина сутуловатый.
Сидел. Спокойно попыхивал
трубкой.
— Вы кого испугались, ребята?
Черная ситцевая рубашка,
Под ситцем — мускулы комом.

Смольном, уйдут в Ригу и выступят против немцев.

Внимательно выслушав их, Ленин взял слово:

— Если вы слышали, что я против такого мира, то потому что стою во главе правительства. Если я буду кричать об этом до заключения сепаратного мира, то правительство Германии с нас больше запросит за передышку, которую мы должны получить какой бы то ни было ценой. И мы ее получим! Она нам необходима. С ее помощью мы перестроим свои боевые ряды и будем наблюдать, как на Западе развернутся еще доселе невиданные нами бои. Там бои идут исключительно за интересы капиталистов...

Владимир Ильич закончил. Гром аплодисментов! Латыши, успокоенные, разошлись, уяснив себе великий шаг вождя.

...Кремль. Совершенно неподготовленное помещение — здание судебных установлений. Его решили отвести под Совнарком и ВЦИК. Кое-где виднеются пробоины от снарядов недавних боев. Окна без стекол, грязь, пепел сгоревших бумаг межевого архива. Между зданием и кремлевской стеной — на пол-аршина пеплу от тех же бумаг; по комнатам — ободранная мягкая мебель, поломанные столы, стулья. Холод, помещения не топлены. В угловых комнатах третьего

этажа устроили канцелярию Совнаркома и кабинет товарища Ленина. В среднем этаже разместились канцелярия ВЦИК. В этом же здании, совершенно непригодном для жилья, занял себе квартиру Владимир Ильич.

По всему Кремлю — хаос. Малый дворец полуразрушен, казармы без окон, двор у арсенала завален ящиками с винтовками «Арисаки».

Все служащие Кремля, жившие здесь со времен царизма, относились к нам крайне недружелюбно. Они собирались кучками, вели пересуды и при появлении сотрудников комендатуры хихикали, указывая на нас пальцами. Они подтрунивали над нашими армейскими телогрейками и фуражками с ленточками. Злобно шипели:

— Гляньте! Идут новые коменданты. Хи-хи-хи... «Товарищи!»

Приводить Кремль в порядок они и не думали. Оставалось только выселить их, к чему и приступил комендант. Служащие этого не ожидали. Пошли просить товарища Ленина о разрешении остаться в Кремле. Владимир Ильич остановил выселение и решил это старье использовать при Кремле.

С огромным трудом, без помощи старожилов Кремля, нам удалось привести в порядок Кремль. Здание судебных уста-

На коленях — замасленная
фуражка.

На ней — кисет...
До чего знакомый!..
Топот послышался близко-близко.
Вскинул мужчина густые брови...
— Васька, тикаем!
Учуял Лыско!
И бросились оба — пускай

половит.

Вдруг Васька запнулся.
Упал.
И сжалась крепко моя рука.
Камень!
Метнул его в кулака.
Попал!..

Старик покачулся. Лицо в поту...
Тут Гриньша рассыпал свист.
— Гриня, лови его!..
Гриня, ату!..

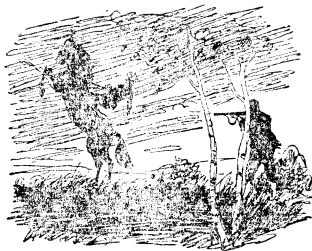
Я грудью на прясло упал и повис.
Раз!.. Потемнело в глазах
от боли.

Схватили за ноги,
Наземь стащили.
Вдруг слышу громкое:
— Не позволю!
Оставьте мальчишку! Или...
Я приподнялся, открыл глаза

И сразу понял: пришла гроза.
Мне показалось немного странным,
Что Зотов не поднял обычный вой.
Он выдавил глухо:
— И-и-эх, смутьяны!
Крикнул Гриньше:
— Пошли домой!

3

Горела полоска заката
За синими крыльями гор.
— Давайте присядем, ребята:
У меня деловой разговор.
Если бы не этот дедка

И бой, что затеяли вы,
Я бы сидел в разведке
До первой вечерней звезды.
А теперь выручайте, надо...
Ты Тимка?

Ефима сын?

Заметишь казачьи отряды,
До нас доберешься один?
Он руки пожал нам крепко.
Волосы ласково потренил,
Махнул на прощанье кепкой
И через минуту пропал.
Чуть слышно шумели ветлы.
Прохладой несло от пруда.
Росинкой искристой, светлой
На небе зажглась звезда.
Я будто и понял что-то,
А давно бы пора понять!
Тише! Негромко скрипят ворота.
На лошади выехал кто-то
Из зотовского двора.
Влепившись в поводья уздечки,
Гриньша около проскакал.
Тускло блеснула насечка,
Зубов лошадиных оскал.
Сердце тревогой сжалось —
Его же послал отец!
Сейчас донесет!

Э-х, жалость!

новлений стало напоминать Смольный: с раннего утра шли делегации от городов, волостей, деревень.

Я тогда работал на пропусках во ВЦИКе и Совнарком. Доступ к товарищу Ленину для рабоче-крестьянских делегаций был свободен. Но, кроме делегатов, шли к нему разные изобретатели, так как в то время еще не было комиссий по изобретениям.

Записываясь к Владимиру Ильичу, все эти люди были пришибленными, унылыми. При выходе же от него я видел дружки людей. Они шли гордой поступью.

С десяти утра до четырех дня приходил прием делегаций. Кабинет Владимира Ильича был «пропитан» мужичком. Я как-то подумал: «А что, если бы нас победили? Год понадобился бы на то, чтобы проветрить Кремль и в особенности приемный кабинет товарища Ленина от мужичкого духа. Этот дух был родным Владимиру Ильичу. Но он терпеть не мог неряшливости, мусора, беспорядка.

...Однажды врач, лечащий Надежду Константиновну Крупскую, прописал зелень (дело было в апреле).

Надежда Константиновна спросила:

— А где взять этой зелени?

— В Охотном ряду, — ответил врач.

— Но на это нужны деньги. Зелень дорогая, а я получаю пятьсот рублей.

Врач пожал плечами: он был удивлен такой скромностью жены главы рабоче-крестьянского правительства.

В столовой сотрудников Совнархоза, где питался товарищ Ленин, изо дня в день варилась малосольная тарань и гречневая каша, выдавался фунтовый красноармейский паек хлеба.

У товарища Ленина были старые, стоптанные американские ботинки. Комендант решил предложить имеющиеся у него ботинки. После некоторых переговоров удалось все-таки передать ботинки Владимиру Ильичу.

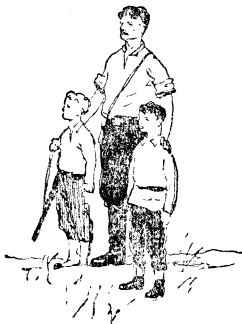
Он поражал своей скромностью и простотой. Каждое его выступление по пятницам на митингах все сильнее подчеркивало его любовь к трудящимся. Скоро вся Республика познакомилась с Лениным не только как с борцом за светлое будущее, но и как с человеком. Способность работать с утра до ночи заражала всех. В самые критические моменты нашей борьбы я не видел Владимира Ильича мрачным. Бодрость, веселый взгляд поднимали упавшего духом и, как лучи солнца, согревали окружающих.

Схватят того и... конец!
Взять бы Гриньшу в окружье,
Или достать оружие...
Топот. Готовиться надо.
Не проглядеть бы вלותмах!
А топот все ближе.
Рядом!
Летит Вороной на весь мах.
Ружье я отцовское вскинул, и эхо
Понесло над землей: ба-бах!
Конь на дыбы,
А седок, как в прореху,
Плюхнулся и застал в кустах.
Замер бешеный топот.
Ржанье заглохло вдали.
Ночью все одинаковы тропы,
Но мы к партизанам шли.

4

Отец мне накиннул на плечи
подевку,
И Васька с отцом.
Ой, как я удивлен!
Сидели кружком мужики из
Полденки,
А посередке — он.

Все в той же ситцевой
косоворотке,
Все та же заплатка на локте
видна.
И пусть наша встреча была
короткой,
Но я бы его среди сотни узнал.
Лицо его оспой слегка изрыто,
Морщинка на лбу не одна
пролегла.

Он нам улыбнулся тепло
и открыто.
Оторопь сразу прошла.
В сторонке фыркали кони,
Да слышался плеск воды...
Кто-то у грустной гармонии
Перебирал лады.
И партизаны пели
Про трудный военный шлях.
Багряные блики горели
На звездах и на штыках.
Вдруг командир нас взял
за плечи:
— Смотрите, как растет семья!
Их днем я в жаркой схватке
встретил.
Ну, как черемуха, друзья?!
Да не жалеете!
Вот осилим
Мы кулаков, купцов, господ —
Черемуха
по всей России
Для вас, ребята, зацветет...
На лучезарную дорогу
Идем мы все на страх врагам.
Вы нам, большевикам, подмога.
Так?
— Так!
— Ну, значит, по рукам!

Продолжаем рассказы о знаменитых уральских коммунарах. Следующий барельеф на здании Свердловского городского Совета — Яков Михайлович Свердлов.

Наш Свердлов

Грозовой 1905 год. По закопченным улицам Екатеринбурга энергично идет невысокий молодой человек. Он как будто занят своими мыслями, но внимательны зоркие глаза. Он успевает кивнуть встретившемуся знакомому рабочему, ласково улыбнуться мальчишке, который возится с незатейливой игрушкой на дощатом тротуаре. Молодому человеку 20 лет. Он прислан на Урал партией. Сейчас он спешит на митинг в листовую цех Верх-Исетского завода. Это Яков Михайлович Свердлов, или «наш Андрей», как называют его рабочие Урала.

На заводе все готово к приходу «товарища Андрея». От проходной до цеха расставлены патрули. Каждый рабочий вооружен.

— Товарищи! — произносит он. В цехе тишина. Твердо звучит его низкий мягкий голос, он зовет в бой, на революционный подвиг. — Здание царизма пошатнулось... Разрушить его — наша задача...

Вдруг полиция. Рабочие быстро помогают Свердлову переодеться и выводят на тихую улицу позади завода.

И так каждый день: встречи, летучки, митинги, кружки, и опять кружки, митинги, встречи. И каждому делу отдана частица самого себя. Недаром позднее Свердлов писал: «Борьба людей и с внешними условиями и между собой полна захватывающего интереса. Принять участие в этой борьбе — огромное наслаждение».

Партийная организация Урала благодаря Свердлову стала спаянной, сплоченной, боевой. Здесь он создал первые Советы. Авторитет его среди пролетариата был необычайно велик.

После Урала — годы репрессий, тюрьмы, ссылки. Но для Свердлова

и в тюрьме много знакомых, много работы. Для него как будто раздвинулись тюремные стены, раскрылись тюремные двери. Лекции, кружок пропагандиста, статьи. Его ссылают в Нарымский край, а после побега переводят в Максимкин Яр. Условия были очень тяжелые. Но в письме к жене Яков Михайлович писал: «Ну, да не беда, проживу и бодрость, энергию сохраню. Не растрочу на борьбу со своими настроениями своих сил, для них найдется и иное, более целесообразное применение».

Свердлов лечит больных (юношей он работал учеником в аптеке), занимается с молодежью, создает драматический кружок. Между прочим, когда «артистам» однажды понадобился парик, Свердлов обрезал свои волосы, наклеил их на бумагу и отдал парик «актеру».

Но Якова Михайловича тянуло на свободу, в гущу революционной борьбы. И он неоднократно бежал из ссылки, бежал через тысячи километров, пешком, на лошадах, на лодках по реке. Один раз он чуть не утонул. Все побеги были неудачными. Наконец побег удался — Свердлов в Петербурге. Несколько коротких месяцев, статьи в «Правде», выступления среди рабочих, и снова ссылка в Туруханский край, в деревушку Курейку.

Далекий снежный безлюдный край не сломил воли большевика. «Не век же я проживу здесь, — пишет он товарищам. — Я ведь из той категории людей, которые всегда говорят: «Хорошо, а могло быть хуже». Я точно не помню, но предполагаю, что, когда тонул, думал также: могла быть и тяжелее смерть».

Февральская революция освободи-

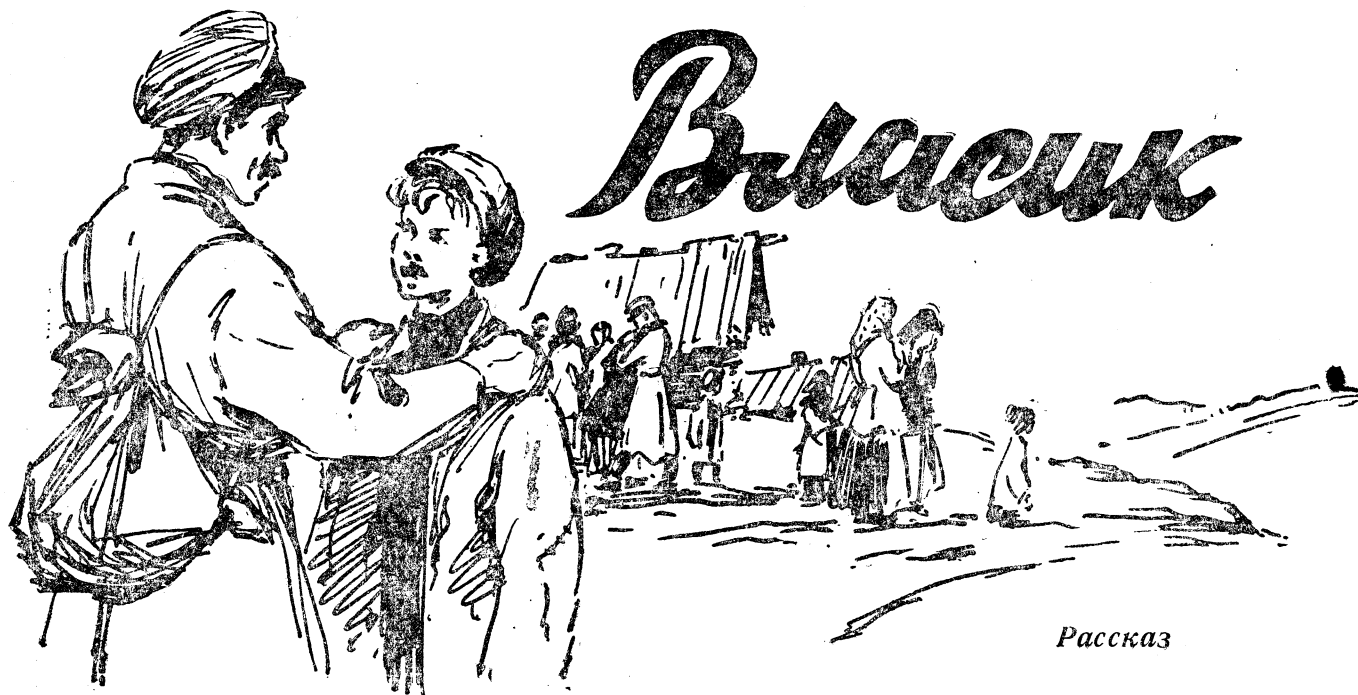
ла Свердлова из ссылки. В Петрограде он под руководством Ленина готовил пролетариат к последнему и решительному бою. Быстро восстановил связи с руководителями партийных организаций, бывшими подпольщиками. Он помнил всех. Недаром Ленин называл его «богатейшей памятной книжкой партии».

А после Октября Яков Михайлович особенно неутомим. Секретарь ЦК партии, председатель ВЦИК Советов, он руководил съездами, устанавливающими Советскую власть, разрабатывал Конституцию РСФСР. Возвращаясь с Украинского съезда партии, Яков Михайлович Свердлов простудился, тяжело заболел и умер 16 марта 1919 года.

Так в непрерывной борьбе прошла жизнь этого замечательного человека. Имя его с гордостью носит столица Урала...

Е. КОНСТАНТИНОВА

Рассказ

Ефрем МАЛЫГИН

У нас новый учитель. Зовут его Григорием Александровичем. Он смотрит холодно, презрительно и часто дико кричит на нас. Мы ненавидим его. Каждый день больше половины класса стоит на коленках. Упругая линейка то и дело стучит по головам учеников.

Наш новый учитель совершенно не умеет решать задачи, зато превосходно поет. Поэтому уроки арифметики часто заменяются уроками пения. Сколько мы пролили слез, прежде чем научились петь «Боже, царя храни». Многие уходили с уроков пения с синяками и шишками.

Хмурое февральское утро. Григорий Александрович приехал не в духе. Мы стояли около школы и ждали звонка. Вдруг с громким криком во двор вбежал Власик Малыгин:

— Ребята, царя сбросили! Прогнали Николку!

Ученики окружили Власика, и он, захлебываясь, стал рассказывать, что вчера вечером приехал его отец с фронта на побывку и говорит, что царя сбросили и из Петербурга выгнали.

— Тятка сказал, что новую власть установят — и войне конец. Тогда все с фронта придут!

— Мой тятка придет!
— Мой тоже! — крикнул Миша Филинков.

«Мой, мой тоже и мой» — слышалось кругом.

Власик еще что-то хотел рассказать, но звонок перебил его. С шумом и криками «Царя сбросили! Ура!» мы вбежали в открытую дверь школы.

Пришел Григорий Александрович. Он спросил, в чем дело, потом собрал всех ребят и публично стал допрашивать Власика. Тот спокойно и деловито передал учителю все, что рассказывал товарищам.

— А кто твой отец?

— Мой отец — солдат и, говорит, большевик. Врать он, Григорий Александрович, не будет, он у нас не любит врунов.

— Солдат и большевик?! А ты знаешь, что такое большевик? — зашипел учитель.

— Знаю! Большевик — значит, мой тятка самый большой.

Григорий Александрович вдруг сбросил с себя

из Диканьки

Рис. Л. Полстоваловой

рабочий халат, в котором давал уроки, и в полной офицерской форме, с крестом и медалью, в золотых погонах предстал перед нами. Все замерли. А он подошел к Власику и чеканно произнес:

— Я твоего отца за распространение ложных слухов распоряжусь выпороть.

Власик так и ахнул. Учитель подошел к нему, взял за ухо и поставил на колени.

Начались уроки, но они проходили вяло, медленно. Не клеилось и с пением. Когда запели «Боже, царя храни», ученики заулыбались, стали кривляться, изменять голоса. Григорий Александрович бросил линейку, вышел из класса и, не противившись, уехал домой.

Весть о свержении царя быстро разнеслась по всей деревне.

Вечером в доме Малыгиных было собрание крестьянской бедноты. Власик сидел на печке и ловил каждое слово. На собрании выступал его отец, Александр Харитонович. Он сообщил, что царь отказался от престола и сбежал из Петербурга. В своей речи отец то и дело произносил слова: большевики, революция, товарищ Ленин. Ленина называл вождем и своим учителем. Потом он сказал, что надо проверить учителя школы, офицера, который издевается над детьми.

После собрания Власик спрашивал отца, что такое революция, кто такие большевики. Особенно много спрашивал о Ленине.

— Вот ты, тятка, Владимира Ильича называешь своим учителем, а ты что, там в школу ходишь, и он тебя учит?

— Нет, сынок, в школу я не хожу. Я читаю книги, в которых Владимир Ильич учит нас, как надо бороться с богатеями, какую жизнь надо установить. Он наш вождь и товарищ.

Власик не отходил от отца ни на шаг. Тревожное, радостное настроение охватило мальчика. Революция, свобода, мир. Эти слова несли мечту о другой, новой жизни. Никогда уж больше Власик не будет голодным, он всегда будет есть досыта. Вместо старых залатанных опорок, ему купят новые хорошие сапоги. Никогда никто из богатеев не посмеет его ударить, потому что хозяевами жизни будут такие люди, как его тятка.

Прошел год. Многие за это время пересидели Власик и многое понял.

Неожиданно отец собрался ехать. В Алапаевске организовывался рабочий добровольческий отряд для защиты завоеваний Октября, потому что всюду поднималась белогвардейщина.

Наступил день отъезда Александра Харитоновича в отряд.

— Ну, сынок, хозяйничай как следует,— наказывал отец перед отъездом.— Слушай мать, помогай ей, сестренку не обижай. Вот еще что, Власик. Мать говорит, что ты часто с мальчишками дерешься. Верно это?

— Никто не скажет, что я зря дерусь. Эти самые угнетатели трудящихся первые насакивают.

— Ишь ты, «угнетатели»,— улыбнулся отец.— Наши богачи, сынок, называются просто кулачем. Ну, что там угнетатели ваши вытворяют, рассказывай.

— Приносят в школу белые калачи, полные бутылки молока, большие куски сахара и раскладывают в классе по окнам. В большую перемену жрут сласти да нас дразнят. Подошел ко мне раз Ванька Чирков, поднес бутылку молока к моему рту и говорит: «На, пей». Я подумал, и вправду он меня угощает, открыл рот, а он, гад, отдернул бутылку и спрятал ее за спину, а мне кукиш подставил. Я разозлился. Как только Ванька-хвостун засунул бутылку в рот и стал глотать молоко, я как дал по донышку... Ох, и орал Ванька. Жаловаться бегал. По дороге до-

мой я ему еще всыпал как следует. Вот вырасту, так буду их, гадов, гонять, дам им жару.

Вместе с односельчанами Власик пошел провожать отца. После митинга на площади Александр Харитонович отвел сына в сторону и тихо заговорил:

— Трудно будет тебе, Власик. Но прошу: побереги Агу и Аню. Ты теперь за старшего. Побьем беляков, вернусь, и заживем хорошо. И еще к тебе просьба. Беляки, должно быть, пойдут через нашу деревню. Попробуй сосчитать, сколько у них пехоты, кавалерии, пушек. Только смотри осторожней, не попадись. Исполнишь это, пробирайся к нам в Алапаевск. Спросишь там Путиловский полк добровольцев. Но дорога-то уж очень трудна.

— Ничего! Я зимником.

— Зимником не проедешь: болота да топи.

— А пешком?

— Ну, ладно, только осторожней. А оружие, которое осталось на чердаке, спрячь подальше.

Вернувшись домой, Власик взял железную лопату, вышел в огород и около межи, где росла густая высокая крапива, стал рыть шель. Потом принес две винтовки, четыре гранаты, похожие на большие кедровые шишки, и забросал их землей.

— Черта теперь найдут,— шептал он, разравнивая землю.— Надо, чтобы сестры не увидали, они ведь девки, их чуть припугни или тронь— сразу в слезы и расскажут.

СУДЬБА РУДОБОЯ

— Братцы! Казна, бают, завод совсем остановить хочет.

— Руда в этих местах вся.

— А нас куда?

— Не дадим остановить! До царя-батюшки дойдем, а не дадим.

— Да, завод прикроют вовсе,— простуженный, надтреснутый голос Семки Рыжих, писца из канцелярии казенного Троице-Саткинского чугуноплавильного завода, привлек общее внимание.— Плавить нечего. На Мальцевском и Корелке рудные пласты кончились.

Притихшие работники испуганно переглянулись. В лесной глуши завод был единственным кормильцем.

— Места тут богатые. Не может того быть, что руда вся. Искать надо,— нарушил общее молчание Алексей Решетников. Стройный, богатырского сложения, он особенно выделялся среди чахлах, изможденных мастеровых огненного дела.

— То-то что надо. А кто пойдет? Пора страдная, когда руду искать? Да и кто в ней разумеет?

— Найдутся люди. Я пойду...— твердо заявил Решетников.

* * *

Привычное ухо кабатчика Никиты Зотова ловило все, что говорилось за столиками, у стойки, при входе, выходе. А после он передавал разговоры кратальному надзирателю Телятникову.

Последний день июля. Утром, когда старые и малые собирались в поле, по деревне с криком и бранью промчался белогвардейский разъезд. Часа через три показалась конница, за нею двигалась пехота. Власик незаметно шмыгнул в огород и спрятался в густых высоких лопухах у самой изгороди, около дороги.

Войска приближались. Власик почти перестал дышать. Несколько всадников галопом проскакали возле него. Стройными рядами пошла пехота, Власик считал солдат.

— Пять сотен пехоты, шесть сотен кавалерии, двадцать три пушки, тридцать пулеметов, двадцать семь подвод обоза, — десятый раз повторял он про себя, возвращаясь домой. Власик хотел тотчас же скакать к отцу, но, подумав, решил понаблюдать, что же будут делать белогвардейцы, и отправился в центр деревни. Возвратился он вечером. Сестренки Аня и Ага встретили его со слезами.

— А мы думали, что тебя беляки схватили, — всхлипывали они.

Всю ночь были слышны крики пьяных белогвардейцев.

Рано утром Власик разбудил сестренку и сказал:

— Меня не теряйте. Я приеду завтра вечером. Никуда не ходите, ворота заложите.

Он вывел из конюшни Мишку, сел верхом и выехал со двора. Через деревню, чтобы не было подозрений, Власик ехал медленно.

— Куда это ты так рано? — спросил неожиданно повстречавшийся кулак Чирков, отец Ваньки-хвастуна.

— Мишку купать, — смело ответил Власик.

У реки он остановился, засучил брюки выше колен, посмотрел кругом и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, направил коня в воду. Прижав уши, Мишка поплыл.

И. БУЛАТОВ,

Кыштым

— Пугача вспоминают, страшат. Не дадим, слышь, закрывать завод. До царя-батюшки дойдем, с начальства спросим: пошто с голоду умирать хотят... Сами искать руду собираются.

— Кхе-кхе. А ты, Никита Захарович, зачинщиков укажи. Я их завтра попотчую розгами, да на Богословские заводы, на высылку. А насчет поисков, это хорошо. Богатым можно стать. Казна за каждые сто пудов чистенькими выплатит. Будь я рудознатцем — не упустил бы случая разбогатеть. Завод и впрямь без руды.

— Фадей Анисимович, голубчик, — заволновался, заюлил кабатчик. — Знаю такого человека. Непременно пойдет отыскивать руду. Неужели ему достанется богатство? А ведь есть, есть здесь

По архивным документам

руда. Должна быть. Да как найти? Ох, чует сердце, завладеет тот медведь богатством.

— Медведь силен, лиса хитра, — ответил квартальный, — может, лисе богатство-то перепадет. Положись на меня, Никита Захарович. Покажи мне того... медведя. Пусть ищет, а мы попользуемся.

* * *

В избе рудобоя Алексея Решетникова — гость Семка Рыжих. Он сидит на деревянной, грубо затесанной скамье. С полатей на гостя смотрят пять пар любопытных детских глаз. Испитые лица, лохмотья на худеньких плечиках.

Главная принадлежность избы — огромная русская печь — непрерывно чадит. Около нее хло-

Вот и берег. Из-за леса выплывало багровое солнце. Надо было спешить. Власик ударил коня ременным поводом. В лесу, облюбовав небольшую лужайку, разнуздal Мишку, спутал его и привязал к березке.

— Пасись до завтра! Через болото ты, Мишка, не ходок. Придется мне одному топтать.— И ласково похлопал коня по взмыленной шее.

Летняя колея, которой шел Власик, была малозаметной, а вскоре и совсем исчезла. Гуще, суровее становился лес. Чтобы не потерять направление, разведчик часто поглядывал на солнце, заламывал ветки у деревьев.

Самым трудным препятствием на пути Власика оказались болота и топи. Целые версты приходилось прыгать с кочки на кочку, брести по грудь в воде. Иногда вязкий ил так засасывал ноги, что их с трудом удавалось высвободить из болотного плена.

К трем часам неожиданно лес расступился. Открылась большая поляна, залитая солнцем и окаймленная речкой. Дальше виднелся Алапаевск. Власик бросился в воду, выкупался, высушил одежку и пошел разыскивать отца, повто-

ряя: «Пять сотен пехоты, шесть сотен кавалерии, двадцать три пушки, тридцать пулеметов, двадцать семь подвод».

— Дяденька, не видали моего тятюку?— спросил он первого попавшегося человека.

— А кто такой твой тятюка?— в свою очередь, улыбаясь, спросил незнакомец.

— Александр Харитонович, добровolec.

— Александра Харитоновича не видал, а добровольцы— вон, за мостом.

Обрадовался отец, когда увидел перед собой сына.

Власик подробно рассказал ему о белогвардейцах, о положении в деревне, о дороге, по которой пробирался.

На другой день утром он отправился в обратный путь. Когда подъезжал к деревне, солнце медленно опускалось на землю.

Первым, кого повстречал Власик, был Ванька Чирков. Он стоял у ворот и грыз семечки. Заметив верхового, Ванька сплунул на траву шелуху и с вызовом крикнул:

— Эй, голодранец, куда ездил?

Власик показал Ваньке кукиш и пустил коня на полную рысь. Вот и родные ворота, родной двор.

— А, явился, ты-то нам и нужен. Давно тебя поджидаем!

Власика окружили белогвардейцы. Двое схватили его за руки и повели в штаб. Власик успел крикнуть сестренкам:

почет высокая, статная хозяйка. На березовом чурбане посредине земляного пола сидит хозяйин избы. Русая кучерявая бородка красиво обрамляет густой загар лица. Семка Рыжих трещит без умолку:

— Эко место! Страдное время да праздничные— всего двадцать дней. Сочти да прикинь, и выйдет довольно. А барыш верный. Думай, гадай, да и в путь-дорогу. В рудах ты смышлен. Зря ли в рудобоях ходишь?

— Знаю дело,— басил Решетников.— Давай, коли, бумагу, и по рукам.

Хрустнул исписанный листок. Мужики усердно помолились, пошли к выходу. Проводив гостя, Алексей вернулся и стал собираться в путь. Он давно уже подумывал о поисках новых месторождений. Но кто бы его пустил и где было взять бумагу? Недавно башкирец-охотник совсем лишил его покоя: показал богатый железом кусок руды.

— Смотри, шабра! Гора Моткаль такой камушка многа-многа.

¹ Ш а б е р — сосед, знакомый (башк.).

Крепко запала гора Моткаль в голову рудобою. Не раз уж вглядывался он в синеватую даль горизонта. Вот ярко-зеленая вершина Иркутскана, а правее заслоненная лесами на отрогах Сулеи, древняя Моткаль. Верст тридцать, а то и более нехоженных дорог...

* * *
Ранним утром покинул избу Алексей Решетников. Он шел, не оглядываясь, быстрым и твердым шагом, а следом за ним невдалеке неоступно скользила осторожная тень, таясь за деревьями.

Пробираясь кочковатой еланью, Алексей вдруг почувствовал, как земля уходит из-под ног. Зажурчала вода, наполняя ледяным холодом лапти. «Зыбун!» Ноги стремительно погружались в пучину. Влево от себя рудознатец увидел поваленное ветром дерево и попытался дотянуться до него. Потревоженная трясина еще стремительнее начала поглощать Алексея, точно к ногам его были привязаны двухпудовые гири.

Из-за куста чьи-то внимательные глаза выжидающе следили за каждым движением Решетникова.

— Тятке передайте обо мне!

Его бросили в подвал. Там было темно. Только в щели толстых деревянных дверей проникали лучи солнца.

«О чем они будут меня спрашивать?— думал Власик.— Наверное, оружие потребуют. Фигу им. Может, узнали, что я от тятки возвращаюсь, будут спрашивать, зачем ездил. Пусть спрашивают. Ничего они, псы поганые, от меня не получат. Пусть бьют, режут, на костре жгут, я не струшу, не буду им в ноги кланяться, буду их бить, зубами грызть стану. Если отсюда вырвусь, откопаю тяткино оружие, соберу надежных мальчишек, и будем их, гадов, среди бела дня стрелять, камнями бить станем. Вот жалко, Витька Николаев не знает, что меня сцапали, а то бы выручил. Убегу, все равно убегу».

Вечером двое белогвардейцев привели Власика к начальнику карательного отряда. В мягком кресле сидел офицер лет сорока, в золотых погонах, с крестом и медалью на груди. Оттопыренные толстые губы. Белесые навывкате глаза. «Учитель! Бывший учитель Григорий Александрович!» Офицер поднялся, вышел из-за стола и заговорил:

— О, ты, брат, вырос. Скоро уже усы покажутся. Н-ну, рассказывай, где же твой отец, куда это он удрал?

— Никуда не удрал. Тятка воевать ушел.

— С кем же воевать-то?

— С буржуями, с царскими офицерами.

— Почему же ты не ушел?

— Да тятка не взял.

— О, это плохо. А если бы взял, ты бы стал нас бить?

— А что, смотреть на вас?

Григория Александровича передернуло.

Он еще задал своему пленнику несколько вопросов в ироническом тоне. Власик отвечал дерзко. Григорий Александрович с ирригово-иронического тона перешел на грубый.

— У отца оружие было?

— Было.

— Какое же?

— Винтовки, гранаты, пулеметы.

— И много было?

— Очень много.

— Где же оно теперь?

— С собой забрал.

— Какое оружие ты в речке топил?

— Не топил я ничего в речке.

— А куда верхом ездил?

— Это вам Ванька Чирков наврал. Хвастун он, пустобрех. Я Мишку купать ездил.

Алексей распластался на животе. Закинув руку за спину, нашупал привьюченную каелку — это спасение. Он высвободил кайло и, взяв за конец рукоятки, прицелился, накинуд на сук поваленного дерева, напряг мускулы, подтянулся. Усилие. Еще. Высвободив одну за другой ноги, Алексей добрался до ствола, влез на вершину и повис на ней.

Он увидел потрясающую картину. Огромный лось медленно погружался в пучину. Наверху оставалась только голова с налившимися кровью выпученными глазами. Но скоро зеленый ковер трясины сомкнулся над головой животного.

* * *

Ночевал Алексей у костра под вывернутым корневищем. Утром двинулся поросшей лесом долиной, дальше, к горе Мотваль. Он узнал ее по множеству высоких шиханов, о которых рассказывал тогда башкирец.

Алексей невольно любовался новым видом. Далеко-далеко, у самой линии горизонта, стоял одинокий шихан. Меловый блеск кварцита придавал ему нежную окраску. Вновь сгущающиеся

тучи закрыли пеленой вначале голову, а затем и всю фантастическую фигуру хищника.

Начинал моросить дождь. Продолжая спуск по отлогой горе, Алексей наблюдал необычайное зрелище. Вот из-за отрогов Шуйды медленно спускается туча. Она движется к вершине Иркускана, но, достигнув ее одним краем, поворачивает к Сулее, а та вновь отталкивает ее к Шуйде. Как пойманная в левушку огромная птица, туча кружит между гор, пока не истечет нитями дождя.

Он перешел речку и начал закладывать шурфы. Углубившись аршина на полтора, просветлел и перекрестился: «Руда!»

Только радость была недолгой. Сверху неожиданно обрушился злой окрик:

— Вор!

Алексей поднял голову. На краю шурфа стоял господского вида человек. Алексей медленно вылез из шурфа и смело протянул бумаги.

— Не вор я. Искать богатства в недрах земных указом царским дозволяется.

Долго крутил незнакомец плотный сверток, наконец, прочел нараспев:

«...Для пользы государству дозволяется, всем

— Какого Мишку?

— Лошадь.

Наконец, нервы Григория Александровича не выдержали, он закричал:

— Лошадь купал! Я покажу тебе, как лошадь купать!

Офицер подскочил к Власику:

— У-у-ух ты, змееныш большевистский!

Размахнувшись, ударил Власика по щеке. Власик пошатнулся, но не упал, не заплакал, не задрожал, а смело шагнул вперед и закричал:

— На, бей, бей, бей еще раз, гад, бей!

Офицер, трясясь от злости, медленно пятился к столу; вдруг он заскрипел зубами и с криком: «Убью, большевистская тварь!» подскочил к Власику и ударил его по голове. Власик упал, но тотчас же поднялся, кошкой бросился к офицеру,

изловчился и изо всех сил дал ему кулаком, как он выражался, «под вздошки». Офицер зашатался и, цепляясь руками за стол, свалился на пол. Началась борьба. Запыхавшийся бандит холеными цепкими пальцами впился в шею Власика и стал душить его. Плотнo прижавшись к противнику, Власик вонзил острые зубы в горло врага. Офицер задрогал ногами.

Часовые услышали шум, открыли двери и бросились выручать своего начальника. Они опоздали: офицер был мертв.

Ночью 25 августа (7/IX) 1918 года в поле близ села Костино Ирбитского округа (ныне Коптеловский район Свердловской области) белобандиты расстреляли юного большевика-разведчика из деревни Лиханки Власика Малыгина.

Прошло почти сорок лет со дня смерти Власика, моего друга детства, а он и сейчас, как живой, стоит передо мной в больших отцовских сапогах, в поношенной солдатской фуражке. Я и сейчас вижу этого коренастого русского паренька с большими, открытыми глазами, способного по-мужицки пахать поле, по праздникам задорно играть на гармошке, способного во имя Родины совершить подвиг, а оказавшись во власти врага, смело смотреть ему в глаза и не просить у него милости, умереть, но не сдаться.

и каждому дается воля, какого чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, копать, плавить, варить и чистить металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, также и минералов и всяких красок потребные земли и камень...»

Под указом значилось царское имя.

* * *

Алексей Решетников не скоро вернулся на Троице-Саткинский завод: обыскал всю Буландиху (Моткаль) и не напрасно. Недалеко от шурфа оказалось несколько выходов руды на поверхность. Было чему радоваться. Придя домой, он с помощью Семки Рыжих составил описание вновь открытого им рудника, названного Бакальским, что в двадцати пяти верстах от завода.

Канцеляристы златоустовского горного начальника долго смеялись над заявкой Алексея Решетникова:

— Врет холоп, что открыл рудник.

И снова Алексей Решетников дробил на заводе руду. Однажды он пошел подыскать место для покоса. Верстах в семи от завода наткнулся на хорошо наезженную дорогу. Удивленный, пошел по ней.

Дойдя до памятных мест на Бакальчике, Алексей увидел свежестроенный барак. Поверхность склона Буландихи была ископана. Из забоев на тачках вывозили руду и сваливали для обжига в большие навалы. Он подошел к одному из забоев. Вместе со стуком клиньев и кувалд разносился и звон кандалов,— люди работали в цепях. Их надзиратель вышел на встречу мастеровому. Увидев Алексея, он широко ухмыльнулся, расправил усы:

— Здоров будь, хозяин, ха-ха-ха. Ну, что? Построил завод? А мы вот черпаем понемногу. Рубль серебром с каждых ста пуд руды получают господа Зотов и Телятников. Ну, и нам кое-что перепадает.

...Когда рудобой перешагнул через порог канцелярии, Семка Рыжих сидел за столом в одиночестве. Он почистил гусиное перо о лохматую голову и, склоняясь, стал неистово царапать им по листу.

Откинувшись, писарь увидел переминающегося с ноги на ногу Решетникова.

— Что ты наделал, разве можно сюда?!— зашумел он.

— Дело, видишь ли, у меня к тебе.

— Тихо. Иди лучше. Сам к тебе приду.

ПЕСНЯ

В. КОРСАКОВ

*Об одном
подвиге*

Очерк

В блиндаже сыро. На полу перед времяжкой, раскаленной докрасна, — лужа, и в нее с потолка, просачиваясь сквозь толстые бревна защитного наката, капает вода. На улице ветер, холод, а здесь — тепло. В печурке (какой-то догадливый солдат вколотил в глиняную стену доску) дымит коптилка — снаряд-

нат гильза с фитилем. Тусклый огонь освещает лица бойцов, расположившихся на дощатых нарах. Это отделение сержанта Замиралова.

Сам командир сидит на перевернутом ржавом ведре возле печки-времянки и, ломая о колено тонкие хворостины, бросает в огонь. Из темного угла доносятся вздохи гармошки, кто-то вполголоса напевает:

Осенним вечером, дождливым вечером,
Когда бушует на равнине ветер злой.
Ползли товарищи, друзья-разведчики
Сквозь цепи вражьи в свой полк, домой...

— Кончится война, — задумчиво говорит ефрейтор Попов, затягивая тесьму вещмешка — разъедемся по домам... и забудем друг о друге.

— Не должен так получиться, — убежденно возражает худошавый Усманов. — Наш отделение — один семья. Пятунин, твой определенно сказать должен.

Пятунин, которого в отделении называют любовно «комиссаром», поднимает голову, отодвигает истрепанную без переплета книгу и смотрит на Усманова. Выражение на лице «комиссара» задумчивое. Клочковатые брови сведены к переносью. Губы поджаты.

— Согласен, — после некоторого раздумья произносит он. — Товарищество у нашего народа крепкое!

— Я тоже так думаю, — поддерживает пулеметчик Иванов, свешивая с нар бо-
ские ноги.

В воскресенье Рыжих пришел в избу Решетникова.

Сидя рядом, они долго вполголоса разговаривали. Потом Семка стал писать.

Это было обыкновенное прошение от имени самого Алексея Решетникова.

«Найденный мною нынешний Бакальский рудник, который разрабатываться начал при вступлении Вашего высокоблагородия в управление здешними заводами, ибо, хотя он и давно мною отыскан был, но прежние начальники разрабатывать его неизвестно почему не хотели; и за то я имел честь получить награждение по предписанию Вашей милости 15 рублями...»

В один из осенних дней по глухой дороге в Бердяуш двигался обоз. Впереди верхом на коне ехал стражник. За ним попарно, связанные по рукам, понуро шли шестеро мужчин. С боков — тоже стражники. А потом тянулись подводы с жалким скарбом, женщинами и ребятишками.

Это в отдаленные районы отправляли ссыльных поселенцев за бунт и неповиновение начальству. В числе бунтовщиков был и Алексей Решетников, который по повелению самого Телятникова за смуту и непокорность властям был выслан на вечное поселение в Богословские заводы.

— Мужская дружба, она самая крепкая, — замечает кто-то. — Испытана в боях и трудностях...

— Про то и говорю! — радуется Иванов. — Про трудности... Сейчас доложу по порядку, как дружок из трудности меня выручал. Только не перебивать и раньше срока не зубоскалить.

Нашарив где-то в изголовье кiset, он свернул сигарку, осторожно ступая по влажной глине босыми ногами, пробрался к печке, подхватил с пола уголек, прикурил и, усевшись на место, продолжал:

— Был у меня приятель — Спирька Малышев. Отчаянный и смелый до невозможности. Мы с ним что-то напроказили, и отец за это высечь меня решил. А чтобы я продумал свои грехи, закрыл временно в чулане. Была такая каморка в сенках. Сажу там, и тоска меня забирает: кому охота свой туалет портить. Оно, коли с наукой подойти к вопросу о вздрючке, хоть и мягкое место, а пройдишь по нему твердым предметом, да и вожжами тоже, — недели две на табуретку не сядешь... Скучаю, значит, я и

разные жалобные истории сам про себя сочиняю. Вдруг шепоток: «Петька! Петька, открой фортку! Я к тебе залезу». Это Спирька пришел разузнать, что и как. Впустил его через фортку. Посидели, поговорили. А на улице-то темным-темно стало, расходиться пора. Спирька и спрашивает: «Скажи, Петька. Когда отец вздрючку тебе делает, выводит он на свет или прямо здесь?..» Здесь, отвечаю, но мне от этого не легче: в темноте и на свету — одинаково больно... «Ты, Петь, — говорит Спирька, — в ночное с нами обязательно ехать должен. Невозможно, чтобы тебя батя выпорол: на коня не сядешь. Вылезай из чулана и жди меня во дворе. Все в лучшем виде будет». А отец, спрашиваю, как он? Искать начнет!.. «Пускай он, вместо тебя, меня выпорет. Я изнутри к штанам войлочную кошку пришил».

— Молодец! — проговорил Замиров. — Выручил-таки тебя. Вместе так вместе... Обошлось, значит?

— Обошлось... Выпорол батя Спирьку, но перед поркой штаны с него снял.

Когда стих смех, солдаты стали припо-

минать друзей, которые готовы были пойти на самопожертвование ради товарища.

— Про таких друзей и песни сочиняются,— отозвался из угла гармонист и тронул лады:

И сталью крепкою, и дружбой верною
Полки советские врага громят.
Сраженья жаркие — пути к бессмертию —
Прославят подвиги друзей-солдат...

— А ты, комиссар, чего молчишь? — обратился Замиралов к притихшему Пятунину.— Что скажешь?

— Я не скажу, а прочитаю о дружбе. Здорово напечатано.— Пятунин взял книгу, перелистнул несколько страниц, разыскал нужное место и особенным, душевным голосом начал:

— «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей... Нет, братцы, так любить, как русская душа,— любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе... Нет, так любить никто не может!»

— Тарас Бульба,— после непродолжительного молчания сказал Петр Иванов.— Умный был старик Бульба. Точно сказал о друзьях-то. Хотите верьте, хотите нет, а я, когда это место читаю, Спирьку Малышева вижу. Друг он был настоящий...

— Тревога!.. Тревога!..

Плащ-палатка, которой были завешаны двери блиндажа, отлетела в сторону, и на пороге вырос вестовой.

Часть майора Цкаева выступила к городу Запорожью.

Шагать было трудно. Разбитые колеса машин и повозок дороги заплывали вязкой осенней грязью. Понуро, молчаливо шагали бойцы, и только в отделении Замиралова было оживленно. Когда становилось особенно трудно и, казалось, что вот-вот кто-нибудь из товарищей, вконец выбившись из сил, упадет, «комиссар» Пятунин как бы между прочим спрашивал вполголоса у Иванова:

— Петр, выпорол батя Спирьку?

— Ага...

— Без кошмы он за тебя взбучку выдержал, не отступился. Кремень-парень!

И солдаты улыбались, и как бы прибавлялось у них сил, и дорог им стал тот незнакомый, далекий Спирька Малышев.

Утром часть прибыла на место. Днем солдаты отсыпались, а ночью... Ночью сыграли боевую тревогу.

— Новый марш?— спрашивали бойцы друг друга.

— А куда идти дальше-то? Днепр перед нами.

— Задачу ставить будут,— объяснил кто-то.— Слыхал я, что фашисты плотину Днепровской гидроэлектростанции минируют. Выручать будем.

Майор Цкаев коротко изложил задачу. Надо было перебраться на правый берег Днепра и предотвратить взрыв плотины и гидроэлектростанции.

— Дело трудное. Кто возьмется выполнить его добровольно? — сказал в заключение майор.

— Сержант, проси,— шепнул на ухо командиру Пятунин.— Задачу выполним. Замиралов решительно вышел из строя.

— Товарищ майор! Разрешите первому отделению?

— Хорошо! Готовьтесь!

Темны осенние ночи на Украине: ложку мимо рта пронесешь, папироску по огоньку не увидишь. Изредка с правой стороны Днепра поднимались вражеские ракеты. Как гигантские занозы, впивались они в черное беззвездное небо. В прибрежных камышах Замиралов сделал последний смотр товарищам.

— Гранаты взяли?

— По пять штук!

— Автоматы и пистолеты?

— В полном порядке!

— Пулемет?

— У Иванова!

— Спустить понтон на воду!.. Ты что, Пятунин?

«Комиссар» протягивал командиру каску, наполненную днепровской водой.

— Выпьем, сержант!.. Святая это вода. Два года шли мы к ней.

Слова Пятунина были несколько высокопарны, но действовали они на солдат-товарищей, словно присяга на верность, словно нерушимая клятва. Каждый пригубил каску, каждый отпил из нее глоток воды, которой в свое время утоляли жажду казаки Тараса Бульбы, воины Богдана Хмельницкого, конники Буденного и другие герои, люди большого сердца, неугасимой любви к Родине, негибаемой воли и твердой веры в товарищество.

Понтон закачался на волнах. Бойцы

один за другим разместились на скамейках. Иванов и Попов установили на носу ручной пулемет, приготовили диски. Сержант сел за руль.

Вражеский берег медленно двинулся навстречу. Чуть слышно плескалась вода. Тонко поскрипывали уключины. Напряженная тишина. Солдаты молчали, впиваясь взглядами в прикрытый ночной темнотой вражеский берег. Из правобережных кустов взлетела ракета. Описав огненную траекторию, она повисла над понтоном, озарив его синеватым светом, и... Захлопали ружейные выстрелы. Выбрасывая острые языки пламени, ударил крупнокалиберный пулемет. Иванов ответил ему длинной очередью. Начался бой. Понтон медленно, но уверенно приближался к цели. Когда до берега оставалось несколько метров, немцы пустили в ход минометы. И тут среди боя, среди трескотни пулеметов и воя мин раздался спокойный чуть насмешливый голос Пятунина:

— А Спирька-то Малышев... Молодец парень, без кошмы выдержал... Дружба есть дружба! «Нет уз святее товарищества!» Поднажмем-ка и мы...

Еще злее ударили автоматы.

Вдруг в носовой части понтона разорвалась мина. Попов поднялся во весь рост и рухнул на спину. Иванов схватился за грудь и затих. Пулемет швырнуло за борт.

— Прыгать в воду! — крикнул сержант. — До берега вплавь! За мной!..

Шестеро бойцов достигли прибрежных камышей. Метрах в тридцати от чахлого краснотала Замиралов заметил колпак немецкого дзота.

— Захватим точку! Аксенов и Топорков, обойдете дзот слева. Мы с Леоновым ударим справа. Сигнал атаки — свисток. Усманов и Пятунин поддерживают группу захвата огнем.

Дерзость русских ошеломила гитлеровцев. Они растерялись, а когда пришли в себя, то боевое охранение было уже полностью уничтожено. Смельчаки овладели дзотом. В короткой, жестокой схватке погибли Усманов, Леонов и Аксенов. В отделении осталось всего три человека.

Немцы остервенели. Под прикрытием минометов они перешли в контратаку и цепью двинулись к дзоту. Сержант приказал открыть огонь. Гранатные разрывы кромсали землю. Враг не выдержал, дрогнул и отступил.

— Первая, — отметил Пятунин.

— Что? — не понял Замиралов, оглохший от разрывов.

— Атака, говорю, первая. Сейчас вторая будет. Глянь...

С трех часов ночи до десяти утра три солдата-товарища отбили одиннадцать атак и готовились к отражению двенадцатой. Ровно в десять сержант дал сигнал ракетой, что означало: «Плацдарм держим. Ждем подкрепления». Не погасла еще в утреннем тумане зеленая звездочка ракеты, а гитлеровцы опять начали атаку. Патроны у осажденных давно кончились, пришлось встретить врага только гранатами, выйдя из дзота в зигзагообразную траншею. Отбивались Замиралов и Топорков. Пятунин, тяжело раненный разрывной пулей в грудь, сидел на дне траншеи и видел, как гитлеровцы один за другим прокрадывались в дзот.

На Пятунина они не обращали внимания, принимали за убитого. Бледный, без кровинки в лице, «комиссар» считал врагов и, когда их перевалило за дюжину, приподнялся, сжал в руке противотанковую гранату, встряхнул ее и бросил в двери дзота.

«А Спирька-то, молодец был парень!» — донеслось до Замиралова. Он обернулся. Казалось, вулкан прорвался сквозь земную толщину. В том месте, где высился дзот, в небо взлетели доски и бревна, исковерканное железо.

— Ура-а-а! — прокатилось сзади. Замиралов и Топорков повернулись к Днепру. От берега к ним на помощь двигались солдаты-товарищи.

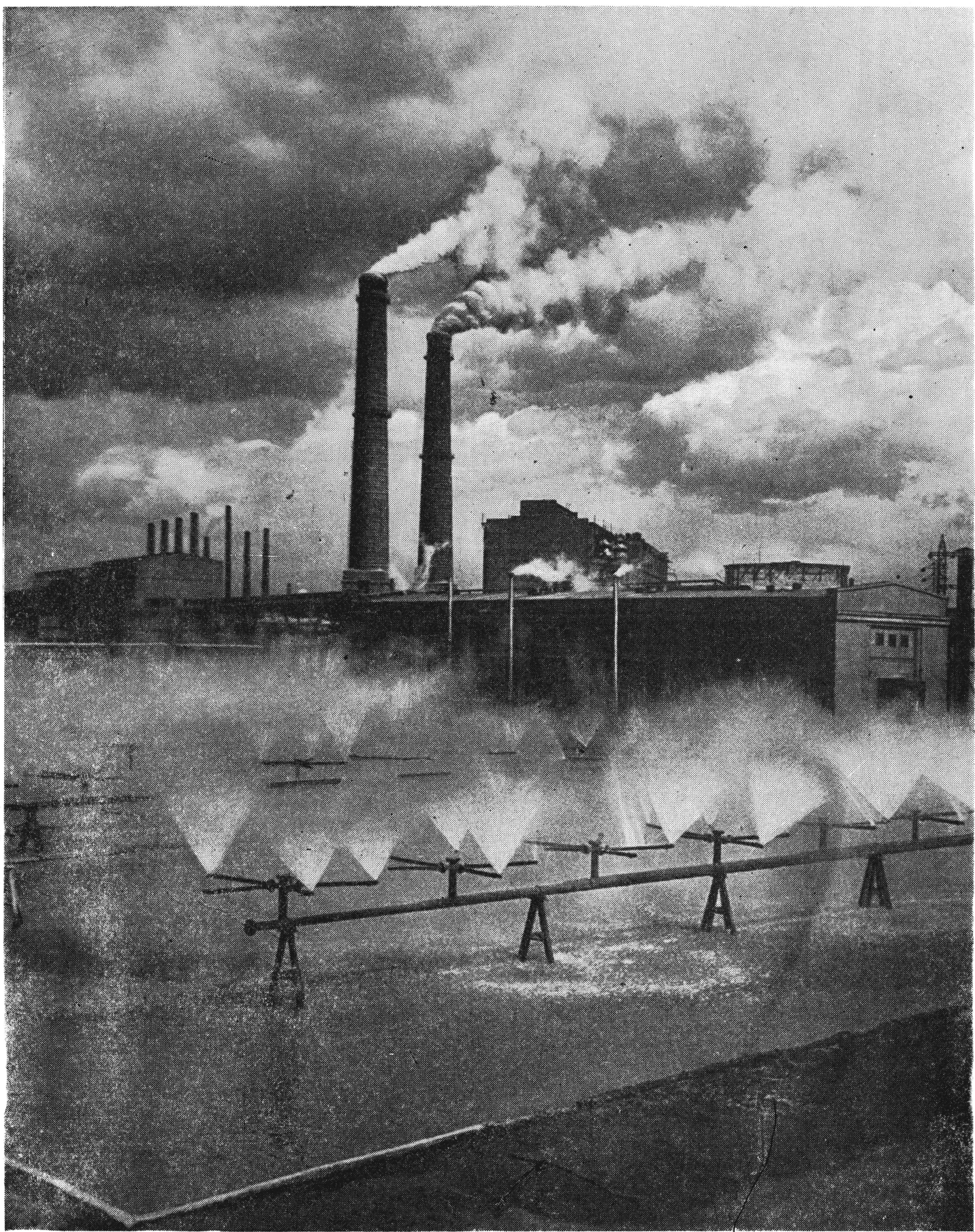
* * *

Народ, Родина никогда не забывают своих героев. История передает их имена из поколения в поколение. О них слагают былины, поют песни.

Подвиг Героев Советского Союза, рядовых солдат славной Советской Армии, Аксенова, Иванова, Леонова, Пятунина, Попова и Усманова, посмертно удостоенных этого высокого звания, — золотая страница истории.

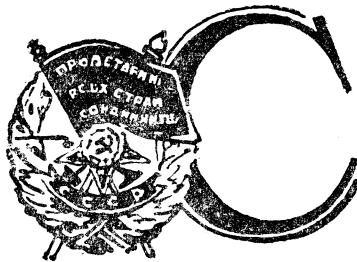
Вечным памятником бесстрашным воинам будет сбереженная ими Днепровская гидростанция, несущая людям свет.

Живые свидетели подвига Герои Советского Союза П. В. Замиралов и П. И. Топорков рассказали о своих товарищах, с тем чтобы молодежь в труде и в бою хранила традиции героев, в труде и в бою помогала друг другу, помня, что «нет уз святее товарищества!»

УРАЛЬСКИЙ ЗАВОД

Фото Я. Кунина

СЛАВА

Приключенческая повесть

1. Однажды в ливень

По извилистой тропке вдоль крутого берега тихой речки Мшанки цепочкой шли туристы-следопыты. Мерный шаг, ровный взмах рук, все чуть пригнулись вперед. Ладно пригнанные рюкзаки говорили о том, что парни и девушки в походе не впервые.

Иссиня-черные тучи заволокли небо. Внезапно их разорвала ослепительная молния. Землю потрясли громовые раскаты, словно где-то вблизи дал залп дивизион тяжелых орудий.

Налетел ураган. Ветер подхватил тучи песка, вырвал из земли сухие кусты, закружил, ударил в спокойную гладь Мшанки, взвихрил, поднял волны, погнал речку вспять. Порывом ветра едва не сбило с ног замыкающего цепочку, столкнуло всех в кучу, туристы ухватились за шляпы.

Высокий парень в очках добродушно воскликнул:

— Вот это здорово!

— Я говорила!..— Тонкая стройная девушка с трудом удерживалась на ногах.— Надо было...

С неба снова сорвалась, взбороздив тучи, гигантская ломаная огненная линия, гром оглушил путников. Девушка зажмурила глаза, закрыла уши ладонями и, охнув, присела, на корточки. Крупная дождевая капля упала ей на голову.

Высокий парень в очках, сложив ладони рунором, скомандовал:

— Укрыться! Переждем грозу! До села двенадцать километров.

Все кинулись вперед. Хлынул град. Белые ледяшки, величиной чуть меньше голубиных яиц, ударяясь о землю, подпрыгивали и катились перед ребятами. Мшанка клочкотала, вырываясь на тропинку.

Вдруг кто-то закричал:

— Пещера! Пещера!

Все заозирались, поднимая головы, прикрывая руками лица. Шагах в тридцати правее, невысоко над тропкой, на маленькой скале, молодое деревце боролось с бурей. Когда тонкий ствол изгибался дугой и кудлатая крона клонилась вниз, за нею виднелось небольшое черное пятно.

Кто-то нерешительно проговорил:

— Может быть, там только один и поместится!

Град продолжался. Молнии сверкали беспрерывно, и раздумывать было некогда. Добежав до уступа, цепляясь за камни и кусты, ребята стали карабкаться к пещере. Ветер прижимал их к отвесной стене, грозил скинуть смельчаков, но они ползли вперед, поддерживая и подсаживая друг друга.

В пещере оказалось очень уютно.

— Вовремя! — весело проговорил высокий, когда все вошли туда.— Отделались легким испугом. Что скажешь, Светлана?

Не ушурает

Сергей ПРАГА

Рис. Ю. Ефимова

Черноглазая, маленькая крепко сбитая девушка сняла с плеч рюкзак, положила у стены.

— Отдохнем! Здесь тепло и мух нет. А главное, сухо и не капает. Даже если гроза сейчас прекратится — нет смысла идти дальше: речка вздулась, кругом скользко. Давайте, Глеб, здесь и переночуем. Как думаете, ребята?

Все молча согласились, начали снимать рюкзаки. Светлана, улыбнувшись, съязвила:

— Косте повезло: ночевать придется без костра и горячего ужина.

Добродушный толстяк Костя ничего не ответил, только почмокал губами.

Часа через полтора буря утихла. Громы постепенно укатились далеко-далеко и уже казались ласковыми. Тучи рассеялись. По прозрачному небу от одной цепи гор до другой перекинулась радуга. Деревце на площадке перед пещерой, выдержав бурю, задорно зашелестело листвою.

Туристы расположились под ним поужинать. Ели колбасу, яйца вкрутую, холодные котлеты. Запивали чаем из термосов. Все быстро обсохли. Затем дежурный Костя убрал «со стола», а Светлана взяла циркуль, развернула карту. Семь голов склонились над ней.

Девушка определила на карте место бивуака, в точку воткнула ножку циркуля, промерила на юго-запад и сказала:

— До истока Мшанки — три. Туда и обратно — шесть километров. На завтра хватит. Вернемся рано, устроим дневку, а с рассветом пересечем водораздел, выйдем к Голубице и двинемся по тече-

нию. Жилья нет. Ночевка в поле. Согласны?

Голос ее звучал по-командирски властно, но в то же время в нем слышалась нотка, о которой Жора Байкалов говаривал: «Понимать надо. Света распоряжается намеком: хотите — возражайте, поспорим». Но на этот раз спорить никто не стал.

— Значит — отбой! — скомандовала Светлана.

Шестеро улеглись в пещере, а Глеб, как старший, примостился на площадке. Через час туристы крепко спали. Над горами опустилась звездная августовская ночь.

2. Сон Глеба

Сны — штука труднообъяснимая. В эту ночь Глеб почему-то видел во сне точное повторение того, что было два с лишним месяца назад.

Шел последний в учебном году урок. В 8 «Б» стояла тишина. Классный руководитель Валентина Борисовна, глядя поверх очков, скороговоркой объявляла ученикам итоговые отметки. Закончив, она встала и с раскрытым журналом в руках продолжала:

— Итак, ребята, вы повзрослели, поднялись на ступеньку выше. Постановлением педагогического совета все вы переведены в девятый класс. От души поздравляю, желаю вам увлекательно провести лето, отдохнуть, набраться сил.

Валентина Борисовна мельком взгля-

нула на часы. До звонка оставалось две минуты. Выжидая, она еще раз медленно обвела взглядом сидящих за партами, улыбнулась, с шумом захлопнула журнал, весело сказала: «Встать», и в тот же момент зазвенел звонок.

Как только Валентина Борисовна вышла из класса, с первой парты вскочила Светлана Айтынова:

— Следопыты остаются! Жора Байкалов, Костя Вижницын, Анатолий Гаурзак, Дина Дарвазова, Глеб Кемчугов, Коля Малояз...— Она постучала ладонью по столу, умеряя поднявшийся в классе шум, и добавила: — Кто хочет — присоединяйся! Просим! Остальные быстрее вылетайте: мешать будете.

Новых желающих стать следопытами на этот раз не оказалось. Все заторопились из класса, кто-то крикнул со смехом на прощанье: «Следопуты!» А шестеро, названных Светланой, расселись на передних партах. Во дворе школы раздалась резкие удары по футбольному мячу, парни грустно поглядывали на раскрытое окно, и Светлана подошла — притворила его.

— Ну! — нетерпеливо проговорил толстяк Костя, дожидывая припасенный бутерброд. — Давай скорее!..

Светлана раскрыла смятую тетрадку, ладонями расправила листы:

— План предлагается такой: выступаем пятнадцатого июня, возвращаемся пятнадцатого августа. За два месяца обследуем юго-западный район области — берега Голубицы, Неречи, Мшанки и Черные Скалы. Маршруты и расчеты Глеб с Толей сделали на каждый день. Мы показывали Герасиму Иосифовичу. Он одобрил...

Странный сон! Все-все в точности, как было на самом деле! Но потом Глеб, видимо, перевернулся на другой бок — все во сне стало путаться: несусветное и невообразимое с правдой. В класс затем будто бы влетел футбольный мяч, и следопыты начали пасовать его, причем головами, да так ловко! А Светлана, подпрыгивая, как мячик, торопливо выкрикивала:

— Будут вопросы?.. Кто желает высказаться?.. Какие предложения?.. Дина, сформи протокол!.. Сбор в пять часов! Семеро одного не ждут!.. Никаких опозданий!..

Затем Глебу приснилась гроза. Потом почему-то — прешлогодний поход по се-

верной части области. Потом — мастить и ученый-геолог, который знакомился с материалами, принесенными ребятами из похода, вздыхал и разводил руками:

— Диву даешься! Экспедиция геологов не дала бы того, что добыли малыши.

— Мы не малыши! — кричит Глеб. — Я уже паспорт получил! Паспорт! — И потрясает перед нссом ученого новеньким документом. Глеб на самом деле весною получил паспорт, только во сне он был почему-то красным-красным, как в стихах Маяковского.

А потом во сне командиром похода выбрали Светлану Айтынову, а заместителем — его, Глеба. И тут опять приснилась чепуха: будто бы он, Глеб, возражал и настаивал:

— Я командовать буду! Я! Светлана и так — староста в классе.

Эти последние картины сна страшно смутили Глеба, он не стал рассказывать виденное всем, а только одному Косте. Но Костя остался равнодушным:

— Подумаешь! Два месяца назад, год назад! Я однажды после Третьяковской галереи пять ночей подряд видел себя во сне — в шестнадцатом веке. Да-да! И то я был Иваном Грозным, а то — его сыном.

Судьба героев незаконченного рассказа «Сокровища старого следопыта» взволновала многих читателей нашего журнала.

Редакцией получено более двухсот вариантов окончания. Все они по-своему интересны, все они по-своему правильно подходят к завершению увлекательной истории пионеров-следопытов, обнаруживших на дне Чесмяцкого пруда загадочный сейф

КАК

Для того, чтобы показать, как многие восприняли рассказ, как представили себе его логическое завершение, мы приведем полностью письмо Николая Пермякова: «Дорогая редакция!

Мне очень хотелось написать окончание к рассказу «Сокровища старого следопыта», очень хотелось рассказать всем о том, как я представил себе историю, приключившуюся с Вадимом и Вовкой.

Конечно, я знал, что дело это трудное; нелегко ответить на вопросы: как сейф попал на дно пруда, для чего старик, которого Вадим и Вовка назвали Нептуном, лазил с «кошкой» в руках по ночам в пруд и что он там разыскивал, для чего компаньон его похитил у водолаза скафандр и как использовал его, что обнаружили ребята (я не сомневаюсь, что сейф из пруда вы-

3. У стены в пещере

Рассвет следопыты встретили на ногах. Завтрак готовила Дина, вступившая на дежурство.

До истоков Мшанки решили идти налегке, рюкзаки и все имущество оставить в пещере под присмотром дежурной.

Стоя на площадке у деревца, Дина взглядом проводила товарищей. Когда за извилиной реки скрылась клетчатая рубашка замыкающего Жоры Байкалова, Дина принялась за работу.

Она любила петь. Однажды даже в классе, на уроке химии, Дина забылась на мгновение и, перекладывая в уме формулы реакции восстановления на музыку, замурлыкала песенку. Ей тогда крепко за это влетело. А тут, в горах, раздолье, чистый воздух, синее небо, ласковое солнце. Можно петь и петь!

Напевая, Дина принесла из речки воды, набрала в недалеком лесочке хвороста, соорудила треногу, разожгла костер и, повесив котел, начала перебирать рис. На обед она наметила рисовый плов с консервированной тушеной говядиной и кисель.

ПРОШЕЛ КОНКУРС

тащили они!) в сейфе, и как сокровища старого следопыта Н. Бабушкина были использованы нашим народом. И все же я взялся за перо. Писал с трудом и кое-как довел окончание рассказа до семи страниц.

Почему-то (я не хотел этого!) с первых же страниц меня так и подмывало ввести в рассказ какого-нибудь шпиона. Я долго крепился, упирался, сопротивлялся, но... Трудно было развить повествование в другом направлении. Надо было по-настоящему думать, искать, и я отступил: ввел-таки двух шпионов и сделал стариков их сообщниками. Действие начало развиваться быстро, и... тут-то я и понял, что мне не под силу завершить рассказ. «Опять шпионы», — подумал я.

Может быть, это интересно для многих, но мне кажется, что история Вадима и Вовки резко отличается от множества похожих один на

другой рассказов о шпионах и диверсантах:

Извини меня, дорогая редакция, но я не послал свое окончание.

Надеюсь, что у рассказа «Сокровища старого следопыта» будет именно такое окончание, о котором я смог рассказать только в общих чертах и не мог изложить последовательно и интересно в художественной форме.

Передайте всем читателям, которые пишут окончания к рассказу «Сокровища старого следопыта», мои самые искренние пожелания творческих успехов. Пусть они сделают увлекательную историю без шпионов и убийц!

Николай Пермиков.

В следующем номере «Уральского следопыта» будет дан обзор поступивших в редакцию окончаний рассказа «Сокровища старого следопыта» и опубликовано лучшее из них.

Рис оказался чистым, а вода закипала медленно.

Дина хозяйским глазом окинула площадку, сваленные кучей рюкзаки в пещере и подумала: «Подмести бы, устлать пол свежей травой...» И она тут же спустилась вниз, нарвала травы и цветов на лужайке, связала веник из горько-душистой горной полыни и принялась за уборку.

Стараясь не поднимать пыли, Дина подметала пол. Еще накануне, укладываясь в пещере, ребята обратили внимание на бесформенный бугорок вдоль правой стены. Он мешал, в особенности острый камень на нем. Некоторым пришлось перебраться на левую, более открытую сторону пещеры.

Дина задумалась: «Надо выровнять пол. Но... земля сухая, слежавшаяся. Много работы. Займешься — не уберешь обед... Ладно! Только камень выбросу».

Она присела на корточки, попробовала вытащить камень. Тот легко поддался, а под ним оказалась пустота. Дина сунула руку — глубоко. Бугорок под коркой засохшей земли был рыхлым.

«Какой-нибудь клад», — решила Дина и, отбросив веник, быстро разыскала среди следопытских вещей маленькую саперную лопату. Воткнула ее в землю, поднажужилась — и большой кусок сразу отвалился в сторону. В глубине что-то белело. Дина вскрикнула, в страхе попятилась и выбежала из пещеры.

Могила...

Журчала внизу река. В воздухе гудел шмель. Где-то в кустах маленькая пичуга выводила незамысловатые трели. Все это действовало успокаивающе. Дина на цыпочках снова подошла к пещере, заглянула. Но вдруг почувствовала, что силы ее иссякают. Тогда она вернулась к костру и замерла в ожидании товарищей. Рис подгорел, огонь угасал, но Дина ничего не замечала.

Вскоре пришли друзья. Следопыты долго смотрели на Дину, ничего не понимая. «Там могила», — только и смогла прошептать она, с опаской оглядываясь на пещеру.

— Чепуха! Наверное, ты уснула. Мало ли что во сне привидится, — авторитетно проговорил Глеб. — А ну, ребята, хватайте ее под мышки, пошли.

Все гурьбою ввалились в пещеру. Сперва никто ничего не заметил, и разда-

лись было смешки. Но потом Глеб опустился на колени, заглянул в провал, куда еле проникал свет.

— Там, там!..— прошептала Дина. Глеб нахмурился и многозначительно проговорил:

— Скелет!

Толя Гаурзак, смелый вихрастый парень, ткнул в землю палкой и безапелляционно сказал:

— Мы натолкнулись на погребенье доисторического человека.

Но рыженький Жора, побледневший и сосредоточенный, оттянул друга в сторону:

— Не ковырай. Надо иметь уважение. Сам ты «доисторический». Может быть, это усыпальница скифского воина.

Светлана, обняв дрожащую Дину, спокойно посматривала на Глеба. Тот встал и тихо распорядился:

— Сейчас выясним. Вы, девочки, доваривайте обед, а мы займемся... Скелет не доисторической давности...

4. Печальная находка

Парни разгребли остатки земляной корки, приподняли и отбросили полусгнившие толстые ветки, и скелет обнажился. Взрыхлив землю вдоль стены, в углах, стали извлекать на свет различные предметы: широкий воинский пояс, солдатскую каску, покрытый сухой зеленой плесенью полевой бинокль с истлевшим ломающимся ремешком, изъеденный ржавчиной пистолет в одеревеневшей кожаной кобуре, остов компаса, почерневшую полевую сумку.

Притихшие парни коротко переговаривались, перебирая пальцами каждую горсть земли. К вещам добавились ручная граната и плоская жестяная коробка из-под конфет. Толя схватил ее, потер рукавом рубахи и прочел: «Моссельпром. Москва». Он осторожно встряхнул ее — в ней что-то загремело.

— Тише!— сказал Глеб, вынул из своего рюкзака простыню и накрыл скелет.

У входа в пещеру, прижимаясь друг к другу, стояли Светлана и Дина. «Обед готов», — должны были сообщить они, но обе настороженно молчали.

Все смотрели на вещи неизвестного. Каждому хотелось пощупать их, рассмотреть подробнее, но, чтобы не прослыть любопытными, как пустыньские девочки,

все воздерживались. Ждали, что скажет Глеб. А он задумался и стал по-мужски серьезным, вытянулся и, как солдат, опустил руки по швам.

— Это могила неизвестного солдата, — наконец глухо проговорил он. — Вернее, офицера. Нашего офицера. Каска наша, бинокль и граната наши, и пистолет, ну... и коробка московская. Все советское. Может быть, его все еще ждут дома, как моего отца мама ждет. А он лежит...

— Надо узнать, кто он, — может быть, документы найдутся, — негромко сказал Толя.

Светлана подошла к Глебу, робко положила руку ему на плечо и неуверенно произнесла:

— Похоронить надо...

Глеб опустился на землю и снова стал перебирать вещи, внимательно рассматривая каждую и тихо рассуждая:

— Каска с вмятинами — следы пуль. Пистолет «Т-Т» заржавел, номера не видно. Наверно, заряжен. Граната на боевом взводе.

Жора дрожащими руками принимал от него страшные предметы. Глеб кончиком ножа с трудом вскрыл жестяную коробку. Высыпал на ладонь серые комочки слежавшейся махорки. Наконец очередь дошла и до полевой сумки. Хорошо выдубленная кожа сохранилась, и Глеб осторожно откинул крышку. В гнездах торчали ржавый курвиметр¹, толстые карандаши, перочинный ножичек. В первом отделе сумки оказался обрывок топографической карты.

Бумага на сгибах прогнила, но краски сохранились: лес, мелкие населенные пункты с незнакомыми названиями, безымянный ручей, река и снова лес, бугры, курганы, надпись «Пол. Ст.», тригонометрические отметки, высоты. В некоторых местах карты виднелись скобки, нарисованные красным карандашом, а около них мелкие цифры. Кто-то прошептал:

— Боевая карта.

Глеб буркнул «угу» и перевернул ее. Она оказалась напечатанной на обороте старой, дореволюционной карты в масштабе 500 сажен в дюйме.

Отложив ее, Глеб извлек из полевой сумки бумажник. В нем нашли фотографическую карточку, на плотном картоне:

¹ Курвиметр — прибор для измерения длины дуг кривых линий на картах и планах. (Ред.)

молодая женщина в нарядном платье с курчавым бутузом на руках. Малыш, наверное, ждал «птичку»: круглыми глазами с испугом и любопытством уставился в объектив фотоаппарата. На обороте фотографии едва сохранились остатки надписи: «... любимому... от жены и... на».

Карточка пошла по рукам следопытов. Дина даже всхлипнула. Светлана долго рассматривала незнакомые лица и, прикрыв глаза, вздохнула:

— Что еще там?

Двумя пальцами Глеб потянул из бумажника за уголок еще какой-то документ. Бережно разгладил на колене. Все склонились над рассыпающимся листом бумаги.

Список!..

От времени он поистлел, выкрошился на сгибах. Текст местами выцвел. Но можно было догадаться, что перед следопытами список.

— Номера по порядку, фамилия, имя, отчество, год рождения, место призыва, — медленно разбирал Глеб, тихо и грустно покачивая головой. — Двадцать девять человек! Наверное, бойцы. Двадцать восемь записаны чернилами, а последний карандашом. Видно, прибыл в походе. Смотрите, все родились в девятьсот двадцать первом — двадцать вторым годам.

Ребята с любопытством и благоговением смотрели на список.

Одиннадцать фамилий оказались вычеркнутыми: номера 2, 7 и 11 — красным; 3, 14 и 19 — волнистой синей линией, а номера 6, 8, 22 и 23 простым карандашом. Возле вычеркнутых фамилий стояли еле заметные минусы, а между графами «отчество» и «год рождения» — лаконичная пометка: «уб...»

Глеб подумал и сказал:

— Вычеркивали после боев. На карте возле скобок — цифры, наверное, из этого списка. Возможно, остальные тоже убиты, только не успели отметить. Пойдите, тут еще что-то...

Он встряхнул слежавшуюся сумку. Из нее выпала пачка слипшихся тридцатирублевков. Пересчитали — 25 штук. Глеб перетряхнул сумку, запустил руку внутрь, пошарил. Больше ничего там не было.

Поднялись. Постояли. Помолчали.

— Так его нельзя оставлять, — наконец, сказал Глеб. — Похороним давайте... А?.. Где-нибудь на открытом месте... чтоб могилу людям видно было... — Он отвер-

нулся от товарищей и, глядя куда-то на далекие хребты, добавил: — Где-то вот и мой отец... А мы с мамой ничего не знаем...

5. Могила неизвестного

Собирались следопыты молча. Все предметы, найденные в пещере, завязали в узел — в простыню. Потом Глеб замер в раздумье над скелетом: «Как и в чем нести?» Дина, посмотрев на неподвижное лицо товарища, сразу прочитала его мысли. Она вытряхнула из своего рюкзака красное шерстяное одеяло и протянула Глебу:

— Давай в этом... Героев хоронят, завернув в красное знамя, а его у нас нет. Но это — все-таки красное... Он ведь, наверное, был героем?..

Глеб неуверенно взял одеяло:

— А ты как? Ночью холодно будет...

Дина тихо настаивала:

— Бери, бери, Глебка! Очень прошу... Я как-нибудь со Светой... или возле костра...

Завернули останки воина. Поочередно понесли их. По-двое, сменяя друг друга под ношей, шагали долго. Вниз по тропе, затем вдоль речки по ущелью. Сияло солнце, молчали горы, будто стояли в почетном карауле, устремив штыки вершин в спокойное небо. Даже речка, казалось, скорбно притихла перед молчаливой процессией ребят.

Через час следопыты вышли на развилку дорог. Остановились у бугра.

Без споров, пошептавшись, выбрали место для могилы, быстро принялись за работу. Толя и Жора повалили березу и стали обтесывать столбик, девушки собирали цветы. Набрали много самых больших, самых ярких. Гора цветов вскоре выросла у дороги, а они все приносили и приносили новые, не в силах сказать себе: «Хватит». И парни не останавливали их. Коля заготавливал дерн, а Костя с Глебом рыли яму.

К вечеру ребята бережно опустили в вырытую могилу останки неизвестного офицера. Обнажив головы, встали над ней полукругом. Светлана шагнула вперед, повернулась лицом к товарищам. Ноги подкашивались, точно перебитые. Ей хотелось опуститься тут же на траву у свежевыкопанной земли и плакать, но, переборов себя, девушка строго, отрубая каждое слово, скомандовала:

— Смир-но! Почтим память молчанием. Безвестному воину, что отдал жизнь за Родину, слава... — Выждав минуту, а может быть, две, Светлана бросила короткое: — Зарывайте!

Глеб взмахнул лопатой.

Зашуршала земля, падающая в могилу. Дружные руки водрузили вытесанный столб, держали его. Холм рос. Его утрамбовали, обложили свежим дерном, засыпали цветами.

— Остается сделать надпись, — глухо проговорил Толя, отирая потное лицо рукавом рубахи. — Напишем на столбе?

— Нехорошо выйдет, — пробурчал Жора. — Бедно. Вот если бы была доска...

Веснушчатый, вихрастый Коля, ни слова не говоря, опустил над своим рюкзаком, расстегнул его и вынул полированный плоский ящичек. Постучал пальцем по крышке:

— Доска есть. Что писать?

Все глянули на Колю. Весь класс гордился первой премией, которую зимой получил Коля на областной выставке живописи школьников. Все знали этот роскошный этюдник, каких и в продаже не бывало: с удобными отделениями для красок и карандашей, изящный ящик из карельской березы.

Все молчали.

— Ну, что же писать? — повторил Коля.

— Могила неизвестного солдата, — сказал Костя и, не встретив поддержки, пожал плечами. — Чем плохо? Во Франции в центре Парижа есть Могила неизвестного солдата, возле нее горит неугасимый огонь. Да-да, я читал...

— «Здесь похоронен неизвестный солдат»! — предложил Толя.

— Не солдат, а офицер, — вставил Жора.

— И Ленин называл себя солдатом революции, — задумчиво проговорила Светлана. — Солдат — звучит гордо, сурово. Офицер — это солдат, прежде всего, солдат. Давайте напишем: «Здесь похоронен неизвестный солдат, отдавший жизнь за Родину!»

— А может, ничего не писать? — усомнился Жора. — Мы же ничего не знаем.

— Как то есть ничего? — возмутился Толя. — А узнать — мы все равно все узнаем. На то и следопыты, чтоб ни один герой в стране не остался безымянным!.. — и с необычным для него пылом он продолжал: — Я вообще за то, чтоб на

каждом памятном месте, и не только где были бои, а и там, откуда люди уходили на фронт, — всюду стоял бы памятник солдату, погибшему в боях за Родину. Пусть под камнем даже не будет гроба, не обязательно. Но у подножия его должен всегда гореть неугасимый огонек. Чтоб героев помнили! Я знаю, у Глеба мама и сейчас ходит на кладбище к чьей-нибудь забытой могиле, убирает ее цветами и посидит, поплачет, потому что не знает, где похоронен муж. Правильно, Глеб? Скажи...

Глеб отвернулся, заморгал куцыми ресничками. Потом взял себя в руки и сухо сказал:

— Пиши, Коля: «Здесь похоронен неизвестный герой, отдавший жизнь за Родину в 1941—1945 годах».

6. Штаб следопытов

Тут же у подножия холма ребята разбили палатку, запасли топлива на ночной костер. Затем решили еще раз внимательно пересмотреть вещи погибшего. Береж-

но перебрали еще раз и заспорили. Разные предположения вызвала карточка.

Светлана, охватив колени руками, сидела и сосредоточенно смотрела в одну точку. Коля окликнул ее:

— Света, ну, подтверди, что Жора неправ. У ребенка на снимке пилотка, как у испанских республиканцев. Правда? А он говорит...

Светлана взяла фотографию в руки и, ни к кому не обращаясь, задумчиво проговорила:

— Если бы все это попало моей маме, она установила бы имя погибшего.

Все ребята знали мать Светланы — Анну Васильевну Айтынову, майора милиции, опытного следователя. Но Жора протяжно свистнул, то ли усомнившись, то ли из озорства:

— Даже и Анна Васильевна может не узнать! Трудно.

Светлана качнула головой:

— Конечно, трудно. Но если иметь специальное образование... И, главное, нужно уметь беседовать не только с живыми людьми, но и с предметами, вот, как эти... с вещественными доказательствами.

— Это тебе Анна Васильевна говорила? — сыронизировал Жора.

— Да, — серьезно согласилась Светлана. — Мама. И я читала мамины книги. И вообще... Что ехидно улыбаешься? Вот ты смотришь на Катю, а по глазам видно: тебе хочется примерить каску, но ты стесняешься. А у Толи руки чешутся поковыряться в пистолете. А Дина не сводит глаз с ребенка на карточке, она маленьких детишек любит... — Светлана взяла из вещей погибшего коробочку из-под монпансье и погладила ее. — Ведь предметы видели, как их обладатель жил, думал, бился с врагами и шел, пока не оказался в пещере. Они говорят...

— Ну, уж так и говорят? — усомнился Жора, обиженный замечанием о каске, которую ему действительно хотелось примерить. — Если ты слышишь, то расскажи. Ну, расскажи!..

Светлана отложила коробочку.

— Я начну — слушайте, ошибусь — остановите. Вот. На фото молодая женщина, ей всего лет двадцать, и мальчику года три. Так? Значит, можно предположить, что погибшему лет двадцать пять: муж обычно старше жены. В списке двадцать девять фамилий. Это взвод. Так? Значит, он командовал взводом. Видимо,

он лейтенант: в девятнадцать окончил школу, в двадцать два — военное училище. Так ведь бывает? Он был высокий и широколицый. Не смейтесь. Я заметила по скелету. Если примерить бинокль, раздвинутый на его глаза, убедишься, у погибшего лицо шире любого из нас. А посмотрите на ремень — он был застегнут на самую последнюю дырочку. Значит, офицер очень стройный. Смелый, храбрый — об этом говорит каска: на ней вмятины от пуль и осколков. Он не прятался в бою, был впереди взвода. А коробочку от конфет он хранил, наверное, на память. При расставании сынишка, может быть, дал ему: «Папка, на, кушай!». Отец взял, конфетами угостил товарищей, а коробочку хранил...

— Складно получается, — тихо проговорил Жора.

А Светлана продолжала:

— Как следопыты, мы уже знаем: в этой местности в войну боев не было. Здесь сначала наши войска просто отходили, а потом гитлеровцам был дан выгон там, за хребтом, и все. Как же командир взвода попал в пещеру? Возможно, он, раненный, остался в тылу врага, шел к своим и... не дошел... Надо попробовать установить номер пистолета, номер бинокля. По номерам можно найти часть, где он служил, и узнать, кому выданы предметы... По фотоснимку — разыскать, где фотографировалась эта женщина, кто она такая... А список? Это двадцать девять свидетелей, из которых даже мертвые могут помочь... А живые... Ведь остался же кто-нибудь в живых!..

Светлана задумалась и умолкла. Глеб нерешительно взял ремень погибшего, помял его, свернул, поднес к лицу, затем растерянно проговорил:

— Пахнет как от кителя и пистолетной кобуры моего отца. Мама получила его вещи вместе с извещением. У отца тоже было два золотых зуба. — Лицо Глеба дрогнуло вдруг. — Может быть, это отец? Хотя — нет! Он командовал артиллерийским дивизионом. Артиллеристы своих пушек не бросают. А здесь вокруг нет никаких орудий... — Глеб запнулся и после долгого тяжелого молчания спросил: — Света, можно — ремень я возьму себе?

Светлана кивнула. Дина, а за ней и все мальчики прогудели:

— Бери, Глеб, бери!

Глеб вдруг положил ремень обратно:

— Стоп, ребята! А что, если все вещи отдать в школьный музей? А нам всем во что бы то ни стало найти имя героя!

— Поведем настоящее следствие,— добавил Толя.

— Да-да, следствие,— подхватила Дина.— Света говорила, что ее мама раскрывала старые преступления, находила убийц, устанавливала личность неизвестного убитого. Мы знаем убийцу — это фашисты. Преступление — война. Нам надо установить личность погибшего. Верно, Света?

Светлана сидела, подобрав под себя ноги, и задумчиво молчала. Одно дело — скомандовать привал, назначить дежурного, распорядиться, что готовить на обед, и совсем другое — начать серьезные поиски. А если вещи, обнаруженные возле скелета, больше ничего не скажут?

— Ай-ты-но-ва, ну-у-у! — нетерпеливо протянула Дина, легонько толкая подругу.— Давай попробуем! Мама твоя ведь поможет?

Светлана повела плечами, словно от озноба, и, помедлив, сказала:

— Давайте. Запиши в журнале: «В течение учебного года установить личность героя. Будущим летом мы придем сюда и напишем фамилию погибшего».

Глеб добавил:

— Этого мало. Надо записать: «В течение года мы соберем деньги на памятник герою». Установим и ежегодно, в летние каникулы, будем приходить сюда возлагать венок из живых цветов. Пусть это станет традицией нашей школы.

Светлана громко спросила.

— Кто «за?»

Следопыты подняли руки.

— Ну, вот,— продолжала Светлана,— принято единогласно... А теперь я предлагаю создать штаб по нашим поискам. Начальником штаба выберем Глеба. У него уже есть паспорт, может быть, придется пойти куда-нибудь, где пропуск нужен... В общем, Глеб — начальник штаба. Идет?

Все тихо захлопали в ладоши. Коля выкрикнул:

— Заместитель — Света, секретарь штаба — Жора!

Глеб снял очки, протер стекла краешком рубахи, прищурил глаза:

— Я так я. Первое совещание штаба после уроков в субботу первой недели нового учебного года.

7. Немые свидетели

Происшествие в пещере и новые планы следопытов нарушили работу экспедиции. Весь день, когда шли к своей конечной цели — к маленькой речушке Голубице, ребята спорили, как вести задуманные поиски. На привале, наскоро перекусив, вновь разложили перед собой вещи, найденные в пещере.

Толстяк Костя, круглый сирота, усновленный дядей — полковником в отставке, считался в классе знатоком военного дела. Он долго вертел в руках пистолет, ножиком скоблил глубокую ржавчину, покрывшую номер. Затем он попробовал привести в действие разъединный коррозией механизм бинокля. Результатов никаких не добился, но уверенно сказал:

— Номера восстановить можно. Надо спилить слой — и в микроскоп увидишь. Так определяют. Но что это даст? Обратиться в Министерство обороны? Что они ответят? И пистолет и бинокль, наверное, выданы лет двадцать назад. Ничего не выйдет... А гранату я попрошу дядю осторожно разрядить: она может взорваться.

Унылые выводы Кости выслушали внимательно. Доводы оказались вескими.

— Ну, а каска — это для музея,— продолжал Костя и шутливо добавил: — Она, кроме того, что нашептала Свете, ничего не скажет.

Но вихрастый задорный Толя, который разглядывал найденную в пещере фотографию, возразил:

— Ты, Костя, всегда был скептиком. Все стерлось, а «заяц» и под ним «ону» видны. Уверен,— это окончание фамилии фотографа и названия города. А ну, ребята, в два счета, какой город оканчивается на «ону»?

Следопыты начали наперебой называть города, но окончания не подходили. Наконец Дина придумала:

— Ростов-на-Дону! — радостно выкрикнула она.

Карточку передавали из рук в руки. Все разглядывали буквы, обнаруженные Толей, и согласились, что Дина права.

— Надо, — предложил Толя, — поехать в Ростов-на-Дону, среди фотографов поискать того, чья фамилия окажется с окончанием на «зянц», и спросить: «Не скажете ли нам, кому принадлежит эта фотография?» Он, конечно, взъерошит шевелюру, очки на нос, раскроет толстую книгу заказов и через десять минут докладывает. «Это гражданка такая-то, ее адрес такой-то». Мы в тот же день находим ее, она все рассказывает, и дело в шляпе.

— Правильно, Толя! Разочаровываться рано, — серьезно проговорил Глеб. — Взять хотя бы список: можно прочесть фамилии и имена бойцов. Только против пяти-шести потерлось «место призыва». А то извольте, — он расправил список, — Старакин Виктор — Кировск, Егозин Василий — Артемовск, Дроздовский Сергей — Знаменка, Хордин Алексей — Елань. Приехать, скажем, в Знаменку и моментально: раз... раз... Вам дают адрес Дроздовского Сергея Петровича, а он говорит: «Мой командир взвода товарищ такой-то...»

— Поехал, держите его, — состроил гримасу, возразил Костя. — А как ты поедешь? Кто тебя пустит? На какие деньги? Нашелся следователь по особо важным делам.

— А я бы сделал по-другому, — сказал тихий Коля, до сих пор молчавший и казавшийся равнодушным к затее следопытов.

— Как? — с недоверием спросил Глеб.

Коля сел «по-турецки», нравоучительно поднял палец вверх и гортанно произнес:

— Де-тть-и-и!..

Все засмеялись. Каждому этот тон и жест напомнил школьного учителя физики Кузьму Ионовича. Довольный тем, что его шутка принята одноклассниками, Коля медленно продолжал:

— Я бы заготовил письма. Такое теплое, хорошее письмо, чтоб того, кто начнет читать, за душу хватало. В двадцати девяти экземплярах! И разослал бы...

— На деревню дедушке? — ехидно буркнул Костя.

— Нет. Послал бы в адрес: «Комсомольцам 9 «Б» первой средней школы». У нас ведь в любом населенном пункте есть школа. Девятиклассники прочтут, поймут нас и начнут искать, кого надо, а найдут и спросят. К примеру, вот в списке Железнов Георгий Семенович, ро-

дился в 1920 году, призван в Благовещенске. Ребята найдут Железнова, поговорят с ним и штабу сообщат все, что узнают.

— Коля! Какой ты молодец! — воскликнула Светлана. — Это замечательно! Глеб, так и сделаем?

— Давайте, — отозвался Глеб. — Я вот еще думаю и о другом. На карте — отметки, скобки, под ними цифры. Вот смотрите: один, двенадцать, четырнадцать. А под этими номерами в списке вычеркнуты Арсенов, Кирфанов, Лапушин. Далее на восток снова скобка и тройка, шестерка, девятнадцать, а волнистая линия исключает из взвода Броварного, Николаева, Опочкина. Если мы сможем установить, какого района эта карта, то воссоздадим боевой путь взвода.

Тогда Костя, похлопав по плечу Глеба, покладисто согласился:

— Сделаем. Попрошу дядю — он поможет.

Светлана настороженно обвела всех глазами:

— А справимся? Нас ведь всего семеро.

Тут Жора возразил обидчиво, даже подтолкнул Светлану:

— Эх, ты, командир, класском! Клас-са не знаешь. Да ребята и девчата — все с нами пойдут. Вся школа поможет... А мы-то ведь следопыты.

8. Неизвестные города

По пути домой к родному Приреченску постепенно выкристаллизовывался план будущей работы штаба.

Сочинили текст письма-обращения к девятиклассникам других городов. Но вот беда: в списке взвода оставались досадные «белые пятна». Против некоторых фамилий в графе «место призыва» время уничтожило часть букв. Из-за этого Сафарьян Карапет Навасардович значился призванным в «...АН». Трубных Никифор Саввич в «..СК», Сулгунадзе Виссарион Алфезович в «...ИСИ». В графе у Баклайкина Степана Григорьевича место призыва выглядело так: «г. Р... ЮЛ», а у Фирсова Гаврила Павловича так: в г... ДАР».

На привалах спорили об этих «пятнах». Уже склонились к мысли отказаться от розыска тех, у кого не видно, где они призывались. Но Дина отвела чуть в сторону Светлану и зашептала ей на ухо:

— Я не согласна. Узнать можно. Фамилия каждого говорит о его национальности. Сулгунадзе — грузин. Сафарьян — армянин. Мы подтруниваем в классе над Юрой Холодных: «Пермяк — солены уши», а ведь у уральцев фамилии часто оканчиваются на «ВХ». Трубных — уралец или сибиряк. Я уверена: грузина призывали в Грузии, сибиряка в Сибири, а армянина в Армении. Надо узнать, какие города в Грузии оканчиваются на «ИСИ». К примеру, Тбилиси, Кутаиси. В Армении установим города с окончанием на «АН» — Ленинакан, там мой папа работал. Может быть, еще есть. На Урале и в Сибири надо найти города с окончанием «СК»: Омск, Томск, Тобольск, Арск, Орск...

Жора подслушал и перебил ее:

— Ростов-на-Дону, Саратов на Волге! Эх, куда загнула! Арск в Татарской АССР, а Орск, надо знать, — город Чкаловской области.

Дина надула губы.

— Пусть Арск не на Урале, и... хорошо, не настаиваю. Все равно надо поручить кому-нибудь узнать все города с окончаниями, нас интересующими.

Идея Дины понравилась всем. И следопыты тут же постановили: «Дине Дарвазовой в трехдневный срок представить штабу списки городов, оканчивающихся на «ИСИ» в Грузинской ССР, на «АН» по Армянской ССР и на «СК» — в Сибири, на Урале».

А первого сентября все ученики 9 «Б»

знали о пещере, о замысле следопытов. На заседание штаба остался весь класс. Глеб коротко рассказал обо всем, показал найденные вещи, предложил участвовать в поисках всему классу. Один за другим парни и девушки предлагали свои услуги штабу, все начинали со слов «я — за!» Только один Дима Карпин, бледный, худой юноша, «экономист», как его прозвали еще в пятом классе, оказался против.

Дима с Глебом вместе шли с первого класса, но никогда не дружили. До пятого класса оба были отличниками, а дальше Глеб продолжал получать пятерки по всем дисциплинам, а Дима затруднялся в русском письменном и выше четверки не получал. Да тут еще Глеба выбрали комсоргом. Дима на каждом собрании выступал, если не против, то обязательно с критикой сказанного Глебом. Поэтому как только он встал из-за парты, все насторожились. Дима укоризненно покачал головой, оттопырив бледные губы, и развел руками:

— Нет! В детективные способности Глеба и Светланы я не верю. По каким-то весьма сомнительным документам и предметам воинского снаряжения нельзя установить фамилию, имя, отчество и звание человека, погибшего пятнадцать лет назад.

В классе поднялся шум. Дима спокойно поднял руку и крикнул:

— Тише, следопыты! Это не метод вести спор. Я сказал. «Не верю в детек-

тивные способности». Но я за памятник. Создавать его — я тоже приму участие. Буду делать, что угодно! Постановим: гранит тащить в горы на плечах — я пойду со всеми. Но памятник стоит денег. Их надо собрать. Нас в школе тысяча. Каждый может попросить у родных пять рублей, отказа не будет. Это уже пять тысяч, но тогда получится: памятник поставили папы и мамы. Деньги нам надо заработать самим. Я предлагаю старый, всем известный способ. Я уже подсчитал. Если каждый принесет десять килограммов металлического лома, три килограмма бумажной макулатуры, по две-три стеклянных банки из-под консервов, мы нарберем десять тысяч рублей. Прибавим наш будущий летний заработок в колхозе на прополке и то что «пап-мамы» дадут — будет двадцать пять — тридцать тысяч.

Дима важно подошел к столу и протянул Глебу клочок бумаги со своими подсчетами.

Предложение Димы приняли единогласно. И тут же в помощь штабу выбрали хозяйственную комиссию во главе с Димой.

Когда выходили гурьбой из школы, Глеб догнал низенького паренька со взъерошенным чубом, схватил его за рукав:

— А ты, Борис, почему сидел и молчал? Ни «за», ни «против»? Не веришь в нашу затею?

Боря, старый приятель Глеба, с сожалением покачал головой:

— Верю, Глебушка. Но... Понимаешь?.. Отца переводят из Приреченска, всей семьей уезжаем. Я уже принес заявление, чтобы выдали документы. Так что — все...

Глеб даже засопел от столь неожиданной вести, снял очки, протер стекла.

— И далеко едете?

— В Батайск, — коротко ответил Борис.

— А это где?

— Говорят, километрах в семи от Ростова-на-Дону. Считаю, еду в Ростов.

Тут Глеб обеими руками схватил его за плечи:

— Борька, так ведь это ж гениально! В Ростове один из главных узлов нашего поиска: понимаешь, его жена сфотографировалась в Ростове. Слушай. Ты поможешь нам? Штаб тебе даст фото, а ты...

Борис с трудом высвободился из цепких рук друга.

— Ладно. Попробую.

9. Нити дружбы

Дина выполнила поручение штаба.

В Армении райцентров и городов, название которых оканчивается на «АН», оказалось восемь: Ереван, Ленинакан, Кировокаан, Степанаван, Делижан, Иджеван, Калагеран, Каджаран. Пять городов с «ИСИ» нашлось в Грузии: Тбилиси, Кутаиси, Манглиси, Болниси, Дманиси. Омск; Томск, Тобольск — сибирские города; КрасноДАР и ПавлоДАР искать не пришлось. Их она знала.

Теперь можно было начинать. Найденный в пещере список бойцов разделили на девять частей, а в классе создали девять групп, которые и начали переписку со школами тех городов, где призывались бойцы взвода.

Заготовили сорок три письма, каждое адресовали: «Комсомольцам 9 «Б» первой школы». Отец Толи, начальник отделения связи, посоветовал все письма посылать заказными, с уведомлением о вручении.

Штаб заседал дома у Глеба. Жора, как секретарь штаба, торжественно вручил Толе пачку писем, серьезно пожелал ему «ни пуха, ни пера!» и, поддерживая под локоть, проводил до двери. Члены штаба принялись оформлять «оперативную» карту. Девушки сделали разноцветные бумажные флажки на булавах. Самый большой, красный с буквой «Ш», вкололи на карте в «Приреченск», а в города, куда были адресованы письма, — флажки поменьше. До каждого города промерили расстояние.

Работу почти закончили, когда в прихожей неожиданно задребезжал звонок. Все гурьбой бросились открывать двери. На пороге стоял вспотевший, запыхавшийся Толя. Вместо ответа на вопрос «В чем дело?» он потряс пачкой писем:

— Авария! Непредвиденное обстоятельство! Письма, действительно, чуть не ушли в адрес «на деревню дедушке». Хорошо, что решили посылать заказными. Отец на почте поймал наши ошибки.

Толя положил письма на стол, а одно в вытянутой руке поднял над головой:

— Дроздовский Сергей Петрович. Знаменка. А какая?

Глеб сердито сдернул свои очки, чуть не поломав их, и возмущенно:

— То есть, как «какая»?

— Да так,— загадочно ответил Толя и укоризненно покачал головой, словно сам не был участником отправки писем.— В какую Знаменку? В справочнике моего отца Знаменок пять: Алтайский край, Иркутская область, Кировоградская область, Смоленская, Тамбовская...

— Да ну?.. Не может быть!.. Врешь!— закричали ребята.

— Точно! Благовещенска два. Один там, где мы знаем, в Амурской области, а другой в Башкирской АССР. Артемовск пять, Андреевска четыре. Городищ семь! В семи областях СССР есть город Городище! Не верите? Городище — Брестской области, Ворошиловградской, Ленинградской, Могилевской, Пензенской, Сталинской и Черкасской областей. Вот... А Кировска четыре: в Азербайджане, в Туркменистане, в Карело-Финской АССР и в Могилевской области. Отец сказал...

— Твой отец, наверное, посоветовал: «Бросьте эту затею!»? — угрюмо проговорил Глеб.

Толя обиженно покачал головой:

— Нет. Отец говорит, такие письма надо послать во все города всех областей. Придется писать еще двадцать два. Отец подарил нам тридцать уведомлений и столько же конвертов с марками.

Упрямый народ — следопыты. Снова закипела работа. Весь штаб молча решил преодолеть первое препятствие.

Уже поздно вечером в почтовом отделении Толе выдали 64 квитанции на заказные письма «с уведомлением о вручении».

На «оперативной» карте к ранее вколотым флажкам добавилось еще двадцать два. Разноцветные клинышки папирозной бумаги весело колыхались от дыхания ребят, склонившихся над картой Родины.

Дина, ни к кому не обращаясь, мечтательно сказала:

— Ой, сколько городов!.. Если, как говорил Толя, везде поставить памятники, то...

— А почему нет? — прервала ее Светлана.— Разве есть хоть один уголок, откуда люди не уходили бы на войну защищать страну?.. Ты говоришь: городов много! Но ведь в каждом городе могут быть такие, как мы.

10. Это не всем нравится

Создавая штаб, следопыты рассчитывали на поддержку класса, но уже через несколько дней стало ясно: вести поиски имени погибшего за Родину и соорудить ему памятник будет вся школа. Об этом говорили и малыши-первоклассники, и выпускники, и в учительской обсуждалось решение штаба следопытов. И все были готовы помочь ребятам.

Только Эльпида Панкратовна, высокая, никогда не улыбающаяся преподавательница математики в восьмых и девярых классах, была против. Впрочем, она всегда отстаивала свое особое мнение. Эльпида Панкратовна отлично объясняла новый материал, строго спрашивала, добросовестно выставляла отметки, всегда помогала отстающим, проводила консультации. Но у нее был один недостаток: она считала, что все парни и девушки после уроков в школе должны интересоваться только тригонометрией.

И вот, когда у директора школы как-то собрались завуч, несколько учителей и комсорг — тоже молодой педагог, поступивший в кабинет, вошла Эльпида Панкратовна. Она сухо поздоровалась со всеми, подошла к столу директора, проверив прочность стула, села и положила на колени большой портфель, который всегда заперала на ключик.

— Я не помешала? — четко проговорила она. — Я к вам по поводу 9 «Б».

Все насторожились. Чем же один из лучших классов встревожил Эльпиду Панкратовну?

А она с упреком глянула на комсорга и продолжала:

— Мне не нравится игра учеников во всесоюзный уголовный розыск, в следователей, в шерлоков холмсов. Мальчики да и девочки стали какими-то взбудораженными, самоуверенными, они преждевременно повзрослели...

— А как успеваемость? — прервав ее, спросила директор школы.

Эльпида Панкратовна строго похлопала по портфелю тонкими пальцами:

— Пока ничего не скажу. По моим предметам, правда, в этом году они после каникул как-то без раскочки взяли разгон. Видимо, сказывается неплохая подготовка в предыдущем классе.

— Так что же вас волнует? — допытывалась директор школы.

Эльпида Панкратовна недоуменно посмотрела на директора. Неужели пожилая женщина, опытный, заслуженный педагог, не понимает? Голос Эльпиды Панкратовны упал до шепота:

— Вас не волнует? Мне не нравится их затея. Из-за нее школа гудит, как улей, все снуют, как в муравейнике. По моему мнению, созданный в 9 «Б» штаб подменил комсомольскую и пионерскую организации. Это... Это... какой-то неорганизованный романтизм! Конечно, я не руковожу классом, мне ничего, но вам, дирекции, могут быть неприятности. Следопыты! Слово-то какое выдумали! Я смотрела в старинный, самый полный толковый словарь Владимира Даля — там нет такого слова. А что это такое на деле? Дети, ведь они дети, присвоили себе функции органов прокурорского надзора и следствия. Я удивляюсь! Многие в восторге, но еще неизвестно, как на это посмотрит райком комсомола, роно!.. Гороно!..

— Я ходил в райком, — заметил комсорг.

Эльпида Панкратовна резко повернулась к нему:

— Ну и?.. — воскликнула она очень громко.

Комсорг даже растерялся и продолжил не сразу:

— Там сказали: надо посмотреть и...

— Вот видите! Видите! — обращаясь к директору, торжественно поднялась Эльпида Панкратовна. — Надо посмотреть!..

— Сказали: надо внимательно посмотреть, — в голосе комсорга прозвучали задиристые нотки. — Да-да! И распространить затею на все школы. Это то, чего не хватает в работе школьных организаций, — огонька, увлеченности, выдумки. Да-да! Не пугайтесь!.. В штабе следопытов есть и комсомольцы, и они там играют не последнюю роль. Вчера у нас было комсомольское собрание — вы не приходите никогда, и напрасно! — В поисках имени безвестного защитника Родины нет ничего от уголовного розыска, ничего от следствия. А вот вам примеры. Из года в год школа собирает утиль. Сами знаете, сколько раз об этом приходится напоминать ребятам. А теперь! Контрольная цифра, данная райкомом, уже перевыполнена. Даже максимальная наметка штаба следопытов перекрыта, а ребята все несут и несут, не успеваем сдавать. А почему? Да потому, что в прошлом де-

тям говорили: «Из лома выплавят тонны нового металла, макулатуру переработают на бумагу» — неконкретно, отвлеченно. А теперь! Следопыты говорят: «Мы воздвигнем памятник неизвестному герою! Помогите нам!» Я уверею, если завтра объявить: «На открытие памятника поедут только те, у кого в таблице не будет троек», — количество пятерок и четверок повысится. Вот! А то, что ребята повзрослели, — пусть!.. В войну — и в гражданскую, — пусть!.. — такие, как они, и партизанами были, и разведчиками... Так что, дорогая Эльпида Панкратовна, мы следопытов в обиду не дадим!

— Ах, вот как! — как-то неопределенно воскликнула Эльпида Панкратовна и, посмотрев на комсорга прищуренными глазами, вышла из кабинета директора.

11. Первые ласточки

У хозяйственной комиссии, что возглавил Дима Карпин, работы хватало. Металлический лом, макулатуру и стеклянную тару еле успевали перетаскивать в ближайший ларек. Особенно усердствовали малыши из первых — четвертых классов. Они каждый день приносили следопытам старые газеты, пузырьки, бутылочки, банки. На сберегательной книжке штаба, хранящейся в сейфе у директора школы, взносы росли и росли. Сам штаб после отправки писем-запросов вынужденно бездействовал... Ждал. Ждал ответов далеких корреспондентов. На улице, в школе, на лестницах и в коридорах, во время перемен следопытов останавливали учителя, младшеклассники — спрашивали, допытывались: «Ну, что?», «Ну, как?», «Письма получили?» Следопыты становились знаменитыми личностями.

И каждый день они по несколько раз бегали на почту с одним и тем же вопросом: «Нам ничего нет?» Отец Толи Гаурзака на почте сам выходил к ним, пошмеивался, успокаивал:

— Экие вы, Скорей Скореевичи! На все время нужно, время! — Он пододвигал конторские счета и, громко шелкая костяшками, убеждающе говорил: — Возьмем Благовещенск-на-Амуре. До него десять дней, да обратно десять. Получат, прочтут, обсудят, бегать будут за справками, вот и еще считайте неделю, а набрался месяц. Это не так-то просто...

Следопыты соглашались: действитель-

но, на все необходимо время. Но в школе тысяча человек, и каждый интересуется! Следопыты приуныли. И Глеб начал со скуки выпускать ежедневный бюллетень. Каждый ученик, зайдя в школу, в вестибюле мог прочесть информацию: «Ребята, на наши письма пока что ответы не поступали», а под ней короткое сообщение хозяйственной комиссии: «Сбор средств на памятник продолжается... Первое место по сдаче макулатуры заняли ученики такого-то класса».

Только через несколько дней в бюллетене появилось сообщение: «Штаб следопытов получил пять уведомлений о вручении адресатам наших писем». Затем дело пошло. Утрами почтальон стал приносить все новые и новые уведомления. И хотя это были пока только сигналы о том, что их письма получены, следопыты воспрянули духом. Штаб снова начал действовать.

В воскресенье сходили к Костиному дяде, полковнику в отставке. Перебивая друг друга, ребята попросили помочь им определить, к какому району, какой области относится кусок карты из полевой сумки погибшего офицера.

Костин дядя задумчиво потрогал седые усики, кашлянул и с доброй улыбкой начал изучать карту. Ребята замерли вокруг него. Наконец он сложил и спрятал карту в карман на груди:

— Помогите. Оставьте у меня. Район мне, правда, незнакомый. Но я сделаю все возможное... А в вашем распределении обязанностей между следопытами можете записать за мной расшифровку карты. И вообще... если понадобится...

А завтра свершилось долгожданное! С последнего урока Глеба вызвали к директору. Там его ждала незнакомая девушка в черном кителе. С любопытством покосившись на Глеба, когда директор сказала: «Вот он», девушка протянула ему пачку писем.

— Двадцать пять, все заказные, с уведомлением, — сказала она как-то особенно хорошо и подала ему толстую тетрадь. — Распишитесь, молодой человек. Большая переписка у вас, и письма тяжелые...

Глеб зачарованно смотрел на письма. Потом поискал по карманам очки, хотя они были на месте, в правом кармане, не нашел их и, шуря близорукие глаза, дрожащей рукой начал расписываться за каждое письмо. Потом он крепко пожал

руку письмоносцу и вдруг, неожиданно для себя самого, притянул девушку к себе, чмокнул в щеку, смутился и пулей выскочил в коридор. Шатаясь от радости, он шел в свой класс и не слышал, как прозвенел звонок, как вся школа зазвенела, загудела веселыми криками, визгом, шумом. Мимо Глеба наперегонки, размахивая сумками, бежали малыши, толкали его, а он шел и, не отрываясь, смотрел на верхнее письмо в пачке и, кроме марки с изображением солдата в каске, ничего не видел.

Он не заметил, как возле класса его встретили Светлана и Жора. Им пришлось ткнуть его в бок, а то бы он так и прошел мимо. Тут Глеб с победоносным видом потряс пачкой писем и закричал:

— Двадцать пять! Вот! За каждое заставили расписаться!

— Тише! Ты что, в поле или в горах? — засмеялась Светлана. А Жора, вырвав у него письма, запел: «Двадцать пять!.. Двадцать пять!..», потом ловко выбил чечетку, пройдясь вокруг Глеба:

— Пошли! Почитаем!

Глеб поспешно отобрал письма, передал их Светлане и решительно проговорил:

— Ну, нет. Ребята обидятся. Вместе так вместе. Соберемся и будем вскрывать и читать. В котором часу?

— Все только что разошлись, придется собирать по цепочке, — посоветовала Светлана.

— Через час! — в один голос решили Жора с Глебом.

12. Семен Махаткин

Кое-как поев на ходу, Глеб без четверти до назначенного часа запер квартиру и вышел на улицу. От его дома до школы всего восемь минут быстрого шага. Спешить нечего.

По улице, громыхая кузовом, катился большой самосвал. Глеб остановился, пережидая, когда машина проедет. Но, поравнявшись, шофер резко затормозил и, чуть не выскочив на тротуар, поманил Глеба рукой:

— Молодой человек! Вы в этом доме живете?

— А, что? — недружелюбно спросил Глеб.

Шофер вышел из машины, подтянул ремень, одернул гимнастерку:

— Мне нужен Глеб Кемчугов, паренек такой, школьник.

Это было так неожиданно, что Глеб смутился и не сразу негромко ответил:

— Это я...

Шофер козырнул по-военному и протянул руку:

— Будем знакомы, я Махаткин, Семен Петрович, из Горска. Вы меня искали?

Отвечая на рукопожатие, Глеб смущенно смотрел на улыбающегося Махаткина и старался вспомнить, откуда ему знакома эта фамилия.

— Простите... я...

— А прощать-то нечего, — лукаво улыбаясь, говорил шофер. — Мы не знакомы. По вашему письму ребята из нашей школы разыскали меня. Вы будто интересуетесь. Вот ненароком попал в Приреченск, дай, думаю, явлюсь лично.

— А-а! — радостно воскликнул Глеб и еще сильнее сжал крепкую руку незнакомца. — Это вы?

— Я, — подтвердил Махаткин, оглядываясь по сторонам. — Здесь поговорим или пройдем куда? Хотите, в кабину залезем. — Он кивнул головой на машину. — Тут стоянка разрешена?

— Разрешена, разрешена, — приходя в себя, поспешно сказал Глеб. — Поднимемся ко мне. Мама на работе, и нам не мешают, а из окна машина видна будет.

Махаткин согласился.

Пока Глеб суетливо убирал со стола разбросанные учебники и тарелки с остатками обеда, гость медленно прохаживался, рассматривая комнату и поглядывая в окно за машиной. Глеб быстро навел порядок и нерешительно предложил ему стул.

— Садитесь, Семен Петрович. Вот мы искали вас, а вдруг и встретились. И как-то странно... живой человек...

— Живой, живой, — бойко проговорил Махаткин. — Слыхали: «Помирать нам рановато, есть еще у нас дома дела»? Так это про меня. М-да! На той неделе прибегает сынишка: «Пап! Тебя вся школа ищет!!» — Ну, думаю, опять он у меня натворил чего-нибудь! «Покажи дневник!..» Он подает дневник — пятерки. Что же случилось?.. А потом заявился к нам, наверное, почти весь девятый класс. Показали ваше письмо. М-да!.. Нашли, значит, останки, вечная ему память.

Глеб чувствовал себя неловко, неуверенно. Писали письмо — все было ясно, а с глаза на глаз с человеком, требова-

лось что-то другое. Глеб медлил с разговором и думал: «Получается нечестно: ребята собрались, ждут. Не лучше ли Махаткина пригласить в школу, пусть весь класс увидит его, или сбегать и сюда следопытов привести?»

А гость, взглянув на часы, покосился на окно. Глебу показалось, что он торопится, и он тихо, но быстро спросил Махаткина:

— Кто был похоронен в пещере? Фамилия, имя, отчество, звание? При каких обстоятельствах погиб?

Лицо Махаткина окаменело, глубокая складка залегла над переносицей. Он потупился и глухо сказал:

— Командир взвода... Лейтенант... А фамилии, простите, не знаю. Не то, чтоб знал и забыл, нет, просто не знаю: по фамилии обращаться не приходилось, только «товарищ командир» да «товарищ лейтенант».

Глеб обиженно улыбнулся и с недоверием посмотрел на Махаткина.

— То есть как? Вы не знали фамилии командира?

Семен Петрович, угрюмо разглядывая, ковырял пальцем свою мозолистую ладонь:

— Вот не знаю... Тут дело было так... Я лучше по порядку. Примерно в полдень случилось: отступали. Я при орудии — водителем. А тут — авиация. Как ахнуло!.. Очнулся — тьма! Уже ночь. Ощупал себя — жив, лежу в траве. Машину разбило, кругом воронки да трупы, я один живой. Подобрал чью-то винтовку, подсумок с патронами и пошел. Выбрался к большаку — ночь, ничего не видно, слышу — грохот, лязг... Разглядел — по шоссе прут фашисты: танки, машины с пехотой, мотоциклисты...

Брови Махаткина сошлись, скулы вздрагивали. Словно разрубая фразы и слова, он продолжал:

— Подался назад. В лес. Бродил три дня. Наконец набрел на хутор. Приютили меня. А старая бабка и говорит: «В лесах партизаны объявились». Я — в лес. Ищу. Заблудился. Вдруг ночью вижу — костер. Я к нему. А меня в грудь стволом: «Стой! Руки вверх!» Привели меня к костру, велели рассказать, кто я, что я. Рассказал, конечно... Посмотрел на меня командир и говорит: «Ремень подтяни! Поскольку ты боец Советской Армии и идешь с винтовкой, я как старший начальник приказываю тебе примкнуть к нам. Мы проби-

1924 год. Страна начинала зализывать раны, нанесенные гражданской войной. Из старого кирпича рабочие уральского города Троицка построили кожевенный завод. По сравнению с нынешними гигантами он выглядит, конечно, довольно примитивным. Но в те годы граждане советского Троицка были так рады своему первенцу, что день окон-

чения строительства отметили большим лозунгом на фасаде завода:

„Владыкой мира будет труд“.

Сейчас вместо маленького завода в Троицке построен огромный кожевенный комбинат, а старое помещение переделано в шорную мастерскую.

Фото Л. СУРИНА

ваемся к своим...» А мне этого и надо. Пошли. Где дорогой, где лесом, где через село, а как на фашистов напоремся — с боем пробиваемся. И все-таки попались. Окружили нас. Большуший отряд фашистских карателей. Станислав Федорович — вот как звали командира! Вспомнил!

Глеб вскочил, схватил Махаткина за плечо:

— А фамилия?

— Вот фамилии не знаю... — Махаткин долго сидел, молча сжав лоб рукою. — Нет, не знаю! — И продолжал: — Приказал нам Станислав Федорович по одиночке выходить из боя. Со мной напарник был. Поползли. Я провалился в ярк, согнулся в три погибели и по нему, по нему. Выполз на дорогу. А стрельба идет! Добрался я до лесу. Недалеко от него назначено лей-

тенантом место, силосная башня. К рассвету показался сам Станислав Федорович и один товарищ, Дубнов, кажется. Прождали день, а ночью Станислав Федорович скомандовал: «Пошли!» Идем, идем, а у лейтенанта, оказалось, нога прострелена. Перевязали. Но с каждым часом он идет все хуже и хуже, хромает. А потом упал, стонет. Понесли его... К вечеру добрались до какой-то речушки. Лейтенант горит весь. Глядь — пещерка. Мы в нее, уложили Станислава Федоровича. Мечется человек, весь потный, и говорит: «Товарищи, у меня газовая гангрена. Это — смерть!...»

Тогда товарищ Дубнов отозвал меня в сторону: «Сиди, охраняй, а я до какого ни на есть села добегу, фельдшера или бабку притащу». Ушел и ушел. День —

нет, два. Станислав Федорович горит, бредит, смотрит на меня и одно твердит: «Ремень поясной, ремень!» Верно, ремешок на мне слабоват, от голода. Я его подтяну, подправлю, а он опять: «Махаткин! Ремень! не забудь ремень!» Ремень у меня в порядке, но я отвечаю: «Есть, ремень не забыть!» Так он, бедняга, и умер. Через день, не дождавшись Дубнова, ковырнул я с потолка пещеры землю — она нашего Федоровича присыпала, и я ушел. Ушел-то ушел, но в ту же ночь на фашистов напоролся. Скрутили меня, дали жару, бросили в кузов машины и повезли. «Э, — думаю, — шабаш! Отходился Махаткин». Но тут паника, стрельба, взрыв и — извольте — партизаны. Освободили меня, пошел с ними, сразу поверили мне: в отряде оказалось двое из нашего взвода. Один будто не русский — мы его Васей звали, а другой — точно помню — Гаркуша, его потом ранило, на Большую землю эвакуировали. Тут пошли бои да бои, а как соединились мы с частями нашей армии, так я снова сел за баранку. М-да... Так и воевали.

— А в каком месте, возле какого села, эта силосная башня? — спросил с нетерпением Глеб.

Махаткин развел руками.

— Вот уже не знаю. Столько сел пришлось пройти...

— Область какая? Около какого города?

— Область, должно быть, наша... Мы ведь все больше по лесам. Лейтенант, конечно, знал. От той силосной втроем мы дней пять шли, да еще сутки до пещеры. Вы записывать будете?..

Глеб засуетился:

— Пожалуй, надо вкратце записать.

— Отчего вкратце? Я не тороплюсь. Для такого дела... Пишите... только вот, знаете, я не помню: может, спутал. Кажется, это командира партизанского отряда звали Станиславом Федоровичем, а не нашего лейтенанта... — Махаткин встал, смущенно, извинительно усмехнулся, оправил и без того подтянутый пояс и, поглядев на Глеба, добавил: — Но вот с тех пор я все время за ремнем слежу. Вот у вас, к примеру, слабоват он, отвисает, и язычок болтается. Непорядок! Подтянутым чувствуешь себя увереннее.

Глеб обернулся к зеркалу. Махаткин был прав: ученический пояс висел. Парень смутился и поспешно передвинул пряжку.

13. Подозрительно просто

Когда следопыты в назначенное время собрались в школе распечатывать письма, Глеба не оказалось. Дима Каргин, ни к кому не обращаясь, сердито проговорил:

— Свинья Глеб! Все собрались, а он...

— Подождем минут десять, — предложила Светлана примирительно.

Глеб все не подходил.

— Свинья! — угрюмо повторил Дима.

— Он всегда так. Ну, Света, ведь ты заместитель, давай.

Настроение было испорчено. Начали распечатывать розданные Светланой письма без энтузиазма. Письма не обрадовали. Ученики 9 «Б» из Павлодара, из трех Андреевсков, четырех Знаменок и Городищ, трех Кировсков, из Каджерана и Иджевана, из Бояниси, Манглиси и Дманиси сообщали: письма штаба полученные. Проведены поиски, но разыскиваемые люди в этих местах не проживали.

— По сути дела, ничего утешительного, — разочарованно проговорила Светлана, собирая письма в кучу. — Жаль. Столько ждали и... — вдруг она перерыла письма, пересчитала и крикнула: — Пойдите! У кого письмо из Ростова? Кому я дала письмо из Ростова от нашего Бориса?

Никто ей не ответил. Светлана потряхнула весь портфель, перевернула все тетради. Следопыты всполошились, повставали с мест, начали шарить у себя по карманам и, наконец, увидели письмо на полу, под партой. Светлана схватила его, вскрыла. На стол выпали фотокарточка и два листка бумаги. Запинаясь от волнения, Светлана торопливо прочла приветы и пожелания успехов всему классу, персональные приветы Глебу и Жоре, передохнула и продолжала:

— «Первый же фотограф, когда узнал, в чем дело, начал вспоминать фамилии старых мастеров. Среди них две, оканчивающиеся на «зянц» — Мирзянц и Айвазянц. Фотограф рассказал, как их найти, я съездил. Гайк Самвелович Айвазянц посмотрел на фото и согласился: «Работа моя». Такое клеймо он ставил, когда был кустарем-одиночкой. У него у самого на войне погибло два брата. Мы пошли на чердак, перебрали там тысячи старых негативов. И нашли. По отметке в древней конторской книге Гайк Самвелович

1928 год. В глухой лес около Свердловска пришли первые строители. Они были еще плохо одеты, и в руках у них были одни топоры. Но они уже видели в планах пятилетки будущий завод-гигант.

На снимке первое срубленное дерево на территории будущего Уральского завода тяжелого машиностроения, ныне одного из самых крупных заводов индустриального Урала.

Фото Л. СУРИНА

разыскал запись — фамилию заказчика: «Антрова Т. А., Энгельса 79, срок исп. 10/II-40 г.» От Айвазянца я поехал на улицу Энгельса. Дом 79 не пострадал во время боев. Удалось разыскать одну старушку, которая помнила Антрову. Ее звали Тамара Алексеевна, у нее был мальчик. В первые дни войны она эвакуировалась в Тбилиси. Это уже на совести старушки. Дорогие Глеб, Света, Жора! Вам надо написать в Тбилиси...»

— Вот и вся музыка! — проговорил Дима. — Фамилия погибшего Антров. Садитесь и пишите письмо в архив Министерства обороны, попросите сообщить имя, отчество и звание Антрова. Я не ожидал, чтоб так скоро получилось. Это даже неинтересно.

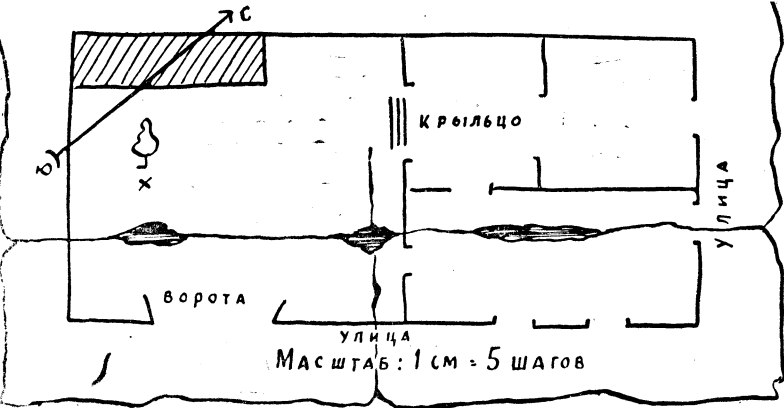
14. „Подтяни ремень!..“

Крепко пожав Глебу руку, Махаткин ушел. Глеб взглянул на часы: опоздал, письма ребята, наверное, уже прочли и разошлись.

Глеб подошел к окну, грудью навалился на подоконник, глядя в одну точку. Он думал о рассказе Махаткина... Один бродит в лесу и, боясь выстрелом привлечь врага, голодает. Как, наверное, он обрадовался, когда увидел огонь костра!.. «Подтяни ремень!» В такой обстановке прежде всего указать на непорядок во внешнем виде бойца — это мог только волевой, крепкий командир... Ремень!.. Светлана первая заметила в пещере: ремень лейтенанта был застегнут на последнюю дырочку... Стоп... Стоп...

Мысли Глеба заработали быстро-быстро... Стоп!.. У костра замечание о ремне понятно. Но в пещере? Перед смертью? Неужели в такую минуту лейтенант интересовался ремнем Махаткина?.. Нет, нет, нет! Тут что-то не то. Умиравший человек вспомнил не о жене, не о сыне, а о ремне... Может быть, о своем ремне? Но почему? Перед смертью вспоминают о самом важном, он говорил о ремне! Настоячиво говорил...

Глеб побледнел. Захлопнув окно и оп-

рокидывая на ходу стулья, он кинулся в спальню, достал из шкафчика аккуратно свернутый ремень лейтенанта. Ремень был как ремень, много ношенный, побуревший. Глеб долго вертел его в руках. Ну, да, самый обыкновенный, двойной офицерский ремень... Стоп!.. Что, что?.. У Глеба захватило дух. Возле пряжки строчка шва была не машинной, а ручной... Распорол, а потом сшили! Ну, да!.. Глеб бросился искать бритву... Тьфу ты!.. Где она запропастилась?..

Наконец нашел. Дрожащими пальцами схватил, едва не порезавшись. Вставил лезвие в ремень.

Мелкими, еле слышными щелчками лопались подгнившие нитки стежков. Бритва мягко скользила. Глеб отогнул край подпоротой подкладки и увидел под нею потемневшую ломкую бумагу.

Глеб вытащил ее двумя пальцами и начал осторожно расправлять... Сгиб... второй сгиб... третий... И вот перед ним лист из ученической тетради, верхний край истлел, бумага вот-вот рассыплется в руках. Глеб начал читать: «Акт. Мы, нижеподписавшиеся...» Но дальше — ни одной целой строчки...

Глеб осторожно разложил документ на столе и тщетно пытался разобрать текст:

«Акт...

Мы, нижеподписавшиеся . . . что в создав . . .
 . . . ой обста . . . нет уверенности в бла-
 гополучном . . . в . . . ванном . . . из
 окружения . . . няли решение: . . .
 полковое знамя под ответственность . . . ВКП(б)
 . . . рище Сера . . . Андриа . . . Белок
 спря . . . в тайнике на . . . риш . . . Об
 этом каждый из нас до . . . ит . . . же встрече
 . . . щим командиром . . . части РККА
 . . . ов
 . . . ога
 . . . ский
 . . . ога
 . . . п . . . Па . . . би . . . № . . . 745»

Полковое знамя! Спрятано где-то в тайнике! У Глеба словно закружилась голова, он опустил на стул и несколько минут сидел без движения... Затем очень бережно перевернул акт. Прошедшие годы пожалели схему.

Хотя еще было светло, Глеб включил и люстру и настольную лампу, вооружился лупой и, как истинный следопыт, принялся изучать найденный документ. Выцветшие буквы и слова не просматривались ни в лупу, ни на свет, но по смыслу кое-что подобрать удалось. К примеру: перед «что» на первой строке напрашивалось: «в виду того...» дальше должно было быть: «в создавшейся сложной обстановке...» «Совсем легко! — подумал Глеб. — Расшифровать можно!»

В прихожей надрывался звонок. Глеб прикрыл газетой драгоценную находку и пошел открывать дверь. На лестничной площадке стояли все члены штаба. Светлана первая вошла в комнату и, вместо приветствия, строго спросила:

— Ты почему не пришел? — И, не дожидаясь ответа, торжественно проговорила: — Получили письмо от Бориса. На фото Тамара Алексеевна Антрова. Наш погибший офицер — Антров.

— Станислав Федорович? Лейтенант? — растерянно глядя на Светлану, пробормотал Глеб.

— Откуда у тебя такие сведения? — ледяным тоном спросила Светлана.

— Тсс! Я покажу кое-что... пошли...

Через минуту все следопыты склонились над документом, обнаруженным в офицерском ремне. Каждый брал лупу, наводил на ветхую бумагу, старался прочесть стершийся текст. Когда кто-нибудь переворачивал листок, Глеб шепотом предупреждал: «Тише!», «Осторожнее!»...

— Ну? Что скажете?

Скептик Жора пожал плечами и разочарованно вздохнул:

— Бал окончен! Он лейтенант Антров, Станислав Федорович. Теперь будем помогать Диме собирать утиль.

— А знамя?

Глеб обиженно посмотрел на приятеля. Ему казалось, что, как только следопыты узнают о находке, сейчас же потребуют немедленно начать поиски знамени. Шутка ли! В распоряжении следопытского штаба — документ государственной важности, из которого видно, что где-то во дворе чьего-то дома, под деревом спрятано боевое знамя полка, воинская святыня!

1933 год. Первые шаги гигантской индустрии Урала.

Нелегко еще было тогда с питанием. В рабочих коллективах были организованы первые столовые, которые назывались цехами питания. Передовикам производства в них оказывалось предпочтение.

„Ударникам без очереди“, „ударник, предяви свой билет—получишь третье блюдо!“—гласят объявления в рудничной столовой города Красноуральска.

Фото Л. СУРИНА

— Эх, ты...— с горечью сказал Глеб.— За деревьями леса не увидел! Ведь можно создать историю взвода, который спас знамя полка. Вот оно... Первая подпись оканчивается на «ОВ». Погибший командир взвода— Антров. Вторая— оканчивается на «ОГА».

— В списке взвода есть: Полога Федор Данилович, из Саранска, — подсказала Дина. — Других на «ОГА» нет.

— Вот, видите? — почувствовав поддержку, загорелся Глеб. — Полога! Третий... Света, посмотри по списку, у кого окажется фамилия с окончанием «СКИЙ».

Светлана достала список.

— На «СКИЙ» трое. Дроздовский, Кедровский и Исетский. Но Исетский вычеркнут, значится убитым.

Дина осторожно подсказала:

— Мы расширим план работы, найдем Пологу и Кедровского, они помогут нам.

Жора в душе согласился с Глебом — найти знамя заманчиво. Но где его искать? Ни названия села, ни даты. И такой уж у Жоры характер! Он сказал:

— Но, может быть, Полога и Кедровский в том же году сообщили командованию, где знамя спрятано, и его уже давно забрали, а мы разыщем село, двор с деревом, а под ним — тю-тю, ничего нет!

— Уф, какой ты противный, — возмутилась Дина и стукнула его кулаком по плечу. — Вечно выдумываешь!.. Мы будем искать знамя! Верно, Глеб?

Глеб аккуратно сложил документ и вполголоса предложил:

— Пойдем к Костиному дяде. Он подскажет... Может быть, Жора и прав... Но Костя тихо присвистнул:

— Не выйдет. Он уехал. Раньше, как через неделю, не жди.

(Окончание в следующем номере).

Разбойник Чуркин

Виктор КОРЮШКИН

Рис. В. Васильева

В яркий весенний день известный боец Иван Михайлович Заикин проездом через Петроград навестил Алексея Максимовича Горького.

— Здравствуй, волжская свая!— воскликнул Горький, обнимая его, а затем подвел к открытому окну и указал на человека явно полицейского вида.

— Шпик. Стережет мастерового малярного цеха Алексея Пешкова. Ко мне опасно заходить. Теперь и тебя возьмут на заметку, был-де такой-сякой, о чем-то долго беседовали. Вот, Ваня, живу я не в тюрьме, а под охраной... А ты все борешься?

— Борюсь. Что мне, ребролому, больше делать?

— Рельсы гнешь?

— Гну.

— Бревна ломаешь?

— Ломаю.

— Людей обманываешь?

— Обма...

— Договаривай, договаривай,— рассмеялся Алексей Максимович.— Не надоело тебе все одно и то же?

— Надоело!— признался богатырь.— Хочется придумать что-нибудь интересное и большое, такой номер, чтобы публика долго помнила и чтобы никто, кроме меня, не мог этого сделать.— Заикин расправил плечи, мускулы на его груди под расшитой русской рубахой заиграли.— Да вот не придумаю!

— Послушай-ка, я тебе расскажу, что от стариков слыхивал. Жил когда-то разбойник Чуркин. Знаешь, песню-то про него поют на Волге? Поймали как-то молодца, заперли в железную клетку, а он ее разворотил и на волю вышел. Только тебе, пожалуй, клетку сломать не по силе будет.

— Мне!.. Клетку! Разве я канарейка? Да я...

— Вот и номер тебе,— прервал Горький,— только с умом надо его сделать, с умом.

Над подоконником показалась усатая рожа филера. Горький с досадой захлопнул окно.

— Надоедливый тип, нахальный, другие поскромнее, а этот не стесняется. Прочить бы его.

Распрошавшись с Алексеем Максимовичем, Заикин вышел на улицу. Проходя мимо шпика, как бы нечаянно уронил носовой платок.

— Господин, вы обронили,— догнал борца сыщик и, подняв платок, взглянул ему в лицо.

— Спасибо, рад встретить честного человека.

— Мы всегда готовы услужить.— Польшенный шпик принял руку силача, и рассчитывая выведать фамилию, проговорил:— Очень приятно познакомиться, господин... Э...

— Иван Заикин, борец!

Неистовый крик разнесся по улицам, останавливая прохожих. Окно в квартире Горького распахнулось, выглянул встревоженный писатель. Сценка, которую он увидел, окончательно развеселила его.

Подпрыгивая на месте, сыщик глотал ртом воздух, не в силах больше кричать, а Заикин, сжимая ему руку, ласково говорил:

— Люблю и уважаю честных людей. Извините, что не могу дольше задерживаться.

* * *

По улицам и базарам Царицына ленивые волю несколько дней возили телегу с громадной железной клеткой.

— Цоб-цоб-цобе! Шо воны ни туды тягнут, эгей!— покрикивал возница, направляя волов к людным перекресткам. Стайка мальчишек, босоногих и загоре-

лых, облепила телегу со всех сторон, допытываясь у старичка-украинца:

— Дядька, зачем клетка?

— В нее зверей будут сажать?

— Геть, хлопцы, маракуйте сами, шо намалевано.

— Да мы читать не умеем.

— О, яки вы!— удивился возница.— Я тоже не дуже грамоте разумию.

На перекрестке улиц клетку обступила толпа мастеровых, нашлись грамотеи. Прочитали на клетке афишу:

«Бегство разбойника Чуркина из железной клетки в исполнении волжского богатыря Ивана Заикина будет показываться в цирке. Эту клетку он разломает и выйдет на волю. Тому, кто еще сумеет разогнуть клетку, будет выдана премия».

— Игнат, попробуй, авось погнешь!

— Вали, Игнат, силенки тебе не зани-

мать,— подзуживали мастеровые здорового ломового извозчика, остановившегося рядом.

Игнат засучил рукава, обошел вокруг, присматриваясь и выскивая прутья потоньше, но они были везде одинаковы. Нажимая правой рукой на один прут, а левой оттягивая второй, Игнат напруг все мускулы. Жилы вздулись на шее, ситцевая выцветшая от солнца и пота рубаха лопнула на спине.

— Пошла! Пошла!

— Кто пошел, клетка?

— Нет, рубаха, сейчас штаны пойдут,— смеялись зубоскалы.

Силач сделал последнее усилие и тяжело отдышался, вытирая пот.

— Не по силам, ребята, не можно ее сломать, разве моему битюгу впору. Секрет, однако, есть.

— Секрет!..— мастеровые заинтересовались, это было по их части. Клетку осмотрели, остукали каждый прут: нет ли пустых. Все было правильно, работа крепкая, добротная.

В день представления цирк был переполнен. Публика с нетерпением ожидала выступления Заикина. Большая клетка на арене притягивала внимание.

Наконец показался Заикин в роли разбойника Чуркина. Чернобородый, на голову выше окружающей его стражи, он шел к клетке, повесив голову. Руки связаны сзади толстой веревкой, за которую держат двое людей в котелках и сапогах бутылками. Впереди, самодовольно ероша усы, идет жандарм. Вся эта группа так живо напоминала частые сцены на улицах города, что публика насторожилась.

Вот также проводили к тюрьме арестованных политических, окружая их переодетыми полицейскими. Правда, обходились без веревки, но разница была невелика.

Загремел тяжелый замок. Дверь клетки, скриня, растворилась, разбойнику развязали руки, втокнули внутрь. Захлопнулась клетка, жандарм шелкнул замком, повесил большой ключ себе на пояс. Потирая руки, прошелся вокруг.

— Во, фараон, рад!

— Упрятал за решетку...

— Чуркин-то силач был, разломал прутьики. А вот как нашего брата засадят...

— Мимо тюрьмы хожу, а надюсь вижу: Степан Никитич сквозь решетку машет... Да, брат, крепче Чуркина запрятали.

— За народ страдает человек.

Заикин чутко прислушивался к разговору. Он чувствовал, как нарастало напряжение публики. С видом отчаяния и усталости он опустил на охапку соломы, брошенную посередине клетки, поник головой. Оркестр тихо и медленно играл:

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный на воле орел молодой.

Внезапно выпрямившись во весь рост, борец звучным баритоном пропел всего одну строчку песни:

Мы вольные птицы, пора, брат, пора...

Словно порыв свежего ветра пробежал по цирку.

Зашевелились, зашептались зрители. Кто-то поднялся в первом ряду, но задние зашикали на него, и он тотчас опустился на свое место. Заикин уже пробовал крепость решетки, пытался разогнуть железные прутья. Под одеждой Заикина была надета через плечо обыкновенная бурлацкая лямка. Захлестнув ее конец на один прут, богатырь стал тянуть. Мускулы заходили буграми под тонкой рубахой. Медленно подались толстые прутья решетки.

С гордо поднятой головой «разбойник Чуркин» вышел на свободу. Цирк будто обрушился от неистовых аплодисментов.

— Чуркин, Чуркин... Ура... а... а...!

— Ура Заикин!

Вдруг выстрел, другой. Зрители невольно поднялись со своих мест. Чуркина окружила стража. Жандарм размахивает деревянной саблей. Короткая борьба. Шелкают кандалы на руках разбойника, и его уводят, скованного. Тишина! Зрители молчат. Их потрясла печальная развязка.

Но что это? У выхода с арены разбойник отчаянным усилием разорвал кандалы и, подняв руки, зазвенел обрывками цепей. Цирк неистовствует.

* * *

Это был небывалый успех атлета. Но через день его вызвали к полицмейстеру города.

— Кто вам разрешил играть Чуркина?

— Вы разрешили. Вот подпись на афише.

— Да... Впрочем, я мог подписать, не зная, что это целая пьеса, притом направления неблагонамеренного. Скажите, кто ее сочинил.

— Никто, это пантомима, без слов.

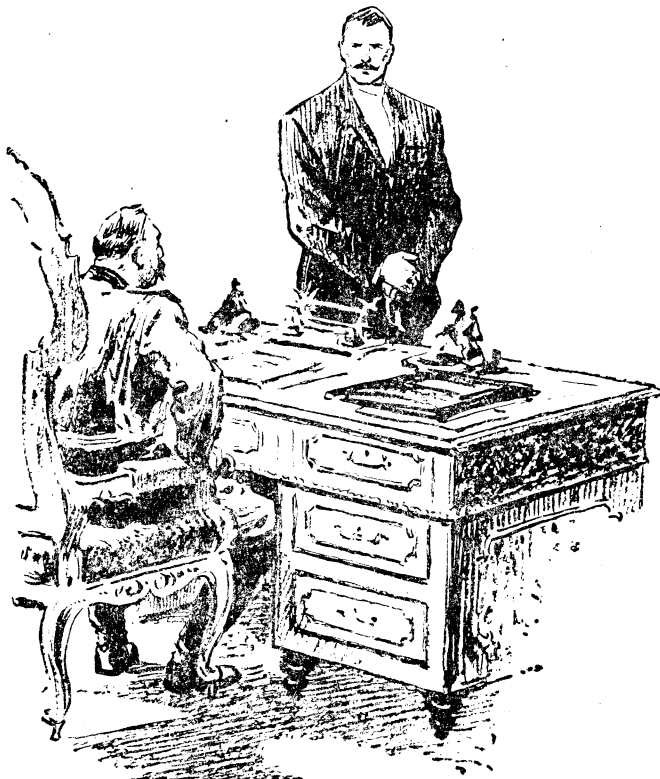
— Но кто-нибудь ее придумал?

— Старики сказывали, так было.

— Кандалы рвете, решетки ломаете, стражу избиваете... вот что, убирайтесь-ка подобру-поздорову отсюда.

Ни в одном городе Заикину больше не разрешили эту постановку.

— Видишь, когда ты гнешь рельсы, тебе никто не мешает,— сказал Горький при встрече с Заикиным,— на то и шея народная, чтобы на нее всякие тяжести наваливать, другое дело — кандалы! Это, брат... как сказал полицейский, атрибуты самодержавия,— он помолчал и, улыбнувшись, добавил: — Крестника твоего, того филера, я больше не видел. Ах, если бы мне такую силенку, я со многими бы поздоровался... по-дружески!

Сорок первый Октября

Лев СОРОКИН

Рис. Л. Полстоваловой

1

Рваные шинели да бушлаты
И одна винтовка на двоих,—
Октябрём рожденные солдаты!
Разве позабудем мы о них?!

Шли они в простреленные дали,
Падали под вражеским огнем...
Их сердца
мы сами поднимали
Звездами над башенным Кремлем!

3

Лишь во сне да в играх ваше племья
Штурмовало Зимний много раз,
Но и вы в положенное время
Получили Партии приказ.

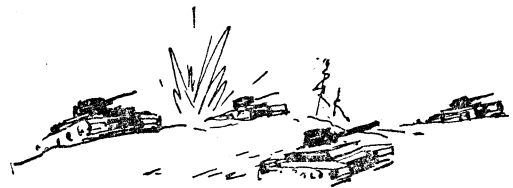
Взяли комсомольские билеты
И зарю райкомовских знамен,—
И навстречу новому рассвету
Мчится комсомольский эшелон.

Не по зову яркого плаката,
А по зову сердца и весны
Октябрём рожденные солдаты
Шли на штурм столетней целины.

2

Вижу вновь октябрьские знамена,
Сорок первый, сорок пятый год.
Вновь повзводно и побатальонно
Молодость на подвиги идет.

День встает, пылающий и дымный,
В грохоте стремительных атак:
Как отцы когда-то шли на Зимний,
Так и мы шагали на рейхстаг!

4

Верны Октябрю мы навеки:
Пускай пробегают года,
Мы вспять повернем наши реки,
Но чувства свои — никогда!

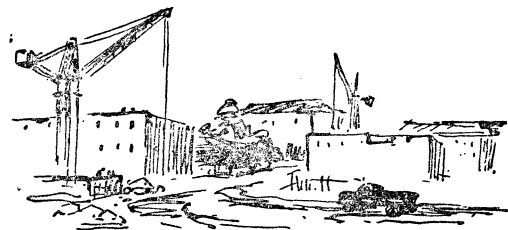

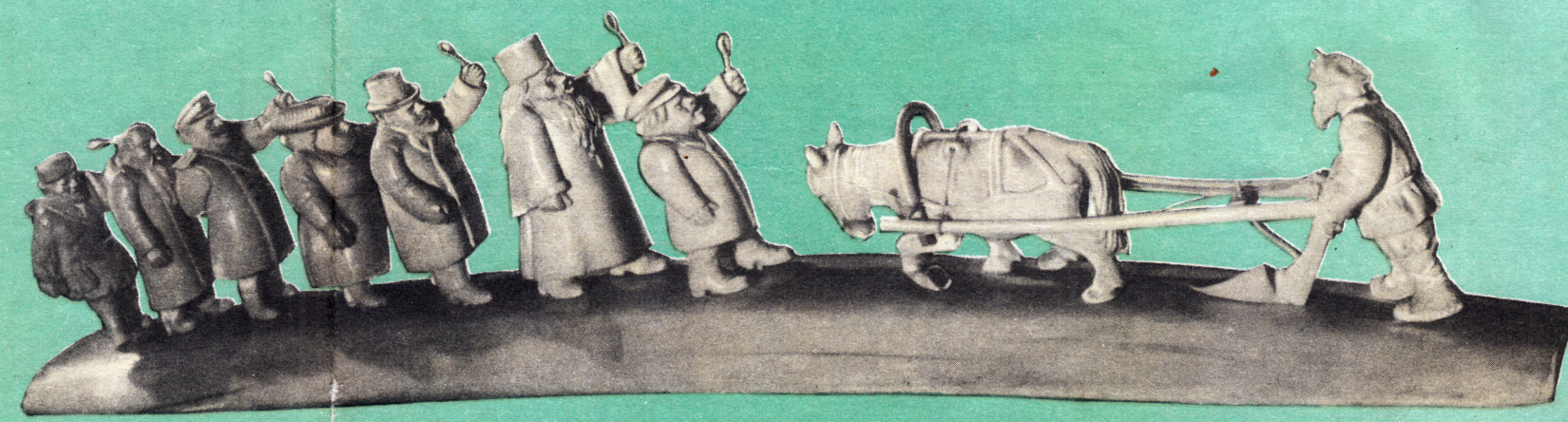
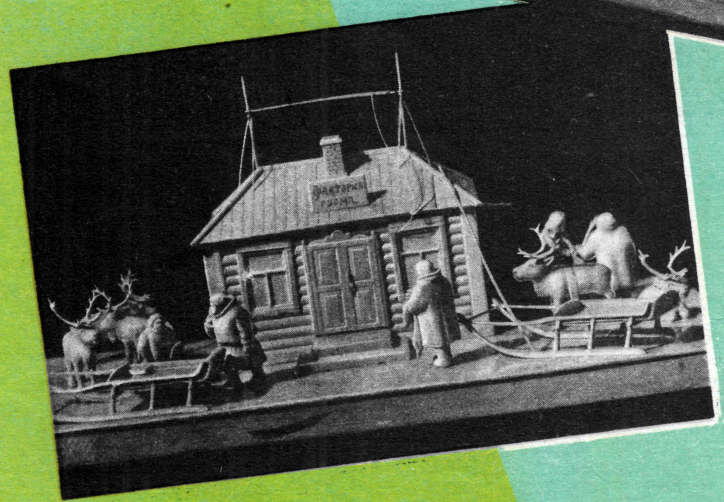
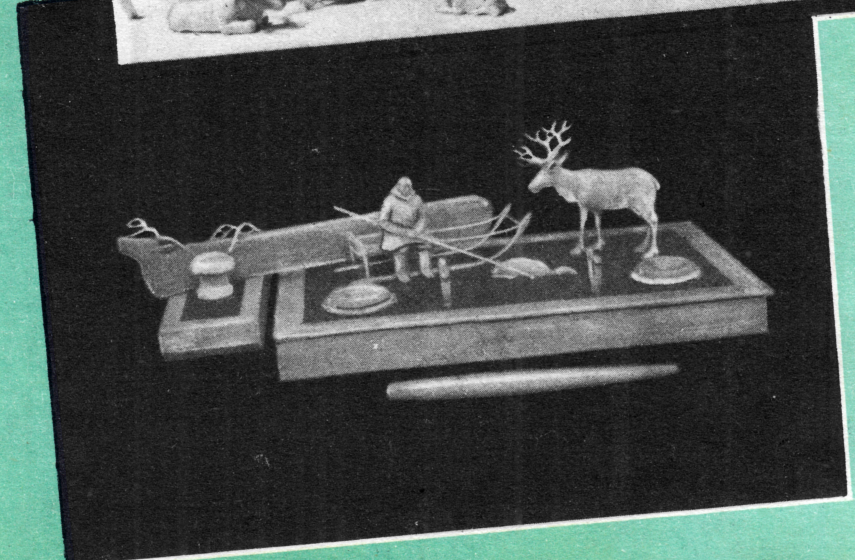
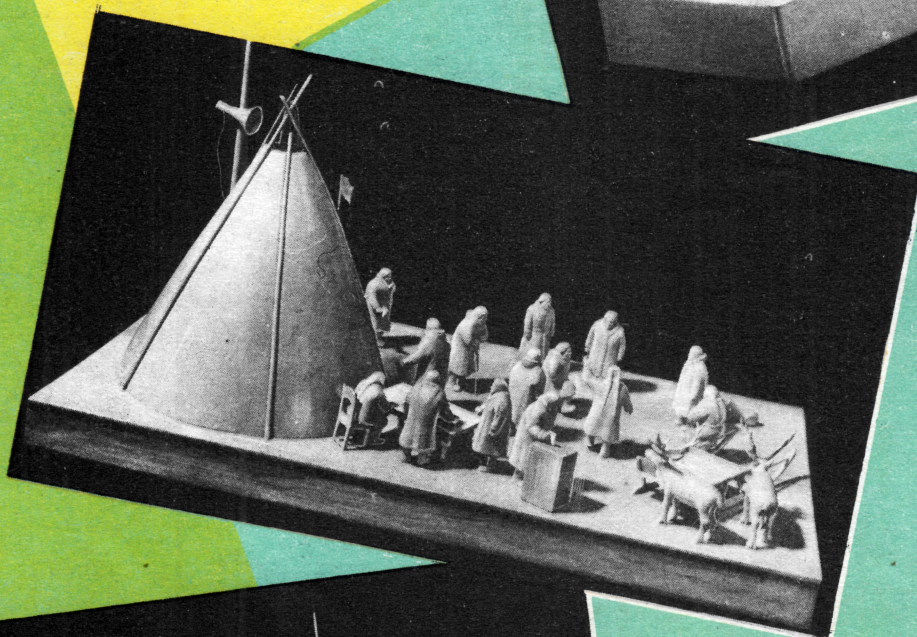
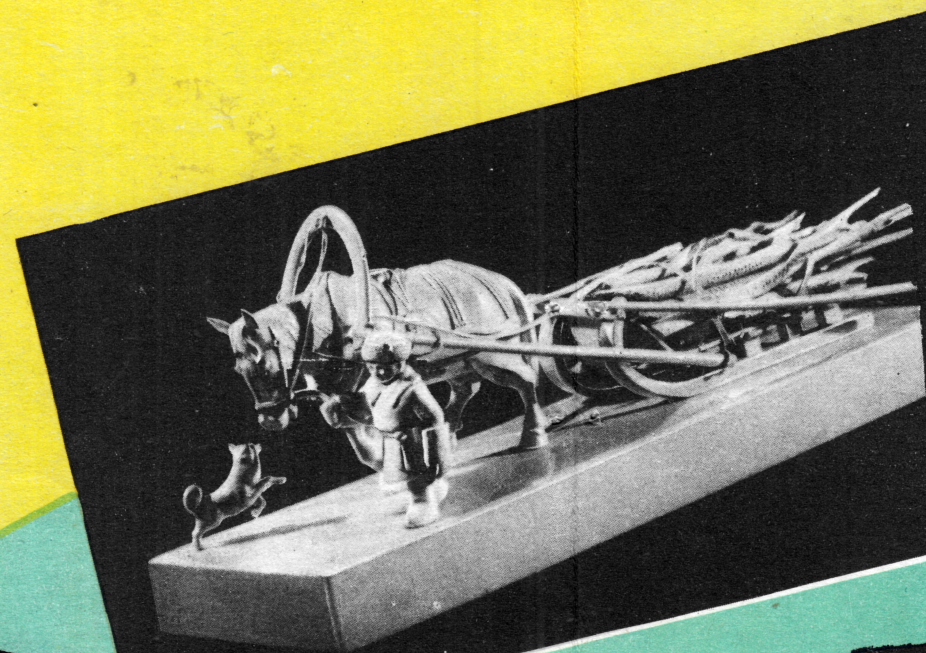

Рисунок Г. Пербатова

Мы в семнадцать неполных
качались в седле,
На распути дорог не стояли,
На пылающей и неудобной земле
Прорубались
в рассветные дали.

ЭТО ВЫРЕЗАНО ИЗ КОСТИ

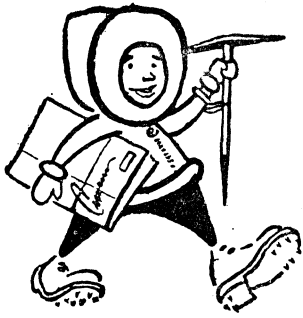
К очерку на стр. 72

Ранний снег в Свердловске

Фото В. Дуанова

РАССКАЗЫ У КОСТРА

Продолжаем рассказы у следопытского костра. В этом номере выступают уральская писательница Людмила Татьяничева, Николай Сергеевич Ошивалов, участник гражданской войны на Урале, член КПСС с 1918 года, и рабочий геологической партии Юрий Богатырев.

Рассказ ДЕВЯТЫЙ

На больших стройках работа электросварщика требует железной выдержки и смелости. Ведь ему, электросварщику, приходится спускаться на веревках в узкие, как щель, колодцы шпонок или, подвесившись за так называемый аварийный пояс, сваривать арматуру в блоках над бездонной пропастью котлована.

Если посмотреть снизу, то электросварщик кажется светящейся точкой в могучем сплетении стальных стропил. Просто невероятно, как могут люди спокойно и споро работать на такой высоте и в столь неудобном положении! Но электросварщики работали, да еще как отлично работали! И на вопросы товарищей «Не страшно ли на этой высоте» отвечали неохотно: нашли, мол, о чем спрашивать. Дело это привычное, обыкновенное, не то, что трубу изнутри сварить, как сделал Петр Титов!

А было это так.

Незадолго до перекрытия Ангары случилась беда: перестала работать левобережная станция водослива. Под тяжестью грунта разошлись в стыке трубы.

В глубокую пазуху хлынула грунтовая вода.

Что делать? До места разрыва труб от аварийного колодца более двадцати метров, а сверху — толща гравия, метров десять — двенадцать. Чтобы добраться до повреждения, надо было вынуть эскава-

тором тысячи кубометров гравия, поставить под угрозу срыва намеченный срок перекрытия Ангары.

Возникла смелая мысль — трубу заварить изнутри. Но кто согласится многие часы работать в узкой полуметровой сечения трубе, подвергая себя смертельной опасности?

И желающий нашелся. Комсомолец Петр Титов, невысокий паренек, твердо сказал:

— Я сделаю, как надо!

Двадцать метров Петр полз по узкой трубе, заполненной тошнотворным запахом сероводорода, которым пропитаны скальные воды. Впереди он толкал свое «имущество»: электроды, лампу-переноску и все остальное, необходимое для работы.

Комсомолец думал: «Сумею ли я приспособиться к таким сложным условиям, где каждое неосторожное движение грозит непоправимой бедой?»

Работать пришлось лежа на спине. Это очень неудобно, но иного выхода не было. Дуга электросварки вспыхивала возле самого лица, легкое потрескивание дуги в трубе усиливалось многократно, превращаясь в оглушительный гром. От сильного напряжения мучительно ломило руки и шею, болела грудь.

Нагнетаемый компрессором свежий воздух в трубе быстро загрязнялся, и дышать становилось трудно.

Временами Петру казалось, что силы покидают его. Усилием воли он превозмогал боль и усталость, пока не положил последнего шва на последнюю заплату в месте разрыва.

Шестнадцать бесконечных часов поработал комсомолец Титов в узкой трубе, и, когда выполз наружу, товарищи едва узнали его, так осунулся, так изменился Петр за две смены.

— Можно пускать воду, — сказал он.

Рассказ ДЕСЯТЫЙ

Знакомясь с материалами, представленными для награждения медалью «За спасение утопающих», я невольно обратила внимание на небольшую фотографию, с которой смотрело большеглазое личико ребенка лет шести-семи.

«Не иначе, это малыш, спасенный кем-нибудь из представленных к награде», — подумала я. Но это оказалось не так. Большеглазый мальчик — один из тех,

кто, рискуя собственной жизнью, спас утопающего.

Зовут его Ромой Саидовым. Живет Рома с родителями в поселке Золотая Горка на окраине южноуральского города Карабаша. Прошлым летом, после сильного ливня, небольшая речонка, вернее сказать, ручеек, протекающий через поселок, широко разлился и зашумел мутными водами. Ровесники-семилетки Рома Саидов и Толя Трифонов оказались на левом берегу потока. А жили они на правом. С ними был четырехлетний Боря Пичугов. Дождь хлестал как из ведра. Чтобы укрыться от ливня, мальчики решили перебраться через речушку.

Толе Трифонову удалось кое-как перейти, а маленький Боря, сделав несколько шагов, упал в бурлящую воду. Течение быстро относило его вниз.

Рома Саидов, еще не решаясь броситься на выручку Боре, некоторое время бежал за ним по берегу. Видя, что быстрина относит малыша все дальше, он кинулся в воду. Каждую минуту рискуя быть опрокинутым потоком, напрягая все силки, Рома вытащил утопающего на берег. Боря был без сознания.

...Среди награжденных медалью «За спасение утопающих» Рома Саидов самый юный. Отважный мальчуган еще не носит пионерского галстука, но он вполне считает себя юным ленинцем.

Рассказ ОДИННАДЦАТЫЙ

Когда в партию изыскателей прибыла Лена Соколова, худощавая, хрупкая девушка, вместо всеми ожидаемого старого специалиста, старший техник Максюхин окинул ее полупрезрительным взглядом и пробормотал:

— Достукались... С такими кадрами клубнику разводить...

Но, вопреки его мрачным предсказаниям, Лена горячо взялась за работу. Все кипело у нее в руках. По всему было видно, что в техникуме она по-настоящему изучила свою профессию геодезиста.

Как-то вечером, во время обычного чаепития у костра, завязался разговор.

Костер пылал жарко. Яркие блики огня танцевали на еловых лапах.

— А ты расскажешь что-нибудь? — не без иронии спросил у Лены Максюхин и добавил: — Из своего жизненного опыта.

— Могу,— охотно согласилась Лена.— Знаю один случай.— Она натянула на колени юбку, поджала ноги под себя и начала:— Направили нас в прошлом году на практику в одну партию. Там нивелировали болото, осушать готовились. В болоте этом было местечко под названием Змеиная падь. Много разных страстей рассказывали о пади местные жители. А наши верили рассказам и побаивались туда идти. В партии был молодой парень Костя. Смелый, отчаянный. Он и решил провести нивелировку страшного места. В помощники к нему напросилась девушка Катя. Пошли они. Сделали, что надо, и уже домой, в лагерь, возвращались. А падь — место кочковатое, топкое. Сапоги скользили. Костя снял их, перекинул через плечо и говорит: «Босиком легче». Катя тоже разулась. Уже темнеть стало. Нудно звенели комары. Монотонно чавкала под ногами вязкая болотная жижа. Тропа-брод юркнула в камыши и заплетяла по ним, огибая болотные «окна». Костю остановил резкий возглас девушки. Он повернулся и заметил, как, раздвигая сухие стебли, плоскоголовая гадюка стремительно уползла прочь.

— Змея! А ну, быстро, Катя! Садись!..— Костя усадил спутницу и выше укуса перетянул ей ногу ремнем. Не мешкая, набрал сушняку, развел костер, достал нож, двумя короткими взмахами сделал крестообразный разрез прямо на кровоточащих ранках — следах змеиных зубов — и пылающей головней стал выжигать яд.

— Ну, и...

— Спас он Катю, конечно, спас...

Кто-то подбросил в костер сушняку. Огонь вспыхнул. Максюхин посмотрел на рассказчицу, увидел у нее на ноге глубокий темный шрам и спросил:

— А ту Катю, случаем, не Леной звали?

Рассказ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Однажды в гражданскую войну Камышловский отряд красных добровольцев охранял станцию Новосергиевка. Оренбургская ковыльная степь — что ладонь, не спрячешься. Белые, казаки атамана Дутова, понимали это и днем появлялись только у курганов, маячивших на горизонте. Зато ночью они наггели.

И вот трех самых молодых добровольцев — Колю Каретку из Талицы, Ванюшку Байнова с Каменского завода и меня — назначили в ночную заставу. Шел дождь, стояла такая темень, что того и гляди, сам себя потеряешь в этой черноте. Наш начальник, бывший матрос Иван Гавра, появлялся перед нами, как из-под земли:

— Как, братишки, не размокли?

— Нас не размочить,— задорно отшучивался Ванюшка Байнов.— Мы не бумажные, из уральского железа. Ной, говорят, даже ковчег из него делал. Так что мы и со святыми вроде бы в близких отношениях.

— Отношения отношениями,— заметил Гавра,— а впереди что-то здорово шумливает.

Мы насторожились и услышали топот копыт. Ванюшка Байнов сразу предложил:

— Я пойду разведу?

— Тише, салажата! — отрубил Гавра.— О таких делах думает сам командир отряда.

— Пока думаем, на нас вся дутовская армия навалится: времени хватит,—

ехидно заметил Ванюшка Байнов и стал просить еще настойчивее. — Темень ведь, мы — одна нога здесь, другая там!...

— Вот неугомонный! Ну, давайте, — согласился матрос.

Ванюшка Байнов побежал первым. Мы поползли следом, но он сразу будто в воду канул. Решили действовать самостоятельно. Осторожно пробирались вперед, прислушивались. И вот в стдалении кто-то заговорил. То и дело улавливались слова «вперед», «за мной», «господин есаул», «станичники».

Надо немедленно возвратиться, чтобы предупредить своих! Но Ванюшка? Куда он исчез?

Мы поспешили на заставу и доложили о разведке командиру отряда. Подняли тревогу. Вдруг с той стороны, откуда мы только что вернулись, отчетливо доносилось из темноты мычание коров и бляение овец.

— Ну, юнги революции, теперь все ясно, — сказал со смехом Гавра, — вы приняли стадо скотины за дутовцев, а товарища оставили на разбодание?

Забыв об осторожности, мы наперебой

стали рассказывать, что «собственноушно» слышали голоса белоказак.

— Дутов, должно быть, сформировал специально козино-коровий эскадрон? — вернул Гавра.

Вдруг вдали взметнулся огненный сноп гранатного взрыва.

— Ванюшка! — невольно вырвалось у нас. — Он! Отбивается от бандитов!

— По белоказакам огонь! — скомандовал Гавра.

Бой длился несколько минут. Дутовцы в панике отступили. Ванюшка Байнов вернулся жив-здоров. Только помяли его коровы немножко.

Разведка вовремя предотвратила внезапное нападение.

Оказывается, белоказаки забрали у местного населения скот и под прикрытием стада двинулись к нашим передовым линиям.

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцы тоже использовали опыт дутовцев. На Украине и в Белоруссии они не раз ходили в атаки при «поддержке» овец, коров и даже свиней.

И вы сами знаете, что из этого вышло.

ТЕПЛАЯ ТРАВА

В 1883 году степной генерал-губернатор получил интересное письмо. Барнаулец Гуляев сообщал в нем, что жители Алтая, Енисейской и Томской губерний, отправляясь зимой в путь, обертывают ноги травой. Трава эта имеет необычайное свойство согреть ноги при морозах. Русские ласково зовут ее «мягкой», или «теплой», а киргизы называют «зоготом», что означает длинная.

Власти особенно заинтересовались предложением Гуляева использовать траву для утепления зимней обуви солдат. Военному начальнику Томской губернии было поручено испытать ее чудесное свойство. Трава блестяще оправдала свое название: ноги солдат, обернутые ею и обутые в холщовые сапоги на кожаной подошве, легко переносили любые морозы.

Что же это за «необыкновенная» трава? Она оказалась одним из видов осоки. Ученые назвали ее «карекс педиформис», что озна-

чает в переводе с латинского языка «осока стоповидная».

Согревающие свойства некоторых видов осоки заметили жители Кавказа. В зимнее время горцы вкладывали ее в стельки своеобразной обуви и обертывали ею ступни. Вероятно, кавказская разновидность осоки, спустя несколько часов, теряла согревающее свойство, потому что горцы меняли ее несколько раз в день.

«Теплая трава» хорошо известна и китайцам — старинным знатокам и ценителям различных трав и корней.

Искатели «корня жизни» — жень-шеня в своих дальних скитаниях утепляли обувь одним из видов осоковых трав.

Шведский полярный исследователь Норденшельд в своих заметках о плавании по Ледовитому океану писал, что, несмотря на 45-градусные морозы, ни один из его спутников не обморозил ноги. Трава, насланная в сапоги из

толстой парусины, надежно защищала от мороза. Спасательная трава оказалась родной сестрой уральской и сибирской осоки и называлась «карекс визикария», что означает «осока пузырчатая».

В чем же дело? Почему осока обладает таким оригинальным свойством? Предполагают, что согревающие свойства осоки зависят от кремнистых зубчиков, которыми усажены ее листья. Эти зубчики раздражают кожу и вызывают усиленный приток крови.

Вас, наверное, заинтересовала «теплая трава»? А она ведь растет и у нас на Урале: на низинных болотах, у берегов рек, на заболоченных лугах. Наука знает около двух тысяч видов осоки, более 400 из них растет у нас в Советском Союзе. А вот какая осока обладает свойствами «теплой травы» — проверьте сами!

Л. ХАНДРОСС

УРАЛЬСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Василий КУТЬИН,
г. Серов

Утро над озером

Упало облако
и глыбой
Плывет в озерной глубине,
И на заре, играя, рыба
Его качает на волне.

На берегу рыбацьи сети.
Роса сползает тихо с трав.
Лежит у лодки мирный ветер,
Спросонья щупая борта.
И птичий крик в лесу окреп.
И слышно где-то за болотом,
Как добывает дятел хлеб.

И над тайгой, раздвинув своды,
Высоко встав над камышом,
С улыбкой утро красит воды
Своим цветным карандашом.

Сосна

В начале восемнадцатого века
(Я точно даты вам не назову)
Она среди валежа на лесосеке
Еще была похожа на траву.

Но годы шли.
Ветвями обрастая,
Взметнулась вверх над порубью она,
И на заре, качая птичьи стаи,
Разбрасывала щедро семена.

Корнистая, в густой зеленой пене,
Вокруг большой, несчитанной родни,
Обугленная палом по колено,
Она стоит в тайге и в наши дни.

Когда леса шумят в предгорьях глухо
И птицы просят у природы пить,
Ее легко найти в бору по слуху:
Она, как мачта,
над тайгой скрипит.

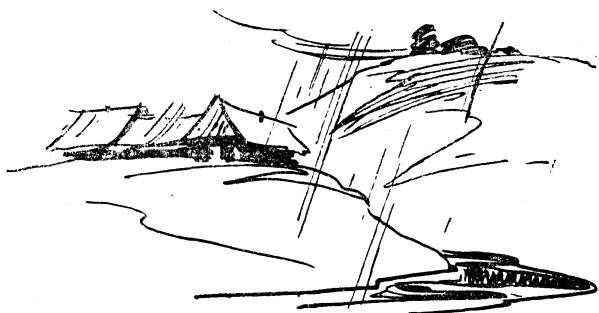

После грозы

*Дождь прошел размашисто и круто,
Полоснул взволнованный ручей,
И повис под синим парашютом
Мир на стропах солнечных лучей.*

*И туда, где билась речка бойко,
Где соцветье радуги в кустах,
Гуси по размытому проселку
Побежали, крылья распластав.*

*И молчат усталые деревья,
Где-то гулкий колобродит гром,
Будто на окраине деревни
Плотники раскатывают дом.*

Река

*Давно ль, качая куст калины,
Ты подставляла солнцу дно
И звонко мыла пеной спины
Голубоватых валунов?*

*Зима пришла, и вот, попробуй,
Найди тебя в крутом логу:
С горы видна лишь только
прорубь
Заплатой черной на снегу.*

ЗАГАДКА парковой ограды

Если бы, скажем, в 1985 году какой-нибудь юный следопыт-историк оказался вблизи ограды дендрологического парка в Свердловске, то, конечно, обратил бы внимание на клеймо, имеющееся на чугунных столбах ограды:

1885
III. 3.
Е. Т. Ж. Д.

Расшифровав надпись, он мог бы даже предположить, что обнаружил сооружение столетнего возраста: на клейме обозначено, что ограда отлита 3 марта 1885 года в мастерских Екатеринбургско-Тюменской железной дороги.

Но если наш следопыт хорошо знал историю города, то, несомненно, встал бы в тупик. Как же так: ограда отлита в 1885 году, а парк огорожен только лишь в 1948? В 1885 году на этом месте не было ни парка, ни ограды, а размещался шумный и грязный «хлебный рынок», просуществовавший до двадцатых годов.

Чтобы облегчить будущему следопыту-историку разгадку этого несоответствия, сообщаем, что колонны ограды частью были перенесены из сквера на плотине городского пруда, а недостающие были отлиты по старым образцам и моделям на одном из свердловских заводов. Клейма-то старые, а столбы — новые.

Ан. КОЗЛОВ

Юннаты Знаменской семилетней школы Сухоложского района Свердловской области:

Фото В. Мартынова

КОНСТАНТИН НОСИЛОВ

Злая пурга почти до самой крыши за-сыпала снегом маленькую одинокую избушку на пустынном берегу Новой Земли.

Иногда холодное дыхание ветра проникает даже через бревенчатые стены, шевелит бумаги на письменном столе. Тогда тревожно поднимает мордочку белый пушистый песец, лежащий на полу, а семейство полярных мышей, квартирующее за печкой, прекращает на минуту свою возню.

Керосиновая лампа слабо освещает небольшую комнату, оставляя в полумраке стены. Когда огонек вздрагивает, из темноты выступают чучела птиц, этажерка с книгами, развешанные по стенам географические карты.

Над столом склонился худошавый человек. Это Константин Дмитриевич Носилов. Уже два года зимует молодой ученый на Новой Земле, изучая животный и растительный мир Заполярья, наблюдая за движением льдов в Карском море.

Познать законы движения льдов очень важно. Карское море — этот «погреб, набитый льдом», — преграждает путь русским кораблям, разъединяет европейский Север и богатую хлебом и легом Сибирь. Поэтому с такой настойчивостью изучает Носилов тайны этого моря. В 1879 году отправился он в свое первое путешествие в верховья Камы и с тех пор почти все время изучает северные районы страны, особенно родной Урал.

На побережьях рек Конды, Сыгвы, на полуострове Ямал Константин Дмитриевич собрал богатые геологические и этнографические коллекции, изучал климат, пробовал сеять в этих суровых краях хлебные культуры.

Много страниц в путевых дневниках ученого

заполнено описаниями красот уральской природы. Но еще больше страниц посвящено тому, что особенно волновало Носилова, — тяжелой жизни народов Севера — ненцев, манси, ханты. Страшная нищета давила их. Смелых охотников и рыболовов запутывали мошенническими сделками купцы, обманывали и грабили.

Добрый и приветливый русский путешественник легко находил себе друзей среди этих простодушных запуганных людей. Он лечил больных, помогал своим друзьям самыми различными советами, а благодарные охотники раскрывали перед ним многие тайны природы, рассказывали о повадках зверей и птиц, сопровождали в трудном пути. Он привязался к ним всем сердцем и встал на их защиту. В печати появились статьи, очерки и рассказы Носилова, в которых он стремился привлечь внимание и симпатии читателей России к народам Севера.

Что же можно сделать еще, чтобы спасти умирающее от голода и болезней население? Эта мысль мучила Носилова. Может быть, этому помогло бы оживление торговли, приезд новых энергичных людей? Но сюда, в районы Северного Урала, нет торговых путей. Вот если бы товары пошли по реке Печоре... Возможно ли это?

Помог случай. Однажды в лесу Носилов наткнулся на развалины русской крепости. От местного населения он услышал рассказы и легенды о переходе через горы русских казаков более чем триста лет назад. Значит, это возможно? А вдруг это только легенда?

Ученый решил сам пройти по пути казачьего отряда. Сначала с двумя проводниками, а затем один, в невероятно тяжелых условиях, много рискуя жизнью, прошел он с Оби на Печору и доказал возможность освоения этого пути.

Особенно много времени и сил ученый отдал изучению и освоению Новой Земли. В первый

Этим снимкам много лет. Они сделаны примитивным фотоаппаратом, но их качество могут позавидовать многие нынешние фотокорреспонденты.

раз Носилов отправился туда в 1887 году. Вместе с ним тогда поехало несколько ненецких семей. Они основали на островах маленькую колонию.

Совместная жизнь и борьба с суровой природой сдружили Носилова и колонистов. Константин Дмитриевич очень любил детей и особенно привязался к Ване — сынишке самого первого жителя Новой Земли Федора Вылки. Мальчик стал постоянным помощником в работах Носилова и прекрасным препаратором. Он успешно овладевал грамотой, и Носилов мечтал увезти его на Большую Землю и дать образование.

Но судьба Вани сложилась трагично: он погиб во время голодной и особенно суровой зимы. Это о нем с волнением и любовью поведал Носилов в рассказе «Юдик».

Константин Дмитриевич путешествовал не только по России, но и по многим странам: побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Турции, Египте, Аравии, Маньчжурии.

При этом он не расставался с фотоаппаратом. Его объектив запечатлел и мрачные развалины древних городов в пустынях Средней Азии, и стройные парусники на океанских просторах, и столь любимые им северные пейзажи.

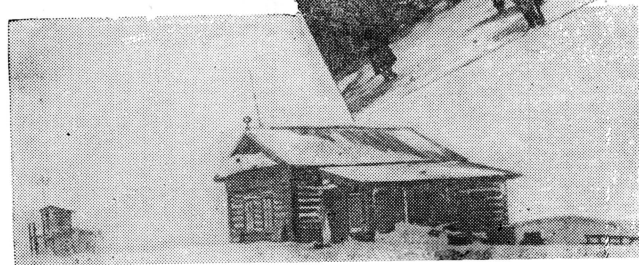
В третьем номере «Уральского следопыта» уже писалось о «Шадринской находке» — собрании негативов путевых снимков Носилова. Некоторые из них можно видеть на этих страницах.

О своих путешествиях, встречах с людьми, дорожных приключениях и охотничьих досугах Носилов написал много рассказов. Они были широко известны в России. Знают их и советские читатели. Многие помнят рассказ «Таня Логай» — о маленькой храброй охотнице, убившей белого медведя, рассказы «Юдик», «Яхурбет», «Катя Богданова» — о девочке, нашедшей первое золото на Урале, рассказы о родном Зауралье: «Бродяга», «За саранками», «Мои первые путешествия» и многие, многие другие.

В них писатель учит молодых читателей уважению к трудовым людям, какой бы они национальности ни были, учит любить природу и изучать ее. Поэтому его произведения дороги и нашим современникам.

В октябре 1958 года исполнилось сто лет со дня рождения Носилова. Жизнь этого замечательного путешественника и писателя изучена еще мало, не найдены до сих пор и его архивы. Разыскать новые документы, пройти по следам Носилова, собрать о нем воспоминания — интересное дело для уральских следопытов.

Т. МЫСЛИНА

НАШИ „ИНЖЕНЕРЫ“

Рассказ

Эту милую пару белых медвежат мне привезла Таня Логай, маленькая черноглазая девочка-манси.

Я давно мечтал приобрести себе пару маленьких белых медвежат. У меня в колонии в кадочке с соленою водой уже жил молодой тюлень, постоянно требовавший жалобными стопами рыбы. В комнате, как белый кот, давно проживал белый песец — полярная шустрая лисичка, которая вечно ссорилась по ночам с моим псом из-за места на моей постели. На вышке домика привезенные еще осенью обитали сизые голуби, залетавшие порой за кормом в комнату; был у меня белобрюхий пингвин, а в стеклянной вазе на столе моего кабинета жила парочка милых леммингов.

Когда живешь по целым годам на таком пустынном острове, не видя по году «свежего» человека,

почти один на берегу моря, не получая по десяти месяцев письма, поневоле окружаешь себя животными.

И вот это общество не то пленников, не то свободных «граждан» полярной земли увеличилось милой парой белых медвежат, которых привезла нам девочка.

Не знаю, как это случилось, но как только их пригласили в кухню покормить, мы сразу прозвали их «инженерами». Потому ли, что нам было смешно, как они серьезно стали обнюхивать стены нашего жилища, потому ли, как они потешно, с осторожностью, словно какие эксперты, обошлись с горшком шей, который мы им предложили на первое время, или почему иному, — я не помню. Но помню, что это прозвище так всем понравилось, так подошло к этой милой паре умных зверьков, что все приняли его. Даже наш

«кок», повар Мишка, взявший их под свое покровительство и, вероятно, никогда и не выдавший настоящих инженеров в своем Поморье, и тот согласился с этим, и, когда они с ловкостью очистили горшок шей, он сказал:

— Вот так инженеры, не надо и мыть... Настоящие инженеры.

И наши гости так и пошли с той поры за «инженеров», даже манси и те звали их не иначе, как «инженерами».

Таня Логай, тринадцатилетняя девочка, привезла нам этих «инженеров» прямо с Карского моря, где добыли их ее отец и брат.

Старик Логай вечно жил на особицу от всех манси и обязательно не только на лето, но и на зиму убирался куда-нибудь подальше и, как старый песец, устраивал свою снежную нору на каком-нибудь мысу, выдающемся в море. Устроится там, окопается кругом снегом и сидит со своими ребятами; а их у него было семь душ.

И оттуда, с возвышенного места, как настоящий песец, делает набег то на льды моря, то в горы. Выйдет из своей норы, прищурит узкие, хитрые глазки и смотрит кругом, и по мере того, как он все оглядывает, смотрят туда же и его умные псы, с которыми он охотится. В конце-концов что-нибудь высмотрит, запряжет псов — и марш... и обязательно что-нибудь притащит ребятам.

Так, вероятно, было и тогда, когда он неделю тому назад отправился в горы со своими собаками и разыскал там в сугробе снежную дыру, около которой кругом на небольшое расстояние снег был сплошь утопан маленькими мохнатыми ножками белых медвежат, которые выходили из норы порезвиться. Мать он тут же убил, а за ними слазил в нору, запрятал их в свою просторную пазуху и так и привез домой, к радости и восторгу своих ребятешек.

Река Конда.

Снимок К. Носилова

Но кормить их было нечем, поэтому он сам командировал ко мне свою дочь Таню с этими кавалерами. Вот она и явилась, очень довольная поручением и возможностью напиться у меня чаю.

Она одна проехала более ста верст по Маточкину проливу и ничего, говорит, никого не боялась, потому что злых людей тут не водится, а белых медведей она не боится, так как уже не раз с братом охотилась на них.

Таня у нас в гостях, пьет чай, раскрасневшись с дороги, а ее пассажиры бродят по комнате, привлекая поминутно наши взоры то своими широкими, мохнатыми с черными когтями лапами, которыми они боязливо, осторожно все нащупывают, то своими мордочками с черными, совсем незлыми глазами, которыми они на нас поглядывают, словно спрашивая, что это такое. Их не стесняет наше шумное общество, а также любопытный песец, который осторожно обнюхивает их сзади. Если что им кажется подозрительным, так это присутствие пса-леонбергера, который не особенно приветливо их встретил еще на улице, а здесь, в комнате, положительно ревнует, особенно когда мы выставили им горшок шей.

* * *

Таня получает за «инженеров» деньги и бутылку доброго вина для отца, себе за труды — красный платок, разные мелочи для маленьких братьев, в придачу еще мешок крупы в подарок матери и сдет на свою «Карскую сторону», а наши «инженеры» остаются у нас и делаются жителями маленькой, одинокой колонии на берегу моря.

Матросы сооружают для них ледяной домик; наш кок Мишка заказывает манси побольше достать тюленьего жира для варева, и «инженеров» мы садим в ледяной дворец, привязываем цепями на ночь, чтобы медвежата не отравились на плавучих льдах отыскивать свою молодую хозяйку.

Через неделю «инженеры» — уже обычные жители колонии. Они до тонкости изучили наши привычки. Когда утром, в семь часов, я добываю огонь в своем кабинете, надеваю малицу и теплые пимы и выхожу в сени с фонариком в руке, чтобы посмотреть на метеорологические инструменты, «инженеры» ждут меня, жмутся ко мне, что-то рассказывая, стараются лизнуть руки, загораживают мне путь. Они каждое утро сопровождают меня на метеорологическую будку. Когда я залезаю

на нее, они следуют с ловкостью акробатов туда же по лестнице; когда я отсчитываю градусы и вожусь с минимальным термометром, они стоят и смотрят, что тут такое; когда я освещаю флюгер, чтобы посмотреть и узнать, откуда и какой силы ветер, они глядят туда же; когда я спускаюсь и иду на лед, чтобы сделать отсчет морской температуры, они сидят со мной рядом у проруби. Я иду к почвенным термометрам и вынимаю их из мерзлой почвы, они присутствуют как ассистенты. И только потом бегут с радостью вперед, потешно переваливаясь и перегоняя друг друга, зная, что дело кончено. Я иду в дом и впускаю их в заповедную кухню, где спит их друг кок.

Не пустить их невозможно: они лезут, как только отворяешь дверь, под ноги, отдирают двери своими лапами, поднимают рев и стон, если оставишь на улице, и не дадут спать никому. Когда я впускаю медвежат в кухню, они исследуют ее: облизывают наши сковороды, тазы, роняют ухваты и лопаты и гложут кости вчерашнего ужина, уже обглоданные нашим псом.

Завтрак «инженеров» — самое любопытное зрелище нашего утра. Когда матросы выносят им еду, они уже на дыбах, протягивают свои мохнатые лапы, хватают каждый свою шайку и тянут ее вниз, пока не поставят завтрак перед их мордами, нарочно подальше друг от друга. Но завтрак горяч, так что к нему не подступайся, пар валит до потолка, и медвежата начинают кружиться около шаяк, выглядывая, где плавают куски аппетитного вареного нерпичьего сала. Это подрумяненное сало — первое, что им дощется съесть на голодный желудок; но взять его трудно, и нужна особая ловкость, чтобы выхватить его из шайки и не обжечь лапу. Голод чего не делает: медвежата принаравливаются, выглядывают; один момент, ловкое движение лапой, — и кусок подцепляется когтями. «Инженер» садится и поднимает высоко свою лапу, трясет ею, ревя от боли, а потом начинает старательно облизывать ее черным языком. Сало выловлено. И они весело кружатся около своих шаяк, облизывая осторожно края и зло поглядывая, не приблизится ли какая собака.

Но этим дело не заканчивается: один из них всегда съедает раньше другого, тогда тот, кто съел раньше, направляется к шайке другого, и поднимается такая воз-

ня, что содержимое посуды летит в разные стороны. Тогда «инженеры» усаживаются друг против друга и начинают сначала тихонько, потом смелее облизывать друг друга. Сначала морды, на которых съедобного осталось больше, потом и другие части тела.

После этого они, как ни в чем не бывало, отправляются на берег моря мыться. Полощутся там в воде, ныряют под льдины. Мы каждый раз серьезно заботились о том, чтобы они не нырнули под большую льдину.

Но они хорошо знают свое дело и, выполоскавши таким образом свои белые шкуры, отправляются в ледяной дворец и начинают акробатические представления перед нашим кабинетом. С замечательной ловкостью лазят медвежата друг за другом сквозь сделанные ими самими для того отверстия в стенах ледяного дома и в его крыше.

С собаками «инженеры» обращаются не особенно дружелюбно: как только завидят, что те улеглись кучкой спать в сени, они тотчас же являются тревожить их, или, сами желая отдохнуть в их компании, ложатся не рядом, а обязательно на них. И собаки терпели все, выносили, пока было это возможно.

Наши мохнатые приятели вечно что-нибудь выдумывали новое для своих забав.

Но ничего они больше не любили, как ездить с нами на яхточке. За этим они всегда ревниво следили, и, как только мы отправлялись куда-нибудь, поднимая паруса, они уже были тут, заползали без спроса на борт, прятались в нос судна, и оттуда уже их невозможно было выжить никакими силами.

Эту страсть к путешествиям по воде, вероятно, они имели от природы. Как только мы причаливали ко льдам, медвежата всегда были страшно этим довольны; бросались и бегали по льду, нюхали на нем каждую продушину, которую делает там нерпа, и находили столько дела, удовольствия, купаясь в прозрачной воде, что мы даже забывали из-за них про охоту.

Вообще «инженеры» обнаруживали много ума и сметки: им страшно нравилась музыка. Когда их друг Мишка выходил со своей гармонией и, забираясь на обрыв скалы, наигрывал излюбленные поморские мотивы, они обязательно были около него, не сводя глаз с чудного инструмента, который мы не могли выносить в

стенах дома. А когда освободился и был вынесен весной на улицу бочонок из-под керосина, они тотчас же приспособили его к музыке, вероятно, заметив, что он гудит при ветре. Медвежата, конечно, не стали дожидаться ветра, чтобы слышать гул в пустой бочке, а лупили ее изо всех сил тяжелыми лапами, чтобы бочонок гудел, как барабан, или катали его по камням на берегу моря.

Бочонок они скоро заменили нашим медным дорожным котлом, и, прежде чем мы его хватились, он был окончательно пробит по всем направлениям, так как эти музыканты бросали его с большого камня в доны на другие камни пониже и потом прислушивались, как он звучал.

Нужно заметить, что «инженеры» страшно любили, когда им позволялось к нам заходить, и стоило только сестре у раскрытого окна, как они лезли к нему, и, случалось, действительно, заползали в комнату, к неудовольствию повара, у которого на окнах всегда был «базар» из чашек.

Раз в моем кабинете даже случилась целая история: медведи забрались в окно в то время, когда я спал. Мой пес ни за что не хотел их выпускать в комнату и так лаял на них, что я думал: ко мне забрались настоящие звери с моря...

Впущенные в комнату, медвежата вели себя весьма учтиво, и как бы ни был соблазнитель наш стол с кипящим самоваром и дымящимся завтраком, они вежливо подходили к нему, становились на дыбы и только заглядывались на него, не смея тронуть ничего лапой. Когда мы подносили им на блюде кусочки лакомств, они тихонько, осторожно брали черными коготками то, что им было предложено.

* * *

Была уже настоящая весна, и наш пролив очистился ото льда, его несло уже в море. Я вышел утром делать метеорологические наблюдения и был удивлен тем, что не нашел на своем крыльце «инженеров». Я искал их у будки, кругом дома — нет. Послал на розыски повара и матросов, но «инженеры» пропали, «инженеры» уплыли в море, «инженеров» след простыл, и, где они — неизвестно.

Помню, это было целое событие в нашей колонии.

Мы снарядили яхту и отправились искать «инженеров», но не нашли их.

Печатается в сокращении.

Путешественник

Н. ХАУНЕН,

Рис. Е. Гилевой

Мальчишкой из нашего класса
Проглочено множество книг.
О прериях, джунглях, пампасах
Мечтает пермяк-ученик.

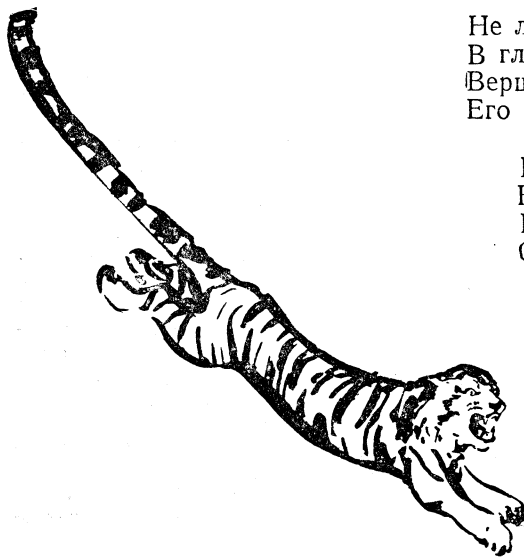
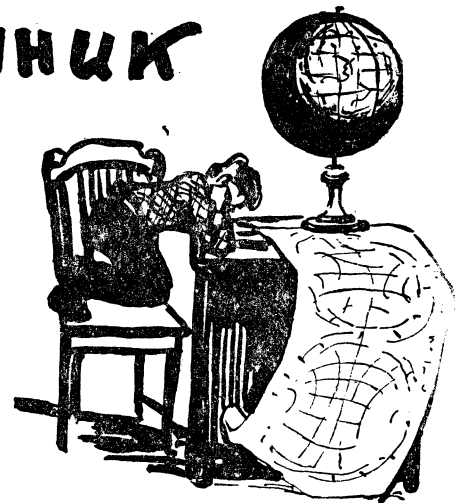
Он в полночь за пумой крадется
(Не сможет и тигр удивить!).
Он даже готов, коль придется,
Удава ремнем удавить.

Он бродит по всем континентам,
Тревожим заботой одной —
Раз двадцать маршрутную лентой
Весь шар опоясать земной.

Такой путешественник дошлый!
Так много узнал и сумел!..
Герой!.. Но героя подошвы
Не топчут уральских земель.

Не лазал мальчишка на кручи,
В глухие пещеры не лез,
Вершинами сосен могучих
Его не приветствовал лес.

Не шел он на берег гористый,
Не брел по росистым лугам...
Короче — он не был туристом,
Он только... по книгам шагал.

Эстафета ЮНОСТИ

год
1923-й

Только что отшумела гражданская война, и участники ее с тем же неугасимым огнем в сердце пришли на другой фронт — на борьбу с разрухой в народном хозяйстве, с голодом, холодом.

С изменением обстановки появились и новые задачи у комсомола. Пятый Всероссийский съезд РКСМ, заботясь о подготовке достойной, боевой смены, решил развернуть массовую работу среди детей, создать организацию юных пионеров.

Дежурное звено за приготовлением обеда. Вожатый Гриша Шнейдер готовится к снятию пробы.

Первый пионерский отряд в Екатеринбурге был создан в начале 1923 года. Пионеры проводили свои сборы-занятия в комклубе (клуб коммунистов). Сейчас в этом здании помещается Театр юного зрителя.

Но один отряд не массовая организация. А чтобы создать другие, нужны были руководители — вожатые отрядов. Поэтому Екатеринбургский губком РКСМ организовал пионерский лагерь, сделав его школой подготовки новых пионерских вожатых.

ХЛОПОТЫ

Первые пионерские вожатые Миша Бородин, Евгений Упоров, Борис Рукавишников составляли планы, программы, сметы и различные расчеты. Анатолий Черепанов и автор этих строк занимались хозяйственными вопросами. Действия обеих групп направлял работник губкома РКСМ Леонид Тютрюмов.

За помощью в различные организации вместе с вожатыми, организаторами лагеря, ходили и пионеры-активисты. Их горячность, ребячий задор действовали на руководителей учреждений куда лучше и безотказнее, чем любая письменная просьба.

К началу июня подготовка закончили.

По ходатайству губкома комсомола военвед (военное ведомство) выделил для лагеря брезентовые палатки; отдел народного образования — средства и продовольствие. На одном из складов отдела народного образования мы случайно обнаружили неизвестно как и для какой цели попавшие туда около ста фетровых шляп. Их также выпросили, и они послужили нам основой единой лагерной формы.

Все лагерное имущество сосредоточилось в детском доме имени Красной Армии (он помещался в бывшем Рязановском доме на улице Куйбышева). Оставалось переправить его к месту расположения лагеря.

Место для лагеря было выбрано на склоне горы Светлой, в конце Верх-Исетского пруда (если смотреть на него от завода). Попасть в лагерь можно было тремя дорогами: от Верх-Исетского завода, где находится водная станция, на лодке, 10—12 километров; в обход по Московскому

тракту до горы Хрустальной, а затем дальше по лесной дорожке-«зимнику»—15—18 километров; или с другой стороны пруда, мимо железнодорожной товарной станции. В конце последнего восемнадцатикилометрового маршрута небольшой водный рубеж преодолевался на плоту, построенном пионерами.

День выезда в лагерь был назначен на 23 июня, и ранним утром того дня мы с песнями покинули город.

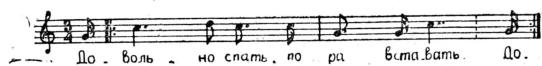
Мы шли по разным дорогам вдоль Московского тракта, везли на лошадях палатки, котлы для кухни, посуду. В лагерь с нами напросилась также группа комсомольцев, чтоб познакомиться с практической пионерской работой, — воспитанники детского дома имени Красной Армии и ученики школ имени Ленина и Свердлова.

У КОСТРА

Лагерная жизнь началась.

Каждое утро, в 6 часов, горнист Гена Усталов, по-мальчишески влюбленный в свой горн, старательно выводил:

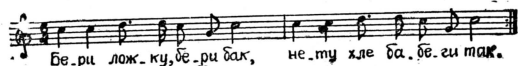
Довольно спать, пора вставать!..

Пионеры вскакивали с пружинистых еловых постелей, делали гимнастику, бежали купаться.

Едва успевали сделать уборку в палатках, как горнист вдохновенно начинал новую, всеми желанную мелодию:

Бери ложку, бери бак...
Нету хлеба, беги так!

После легкого завтрака, приготовленного дежурным звеном, расходились по заранее составленному расписанию на практические занятия. В первые дни это были работы по сооружению бытовых лагерных помещений: хозяйственной палатки для хранения продуктов, клубной палатки, столовой, спортивных площадок и т. д., а позднее учились строить шалаши, разжигать костры, распознавать следы.

После простенького, но сытного обеда, сваренного самими, отдыхали. Затем стреляли из лука, прыгали, бегали, играли в городки.

Вечером, перед сном, проводился традиционный костер. Ребята смотрели на язычкое пламя и слушали рассказы о жизни детей за рубежом, о гражданской войне, о жизни и работе большевиков в подполье.

Беседы перемежались выступлениями художественной самодеятельности. Тут были и злободневные частушки на темы лагерной жизни, вызвавшие восторг, и знаменитая «Картошка», ставшая на многие годы любимой песней пионеров. Вот слова этой песни:

Пионеры «тренируются» в переноске «пострадавшего» товарища.

Ну, споемте-ка, ребята-бьята-бьята-бьята,
Жили в лагере мы как-как-как.
И на солнце, как котята-тятя-тятя-тятя,
Грелись этак, грелись так-так-так!
Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки
Были вечно голодны-дны-дны,
И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки
До обеденной поры-ры-ры.
Дым костра, углей сиянье-янье-янье-янье,
Серый пепел и зола-ла-ла.
Дразнит наше обонянье-нянье-нянье-нянье
Дух картошки у костра-ра-ра.
Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка,

Низко бьем тебе челом-лом-лом,
Даже дальняя дорожка-рожка-рожка-рожка
Нам с тобою нипочем-чем-чем!
Ах, картошка, объяденье-денье-денье-денье,
Пионеров идеал-ал-ал.
Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья,
Кто картошки не едал-дал-дал!

Умеренно
2-е голоса

1. Ну споемте-ка, ребята-бьята-бьята-бьята! Жи-ли в ла-ге-ре мы как-как-как,

все

и на солнце, как котята-тятя-тятя-тятя, грелись этак, грелись так-так-так.

Играя в военные игры, пионеры учились ориентировке в лесу. Камал Залеев и Сонка Чернокутов всегда проявляли себя способными разведчиками.

Была и такая любимая форма самодеятельности — приключенческий рассказ собственного сочинения с продолжением. Начинал его один рассказчик, а продолжали другие, и часто он затягивался на несколько дней. Сколько замечательных приключений происходило с героями рассказа! И вместе с героями переживали и слушатели, переживали и мечтали стать похожими на них.

Не хотелось уходить от костра, но горнист свято помнил о своих обязанностях. Ровно в 10 часов по лагерю разносилось:
Спать, спать по палаткам!..

Быстро пронеслись полтора месяца увлекательной жизни в лагере. Они оставили у пионеров незабываемые впечатления.

Лагерь дал ребятам немало ценных навыков самостоятельной жизни в лесу, укрепил дружбу, закалил здоровье (несмотря на то, что все жили в палатках, а погода случалась всякая, в лагере не было ни одного случая заболевания).

В лагере жили 80 ребят — это почти все пионеры, бывшие в то время в городе. После лагеря с начала учебного года в школах пионерская организация выросла в городе до 400 человек.

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ...

Много лет прошло с тех пор... Пионеры, жившие в первом лагере, разъехались по всему Советскому Союзу. Но где бы они ни жили, где бы ни работали, они с особой любовью вспоминают дни жизни в полотняном городке на горе Светлой.

Вот что пишет своему другу один из них, теперь летчик-истребитель С. Чернокутов:

«1923* год я считаю самым светлым в своей жизни. Вспоминаются картинки из лагерной жизни на горе Светлой: дожди, галеты, консервы, беседы у костра... Я думаю, что все наши ребята и сейчас не забыли навыков, которые получили в комклубе и в лагере на горе Светлой. Теперь, когда я работаю в воздухе, иногда вспоминаю их, думаю: а где остальные ребята, пионеры того времени? Вероятно, все работают на общее дело. Не должны они быть другими. Ведь мы вместе ходили в походы с «Картошкой», вместе обещали быть большевиками»...

Много теплых слов может сказать об этом лагере Галина Трифонова. Сейчас она член Совета юных пионеров при Свердловском обкоме ВЛКСМ.

Восторженно отзывается о жизни в первом пионерском лагере и Женя Киселев, ныне посол Советского Союза в Объединенной Арабской Республике. И, конечно, горнист Генка Усталов, ныне работник Управления трудовых резервов...

Нет, не найдется ни одного, кто бы забыл лето, проведенное в палаточном городке на заре возникновения пионерской организации.

А. СУВОРОВ

Застава ЮНОСТИ

год
1958-й

Паше Тонких стало грустно... Оттого грустно, что прочитал он за свои пятнадцать лет немало книг, увлекательно рассказывающих и о подвигах, и о других делах славных, и о путешествиях по земле и по галактикам, а вот сам-то пока ничего не видел. Ученик он пока. Одно знает: школа и школа!

Правда, школа у него хорошая, в хорошем месте: впереди, под угором, — мягкие волны Шарташского озера, позади — причесанный ветрами сосновый бор. И опять же: как выйдешь к озеру, на каменистый берег, и посмотришь вдаль, где гуляют над невидимым Свердловском синие заводские дымы, сразу чего-то такого огромного захочется, что и самому себе не высказать! О многом передумается, о многом помечтается.

Вот говорят про него, что слишком уж нетерпелив он в движениях, чуть ли не увальнем называют!.. Ну, а куда спешить, если и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра все одно и то же?! Только школа и дом, а все по-настоящему интересное, о чем в книгах пишу, остается недосягаемым...

Неизвестно, сколько бы еще времени продолжалась Пашина грусть, если бы не некоторые события, разыгравшиеся в той же самой школе, что на берегу Шарташа.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

В школе, кроме Паши, учится множество мальчишек и девочек. И, надо сказать, замечательные это ребята! Среди них нет белоручек. Они все делают сами, и поэтому вполне самостоятельные люди. А в будущем они хотят стать еще более самостоятельными — «хозяевами жизни», рабочими... Токарь. Разве это плохо? А быть кузнецом? А шофером, поваром, ткачихой, каменщиком? Очень хорошо! У большинства шарташских ребят отцы и матери — рабочие, и они с детства убеждаются в том, кто большим почетом пользуется в нашей стране, кого у нас больше любят.

Но как быть? В школе теперь рабочую специальность получить можно. Получить-то получишь, а вдруг придешь на завод — и не пона-

вится эта, специальность? Надо, значит, перепробовать несколько профессий. Какая больше понравится, на той и остановиться. И время терять нельзя никак!.. Но как это сделать?

Зимой шарташские ребята проходили практику на небольшом заводе. Зима кончилась, кончилась и эта маленькая практика. Выходит, летом делать нечего, пропадай лето!

Нет. Летом тоже можно работать. Поработал, потом купайся, загорай... Здорово!

Так родилась идея об организации комсомольско-молодежного лагеря, где и отдыхают, и работают. А раз работают, значит, и зарабатывают: ни у кого — ни у школы, ни у родителей и копейки просить не надо. Недаром... очень самостоятельные люди — шарташские ребята...

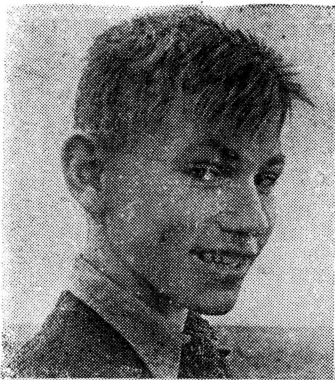
В БЫВШЕЙ ЗЕМСКОЙ

На окраине деревни Черемхово стоит ярко-красное кирпичное здание. Над крыльцом — плакат: «Комсомольско-молодежный лагерь школы № 24». Днем возле этого крыльчика пустынно, вечером же на тихой деревенской окраине слышны всплески смеха и песни.

Сорок ребят и девочек приехали в лагерь, и вместе с ними Паша Тонких. Паша приехал просто так, он не ждал от поездки чего-то уж очень нового и интересного... Маленькая «неспортивная» фигурка его — впалая грудь, тонкие руки — в первые дни часто маячила где-нибудь в стороне: он и здесь скучал. А другим скучать было некогда: первые дни в лагере были очень хлопотными, все приходилось делать самим, обжигаться чуть ли не на голом месте.

Одноэтажное здание из красного кирпича, если приглядеться, и впрямь есть «голое место». Когда-то располагалась в нем земская школа... Потом, уже после революции, школу перевели в соседнее село Храмцово, а здание превратили в хлебный амбар. Вот потому что был тут раньше амбар, и пришлось ребятам претерпеть немало неприятностей.

Главная из них — крысы... В первые дни их было множество. Днем они споконно разгуливали по комнатам, ночью нахально влезали на самодельные топчаны, пугая девочек мягким прикосновением лапок. Ужиться с крысами не смогли, им была объявлена беспощадная война.

В «войне» участвовали все, как один. Насобирали по деревне битое стекло, растолкли его; потом вмяли в хлебные крошки и разбросали по всем углам. Одной «операции» оказалось мало. Повторили ее раз, потом еще раз, и еще... Наконец, ушли в прошлое ночные страхи, началась спокойная жизнь, перемежаемая лишь волнениями за исход спортивных соревнований и других важных дел.

Мероприятий наметили много. Заводилой была, конечно, Рэма Михайловна Соколова — молодая учительница, начальник лагеря. Помогали ей выбранный штаб и Совет бригадиров. Они собирались ежедневно после вечерней линейки и, обсудив итоги дня, решали, задумывали, как интереснее построить жизнь в лагере.

Но разве уложишь жизнь в определенные рамки? Нет, не уложишь. Как-то работали на совхозном поле и неожиданно заговорили вот о чем:

— На спутнике бы, ребята, полетать, а!.. — мечтательно сказал Саша Лаврентьев. — Чего он пустой летает!

Паша Тонких усмехнулся:

— Толку-то от тебя! От Лайки и то больше: ученая...

— А, может, и был бы толк! — грозно поднялся с корзины из-под лука Лаврентьев. — От меня, может, и сейчас уже толк есть.

— Как-кой там!..

— Да! Ты знаешь, я тут недалеко торф нашел. Не веришь?

Ребята прислушались. Обыкновенная стычка между тихоньким Пашей и насмешливым Лаврентьевым на сей раз принимала интересный оборот.

— Серьезно, Пашка, нашел, — упрямо уверял Лаврентьев, сверху поглядывая на низкорослого товарища.

Тонких поверил. Поверил и заволновался:

— А ты точно знаешь, что это... что это неизвестные залежи?

— Точно не знаю... Думаю так.

— Давай проверим вместе!

— Давай!

Проверку отложили до отъезда в город. Однако находка Сашина заинтересовала всех. Вдруг всплыла масса любопытных загадок, которые немедленно и обязательно понадобилось разгадать...

Куда, например, течет эта река? И как она называется? Храмцовка? Надо узнать точно. А как родился совхоз, в котором они живут сейчас и работают? Говорят, что в него влилось сорок колхозов... Верно ли это? Надо проверить!

Вот так появились дела, не запланированные ни штабом, ни Советом бригадиров. Незапланированные... Но сколько бы времени ни отдавали им ребята, они не забывали об одном, беспрекословно важном деле, ради которого они, может быть, и приехали сюда, — о работе.

«ГОРЕ ЛУКОВОЕ»

«Ежедневно выполнять нормы выработки в поле», — так записано в «железном» лагерном уставе, выработанном еще до отъезда в Храмцовский совхоз.

Этот пункт не нарушался ни разу. Впрочем, не нарушались и другие пункты, но уж этому следовало особенно свято.

В первые дни всех сорок человек направили на уборку лука. Работа легкая, но и, что греха таить, малоинтересная. Знай одно: цепляй пальцами желтоватые корни и — в кучу. А потом сиди часа три и сортируй...

— Эх, горе луковое!.. — заметил однажды кто-то из девчат, протирая слезные от солнца глаза. — На прополку бы лучше...

Но работа есть работа. Ее нужно доводить до конца. И луковое поле было убрано раньше, чем предполагалось по заданию. Потом были и другие работы, и делались они тоже добросовестно и быстро.

Паша Тонких, который теперь все свободное время бродил по окрестностям и «следопытничал», о героизме знал только из книг. И вот он увидел что-то похожее в жизни...

С вечера хлынул дождь. Думали, что к утру перестанет, а он не перестал, и все лил, лил, лил... В 7 часов, как всегда, ждали машину, чтобы ехать на поле. Машина не пришла: совхозное начальство, видимо, не понадеялось на школьников. Как быть?

Срочно собравшийся штаб решил: «Работать!»

И в этот трудный день промокшие до ниточки ребята сделали свою норму.

Нет, не только в книгах можно познакомиться с героями...

Не белоручками растут комсомольцы Свердловской школы № 24. Они помнят заветы отцов: быть самостоятельными людьми, настоящими строителями, «хозяевами жизни».

А. ЯКОВЛЕВ

Вот они, самостоятельные люди

На снимках (сверху вниз): на стр. 65 — Вера Чимизова, Владимир Попов, Галья Чимизова; на стр. 66 — Толя Засименко, Тамара Тимофеева, Владимир Антропов, Павел Захаров, Людмила Кокорина.

Г. БАБАКОВ

Снимки автора.

Интересно и в то же время трудно быть следопытом, а мне им приходится быть по профессии. Специальность моя — биолог-охотовед. Работа охотоведа напоминает работу геолога, только геологи ищут, изучают и добывают богатства, спрятанные в земле, а мы, охотovedы, делаем то же самое, но не в земле, а в тайге.

Есть и еще одна большая разница. Богатства, которые ищут геологи, лежат спокойно на месте, а наши — бегают, плавают, летают, умирают, размножаются, поедают друг друга.

Рогатый таежный великан-лось и маленький грациозный соболь, краснобровый красавец глухарь и серенький скромный рябчик и еще десятки зверей и птиц — вот те богатства, которые охотovedы ищут, изучают и добывают для того, чтобы дать стране больше «мягкого золота» — дорогих и изящных собольих мехов, дешевых и добротных шкурок ондатры, мягкой замши из лосины, прочного фетра из шерсти зайца-русака.

А зачастую мы не ищем, как геологи месторождения, а создаем сами. Из далекой Баргузинской тайги завозим и выпускаем к нам на Урал темных дорогих соболей, из Алтайских лесов — крупную белку-телеутку, бобров — из Белоруссии, ондатру — из Архангельска.

Но вся наша работа связана с лесом и его обитателями, и тут невольно приходится быть следопытом в самом широком смысле слова.

В этом маленьком очерке я хочу поделиться впечатлениями об одной нашей экспедиции на север Свердловской области — в «край кедр и соболя», как называли его в старину.

Трудная профессия

На улице темная ночь, первая ночь, которую участники нашей экспедиции проводят в мансийской юрте. Весь день мы пробивались сквозь снежные заносы на машине-вездеходе по «зимнику» — дороге, которая летом превратится в болото, местами непроходимое для человека.

Жарко горят сухие дрова в чувале — очаге, сделанном из глины и очень напоминающем камин. На столе ужин: мороженая сырая оленина-строганина, лосинный жир растопленный в большой миске хлеб, крепкий чай.

Это настоящий сын тайги.

Это чамья.

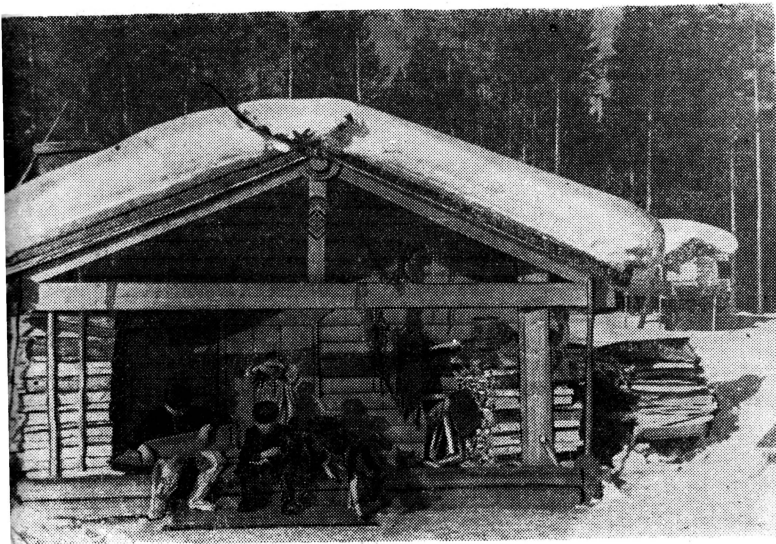
Мой собеседник в цветастой ситцевой рубашке, в лапчатых, расписных унтах, с двумя длинными косами и лицом, бронзовым от ветра, будто сошел сюда со страниц книг Фенимора Купера. Это Петр Васильевич Анямов — лучший по здешним местам пастух оленьих стад.

В зимние месяцы он живет в юрте в верховье реки Пельма, а все остальное время проводит в горах со стадами оленей.

Работа пастуха очень сложная, а порой опасная. Нужно беречь стадо от хищных зверей: медведей, рысей, волков, росомх; вовремя отыскать отбившегося оленя; не растерять самок во время отела, когда они стараются забиться подальше в укромные места; вовремя перегнать стадо на лучшие пастбища и спасти от гнуса. Прямо сказать — трудная профессия!

Только исключительное знание Урала да умение разбираться в следах помогают пастуху сохранить оленей.

А это мансийская юрта.

Анямов рассказывает о пастбищах за горою Чистоп, где можно прокормить большие оленьи стада, о знаменитых кедровниках по речкам Ушме и Пурме, и за каждым его словом чувствуются огромные знания, которые даются только очень наблюдательному человеку.

Утром Анямов уходил на Пелым...

Избушка на курьих ножках

Когда рассвело, мы разглядели поселок Суеват-Пауль. Мансийские юрты оказались совсем не такими, какими я их себе представлял. Это высокие деревянные дома, рубленные крестом. Только в юрте нет потолка. Прямо на стропилах делается обрешетка, она плотно укрывается берестой, а сверху тесно кладутся отесанные с одной стороны сосновые плахи — и крыша готова.

Много в Суеват-Пауле замечательных охотничьих собак-лаек. Каждый охотник держит их по две-три. И, что характерно, собаку держат до тех пор, пока она не умрет естественной смертью.

Вот славившийся когда-то на всю округу очень красивый пес Манка. Ему уже двенадцать лет, он плохо слышит и к охоте не годен, но хозяин все так же заботится о нем. Да и не может быть иного отношения к старому другу, который долгие годы делил с человеком все невзгоды и опасности таежной жизни.

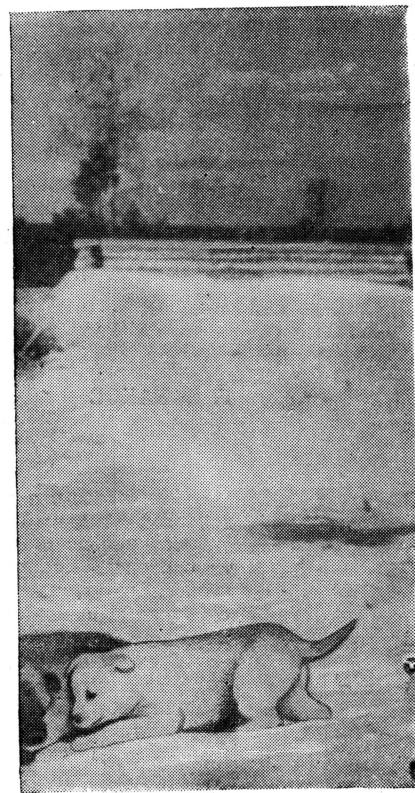
Пока я разглядывал собак, мой товарищ познакомился с будущим охотником Иваном Прокопьевичем Анямовым. Ему пять лет.

Он прекрасно бегаёт на маленьких охотничьих лыжах-подволоках, умеет отличить след лошади от следа оленя, след собаки от следа зайца и, как настоящий охотник, имеет своих собак.

Нет у Ивана Прокопьевича только ружья. Трудно поверить, что из такого парня не получится настоящий следопыт.

Около каждой юрты стоит чамья — амбарчик для хранения мяса и других продуктов. Стоит чамья, как на курьих ножках, на высоких столбах, чтобы не проникли в нее собаки и хищные звери.

В тайге, где охотники промышляют, амбарчики стоят такие же, только «ноги» у них выше. Для того чтобы попасть в них, люди пользуются приставной лестницей. Мне рассказывал охотник Тасманов, как однажды в его чамью за-

лез медведь. Он тоже догадался, для чего служит валяющаяся рядом лестница, приставил ее к порожку, открыл щеколду на двери и высыпал всю муку из мешков.

Когда медведя убили, оказалось, что его шкура вся перепачкана в тесте.

Таежная грамота

Следы — это таежная грамота, и тот, кто ее усвоил, идет по тайге с открытыми глазами. Он различит, какой зверь прошел, когда и куда, сытый или голодный, и еще многое-многое можно прочесть по следам. Но не только следы зверей и птиц нужно уметь различать следопыту, а и следы человека. Это тоже часто бывает интересно и нужно.

Иван Анямов идет по следу...

Встретил я как-то на лосиной тропе, что пролегала по краю соснового бора, толстую сосну с затеской. Лет десять назад человек топором вытесал фигуру зверя: круглая голова, два уха, короткая шея, туловище и три пары ног, хвоста нет. Что, думаю, за зверь такой?

Наверху две косые зарубки, внизу три зарубки, а в центре значок, вроде буквы «икс», только в сторону, будто зуб отходит. Так и не догадался я в первый раз, что это все означает.

После я встречал много всяких затесок, зарисовывал их, фотографировал, пытаюсь разгадать их тайну. Но когда расспросил охотников манси, то все оказалось очень просто. Ходит охотник по тайге, ищет зверя, а как убьет, выйдет на тропу и на приметном месте на радостях и в память об удаче сделает затеску. Сперва фигуру зверя, как здесь принято, вытешет, потом над ней поставит, сколько человек было, под ней — сколько собак, а в середине распишется — вытешет свой личный знак «кат-пос».

Если в промысле участвовало несколько охотников, то каждый ставил свой знак. А иногда можно увидеть, что знак один, а зарубок, обозначающих количество людей, две или три. Это значит, семья охотилась: отец с сыновьями. Сыновья, пока не обзаведутся собственной семьей, ставят — «кат-пос» отца.

Вся история на дереве написана, только даты нет, но и ее при желании можно определить по возрасту затесок.

И стоит у тропы сосна долгие годы, повествуя прохожему о силе и ловкости удачливых охотников.

А та первая затеска, как объяснили мне охотники, обозначала, что здесь убит медведь.

— Но ведь там шесть ног нарисовано. Разве у медведя шесть ног бывает? — спросил я.

— А ты сходи-ка на медведя, — смеются охотники. — Бежать будешь, у самого шесть ног вырастет.

Если и вам посчастливится побывать в краю кедр и соболя, то помните, что каждый след обитателей тайги таит в себе массу интересного.

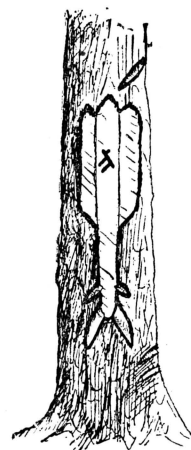
Может быть, мои зарисовки и фотоснимки помогут вам разобраться в таежной грамоте.

Эта грамота — сложная наука, и настоящие следопыты хорошо знакомы с нею, постоянно изучают ее.

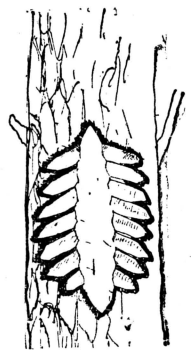
В жизни все это всегда пригодится.

Здесь добыт медведь.

Здесь — лось.

Здесь — россомаха.

Птица, заслужившая памятник

К сожалению, эту птицу мало кто любит. Не любят ее охотники за то, что, обнаружив в тайге человека, долго не отстают от него и кричат на весь лес своим не особо приятным голосом, давая лесным обитателям присутствие охотника.

Не любят ее шишкарки — сборщики кедровых орехов. Ждут они, ждут, пока шишка на кедре поспеет, только соберутся на промысел идти, а тут налетят стая кедровок и в несколько дней оборвут все шишки.

А вот и следы самой россомахи.

Будущие следопыты.

Представьте себе: вы выходите из дому с клеткой, в которой сидит десяток прирученных кедровок. Приходите в кедровник, открываете дверцу клетки, и десять работающих птиц начинают срывать шишки, выбирать орехи, таскать и прятать их, но не в мох, не под кочку, а к вам в мешок... И ничего невероятного в этом нет. Используя природные инстинкты птиц, китайцы применяют бакланов для ловли рыбы, охотники Средней Азии — беркутов для охоты на волков и лисиц. Так почему бы и нам не использовать кедровку для сбора орехов. Но это все дело будущего, а пока нужно бережно охранять кедровку — чудесного крылатого лесовода.

Край ждет следопытов

Конец работ экспедиции совпал с чудесным временем года — весной.

...С полной водой мы спускаемся в лодке вниз по Пельму. Из кустов медленно выплывают утки, внимательно разглядывают лодку и подымаются на крыло метрах в

тридцати от нее. Ночью в воздухе слышен непрерывный шелест крыльев: птицы летят на север.

А глухариные тока! Сердце какого охотника не дрогнет, когда в вечерней тишине вокруг тебя рассаживаются четыре-пять десятков глухарей, нарушая тишину хлопаньем своих могучих крыльев. Ты стоишь, невидимый для них, и стараешься и зрением и слухом уловить каждую деталь этого праздника обитателей леса!

Но не только человека привлекают глухариные тока. Наш проводник, пробираясь по току, лицом к лицу столкнулся с медведем, который, видимо, тоже интересовался глухарями.

А встречи с лосьями, а охота на турпанов — разве обо всем расскажешь?..

Два с половиной месяца работала наша экспедиция в этом краю.

На оленях добирались мы в верховья реки Лозьвы, где изучали богатейшие кедровники Матвевской Пармы, по следам учитывали соболей, описывали растительность по речкам. Пешком и на лодках спускались вниз по Пельму, собирая сведения о запасах кедра и наличии охотничьих животных.

И каждый день в наших дневниках появлялись новые записи, новые наблюдения, которые помогали раскрыть богатства края кедра и соболя.

Я не рассказал здесь о том, какие интересные пещеры есть на берегу реки Лозьвы, выше впадения в нее реки Северной Тошемки; о том, как находили куски каменного угля на дне реки Пельма; какие легенды хранят в памяти старики-охотники манси. Об этом и многом другом интересном расскажут другие. Край кедра и соболя еще ждет своих следопытов.

И думают шишкарки: «Вот ведь вредная птица какая. Хотя бы сама от орехов жира набиралась, а то убьешь, ошиплешь, а она худущая, синяя, будто не жирным орехом питается, а сухую осоку ест».

Но есть люди, которые думают иначе. Например, один мой знакомый лесовод про кедровку говорит так: «Не нам, лесоводам, а этой птичке таежной потомки наши на самой высокой горе Урала памятник поставят за то, что богатство уральских лесов, чудесное дерево кедр сохранила».

И, возможно, так оно когда-нибудь и будет.

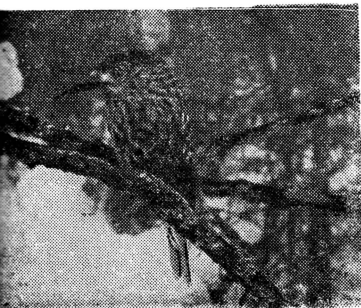
С раннего утра до позднего вечера трудится кедровка. Сорвет шишку, выберет орехи и несет их из кедровника на бор или на старую гарь. — Кучками по 8—12 штук прячет их под мох, под кочки и под пни. Всю осень, день за днем, прячет кедровка орехи, а зимой, когда шишек на кедре нет, находит свои запасы и лакомится ими.

Но слишком много и в разных местах понапрятала птица, всего не упомнит. И полноценные кедровые семена, оставшиеся ненайденными, в один прекрасный весенний день пускают ростки. И вот уже тянутся молодые кедровые побеги навстречу солнцу.

Разглядывал я как-то шишки, сорванные кедровкой, думал полакомиться оставшимися в них орешками. И что же оказалось? Все орехи были без ядрышек. Значит, кедровка только полноценные орехи выбирает, а пустые не трогает, оставляет в шишке.

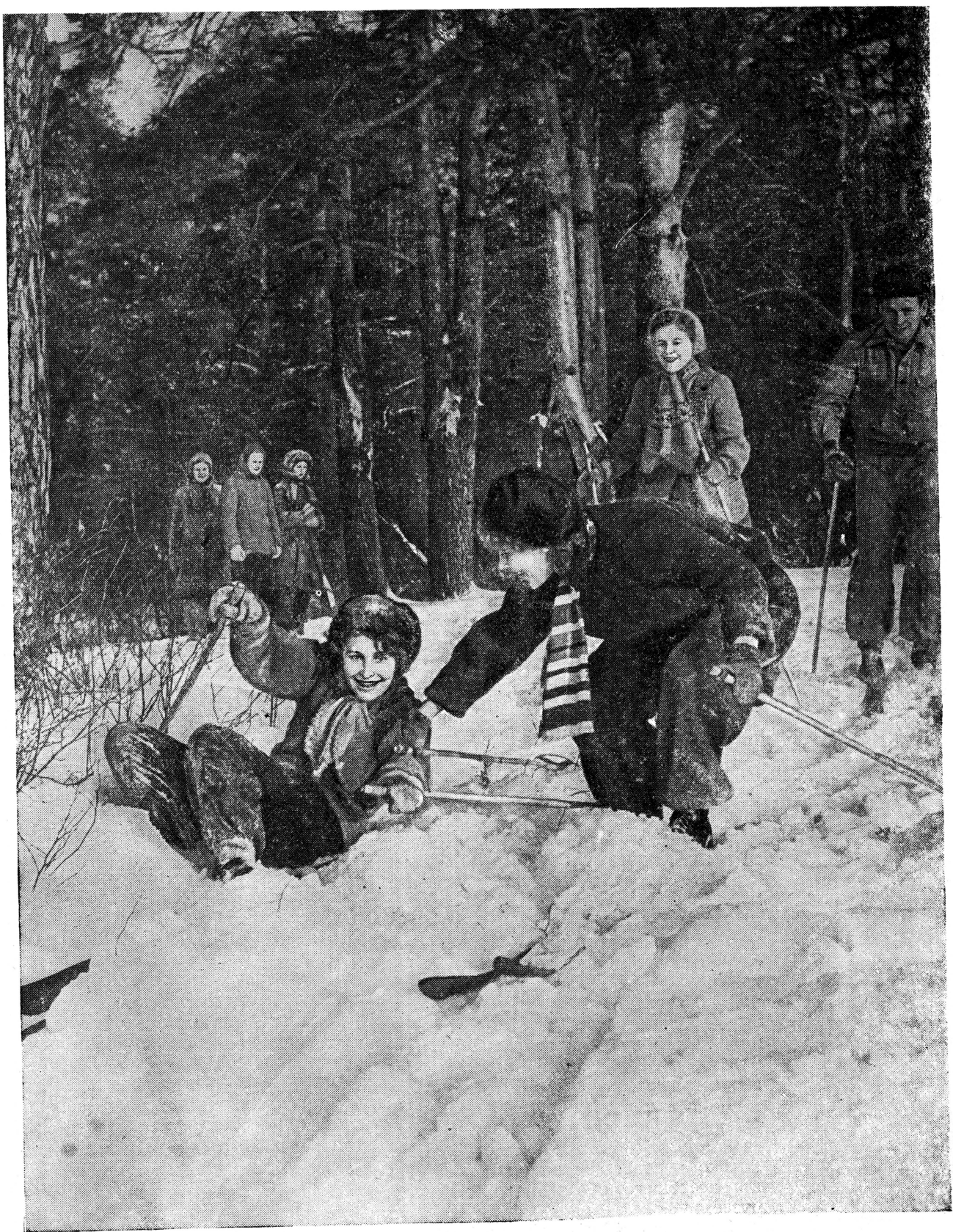
Возвращаясь из экспедиции, я беседовал с юннатами одной из школ города Ивделя. Они поделились со мной интересной мыслью: предложили приручить, одомашнить кедровку!

«Кат-пос» — родовые знаки манси.

Крылатый лесовод.

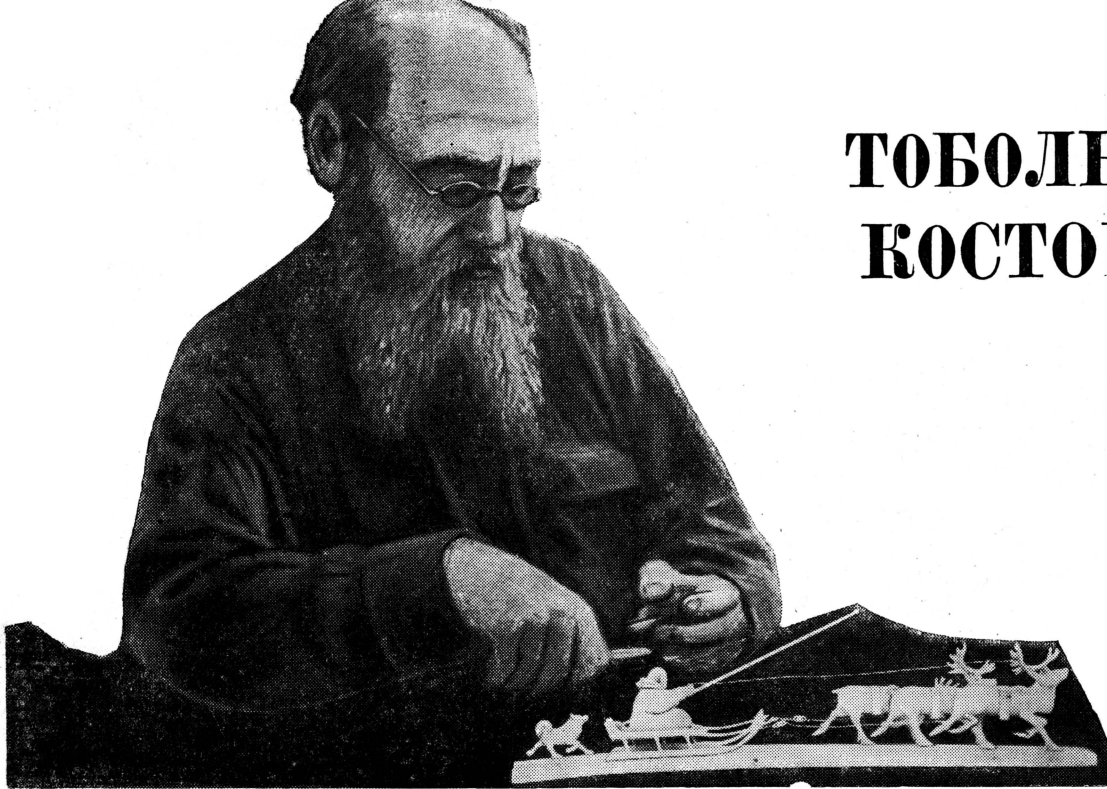
В
«
—
—
X
X
—
—

По первому снегу.

Фото И. Тюфяковс

ТОБОЛЬСКИЕ КОСТОРЕЗЫ

Крамольная скульптура

Лет пятьдесят назад в России появилась едкая карикатура «Один с сошкой — семеро с ложкой». Все знают эту карикатуру по учебникам истории. Крестьянин с сохой и семь «столпов» царской России: чиновник, поп, помещик, купец, урядник, кулак и другие обиратели трудового народа — с ложками в руках. Острая и злая сатира на самодержавный строй пользовалась большим успехом в народе.

По этой карикатуре тобольские косторезы выполнили две замечательные скульптурные группы из мамонтового бивня. Первую талантливый мастер Порфирий Григорьевич Терентьев (1861—1927) вырезал задолго до Октябрьской революции. Много времени потратил он на эту работу, тщательнейшим образом отделывая каждую фигурку.

Работа закончена. Однако тобольское губернское начальство запретило показывать где-либо «крамольную» скульптуру. Только в советское время ее выставили для всеобщего обозрения в тобольском музее.

Задавленный нуждой, скитавшийся в поисках лучшей жизни от одного хозяина косторезной мастерской к другому, Терентьев не раз обращался к темам, обли-

чающим самодержавный строй. Прочитав пьесу Горького «На дне», тобольский мастер решил вырезать из кости фигурки основных персонажей. Прежде чем начать работу, он ходил в ночлежные дома, трактиры и наблюдал там жизнь «босяков».

Из этой серии статуэток сохранились лишь три фигурки: «Барон», «Лука» и «Пепел». Все они в тобольском музее.

За свою долгую жизнь Терентьев изготовил столько различных изделий из мамонтовой кости, что простой перечень их занял бы несколько страниц. Среди работ, выполненных им в последние годы жизни, — удивительная по тонкости скульптура Владимира Ильича Ленина, произносящего речь, и статуэтка, изображающая Льва Толстого.

Терентьев был крупнейшим, но не единственным старым мастером-косторезом в Тобольске. Широко известны были и резчики Н. Пальянов, И. Венгерский, Ф. Невский. В наше время наиболее талантливы работы мастеров В. Денисова и Т. Пескова.

Перочинным ножом

В первую мировую войну тобольский косторез В. Денисов стал инвалидом: отняли ногу. После операции он долго лежал в петроградском госпитале. Руки были здоровы и тянулись к любимой ра-

боте. И вот однажды Денисов решил вырезать из полена фигурку ненца. Под руками не нашлось никаких инструментов, кроме перочинного ножа. Но скоро фигурка стояла на тумбочке возле кровати.

В госпитале бывала одна петроградская художница, и фигурка, вырезанная Денисовым, ее заинтересовала. Вскоре в столице многие заговорили о солдате-сибиряке, талантливом скульпторе, который вырезает обычным перочинным ножом изящные статуэтки. У Денисова появилось много заказчиков. Ему даже предлагали остаться работать в Петрограде. Но Денисов уехал в родной Тобольск.

Здесь он пережил тяжелые годы гражданской войны и в конце двадцатых годов вместе с Т. Песковым создал первую артель косторезов. Она существует до сих пор.

До революции Денисов изготавливал в основном фигурки животных: лося, оленя, мамонта, медведя. В годы Советской власти творчество талантливого мастера расцвело. Денисов создал несколько живописных скульптурных групп, изображающих сцены из жизни народов Севера. Его работы «Северная советская фактория» и «Выборы в Верховный Совет СССР в тундре», отразившие новую жизнь народов советского Севера, хорошо известны многим.

Вечная картина

Терентий Семенович Песков (1879—1942), друг Денисова и ученик Терентьева, освоил замечательное искусство инкрустации из мамонтовой кости. В углубления основной костяной пластинки мастер врезал узоры или фигуры из кости другого цвета. Получалась своеобразная мозаика из мамонтовой кости. На замечательных мозаичных шкатулках Пескова — северные пейзажи, национальные орнаменты народов, сцены из жизни ненцев, животные тайги и тундры.

Но откуда цветная мамонтова кость?

Оказывается, корочка бивня за десятки тысяч лет лежания под землей пропитывается различными солями, которых в земле много. Корочка может стать светлой или темно-коричневой, розовой, зеленой, голубоватой, синей, серой. Иногда на одном и том же бивне у корочки разный цвет. Толщина ее — всего несколько миллиметров. Под корочкой бивень всегда белый.

Старые мастера спиливали с бивня цветную корочку и выбрасывали. Терентий Семенович первый стал применять ее для инкрустации. Перенял это искусство и Геннадий Сергеевич Килин, поныне работающий в Тобольске.

Килин воспользовался еще одной особенностью мамонтовой кости. Между цветной корочкой бивня и белой сердцевинной его иногда встречается очень тонкий промежуточный слой, в котором постепенно исчезают краски, внесенные солями. Пластинка этого слоя обычно вся в разводах, порою самых причудливых.

Как-то мастер заметил, что эти цветные разводы походят на северный закат: чистое небо в разрывах облаков, тучи у горизонта, и бледные лучи уходящего солнца. На этом фоне Килину осталось изобразить инкрустацией тройку оленей, нарты, погонщика. Так Геннадий Сергеевич сделал одну из лучших своих шкатулок — «Поездка на оленях».

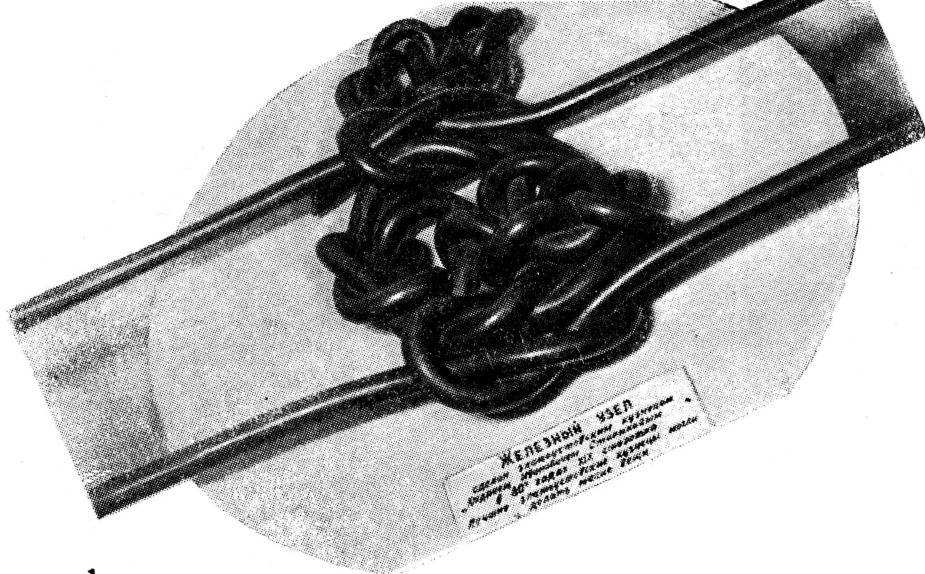
Среди пластинок с разводами можно иногда найти почти готовую картину. Сейчас у Килина в работе пластинка, на которой он выявляет морской пейзаж. Потом он врежет маленький кусочек белой кости, парус рыбацкой лодки, — и картина готова. Она создавалась тысячами в глубине земли, и человек своим мастерством раскрывает ее красоту. Такая картина не потускнеет от времени. Ее краски не смоят ни вода, ни какой-либо химический растворитель. Она будет существовать вечно.

Посылка каменного века

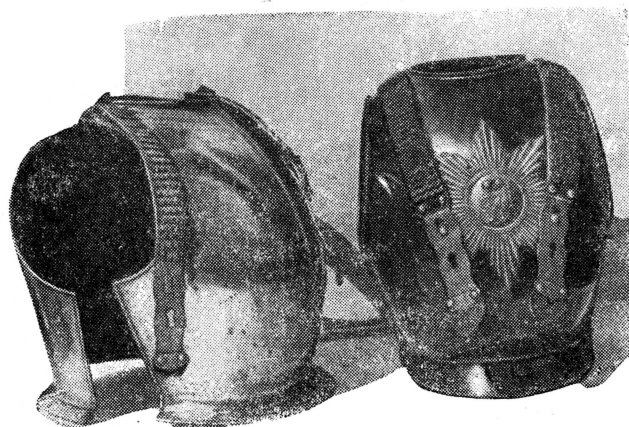
Бивни мамонта находят в тундре и тайге, на размытых берегах сибирских рек, при рыве колодцев. Они обладают большой прочностью и сохраняются даже тогда, если от скелета мамонта ничего не остается. И поэтому, когда в тобольскую артель приходит очередная посылка с мамонтовыми бивнями, мастера-косторезы шутят: «Посылки приходят к нам прямо из каменного века».

В артели определяют качество кости: сплошная, без трещин и пустот — тяжела и при ударе звучит глухо. Та, что с трещинами, легче и дает более звонкий, дребезжащий звук.

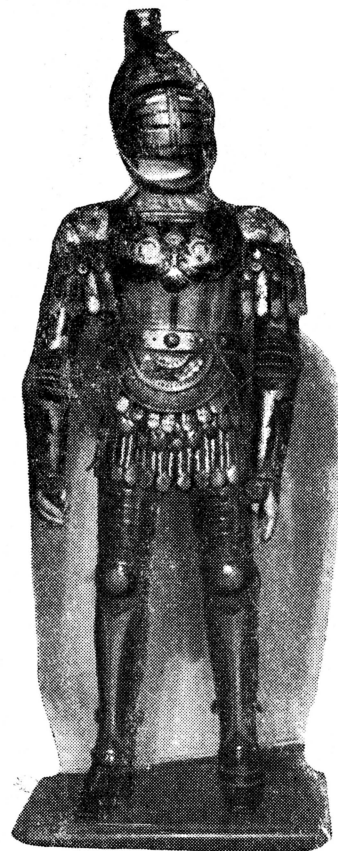
Старые тобольские мастера резали кость различными ручными резцами, а порой и просто перочинным ножом. Современные мастера работают с помощью

1

3

2

бормашины, почти такой же, как в кабинете зубного врача. В нее только вставляются резцы. Это намного ускорило и облегчило труд костореза.

Бормашина имеет еще одно достоинство. Она позволила употреблять для изготовления статуэток новый материал — моржовый клык: обычно он плохо поддается обработке ручными резцами. Сейчас из прочного, ослепительно-белого моржового клыка изготавливается значительная часть изделий тобольской артели.

„Мужичок с ноготок“ в Брюсселе

Эту скульптуру знают сейчас уже во многих странах, так же как и некрасовские стихи о русском мальчишке, который

...в больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах, а сам с ноготок.

Скульптуру «Мужичок с ноготок» создал мастер Виктор Степанович Синиц-

ких. Нынче она была на Международной выставке в Брюсселе.

Виктор Степанович пришел в артель подростком в годы Великой Отечественной войны. Большинство мастеров ушло на фронт. Умерли основатели артели — старейшие резчики Денисов и Песков. Учиться было не у кого. Виктор Степанович овладел искусством самостоятельно, изучая работы старых мастеров. Сейчас он один из лучших резчиков артели.

Вместе с «Мужичком» искусство советских мастеров на выставке в Брюсселе представляют скульптурные иллюстрации Гавриила Андреевича Хазова и Федора Степановича Федорова к русской народной сказке «Репка», скульптуры Хазова «Поездка на собаках» и «По шучьему веленью». Работа этого же мастера «Каменный цветок» находится сейчас в одном из чехословацких музеев.

И. ДАВИДОВ

ИСКУСНЫХ РУК

Златоуст — старинный уральский город умельцев-мастеров, родина русского булата и знаменитой гравюры на стали. Талантливейшие мастера, люди из народа, трудились здесь. Много образцов их высокого искусства хранится в Златоустовском музее. Вот некоторые произведения искусных рук умельцев:

1. Кто умеет вязать морские узлы? Очевидно, не многие. А легко ли было завязать и соединить вместе несколько морских узлов из раскаленных железных прутьев?

На этом редком образце мастерства русских умельцев нет следов применения инструмента. Как завязывали узлы — неизвестно. Свил их в конце 80-х годов прошлого столетия златоустовский кузнец Андрей Степанович Стариков.

2. Латы и шлем. В памяти оживает история рыцарских походов. Но это рыцарское облачение, или, как его называют, «древнее вооружение», изготовлено сравнительно недавно, в 1834 году, на Златоустовской оружейной фабрике из лучшей в то время стали.

«Древнее вооружение» — образец высокого искусства златоустовских умельцев. Латы ковал П. Уткин, замечательный кузнец того времени, бронзовые части отлиты литейщиком Н. Галкиным: Стальные части полировал Д. Ронжин.

Доспехи украшены вылавкой, гравировкой, чеканкой и литьем. Орнаменты, фигуры и барельефы разработаны талантливым художником Бушуевым и скульптором Лукиным.

3. На оружейной фабрике в прошлом веке изготавливали также стальные кирасы. На снимке: образцы офицерской и солдатской кирас. По ро-

С. БУНЬКОВ

Фото Ю. Петрова

сту и весу кирасы подразделялись на тринадцать номеров. Каждую из них, перед употреблением испытывали ружейным выстрелом.

4. На блюде воспроизведен момент закладки Петербурга, ныне Ленинграда. Вонзил лопату в податливый грунт Петр I; читает по свитку указ русского государя вельможа, стоящий рядом с Петром. А там, в глубине, взвизывает флаг Российского государства.

Блюдо отлито мастерами Кусинского завода художественного литья (Челябинская область). Оно найдено в 30-х годах в Златоусте.

5. Ныне, когда артиллерийские орудия перевозятся мощными тягачами, а дальнобойные — на железнодорожных платформах, эта пушка восемнадцатого века вызывает улыбку. Заряжалась она через дульную часть чугунными ядрами. Были пушки, которые переносились на руках.

Но к этой пушке невольно проникаешься уважением. Рабочие Златоустовского завода сражались в армии Пугачева, делали для повстанцев воинское снаряжение, отливали вот такие пушки.

6. А вот первые в России стальные пушки. До второй половины прошлого века у русской армии были только

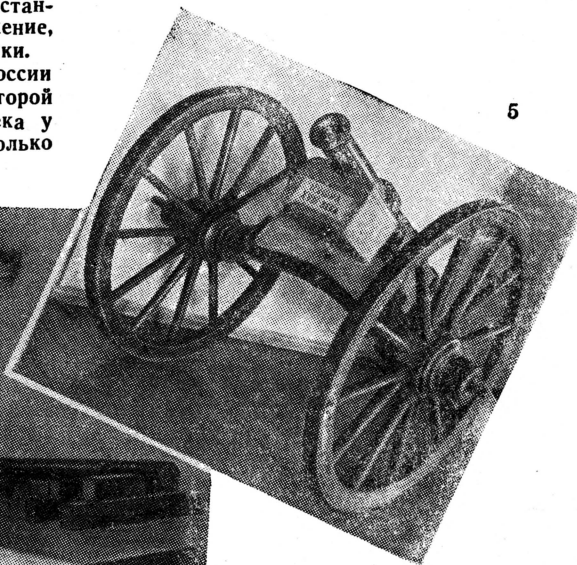
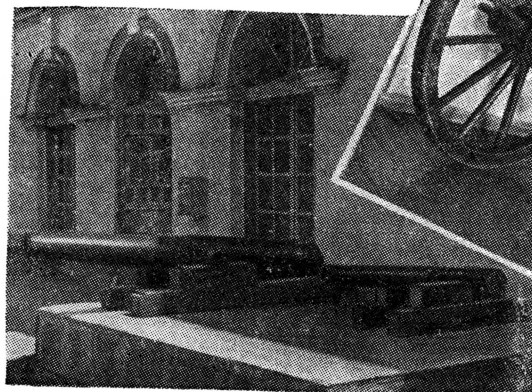

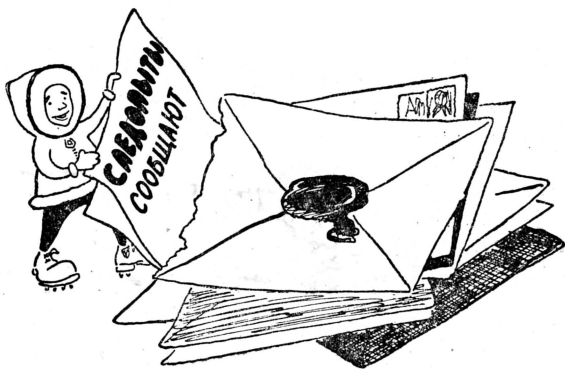
бронзовые и чугунные. Первое стальное орудие отлил в 1836 году великий русский металлург Павел Петрович Аносов, но оно при испытании разорвалось.

Опыты Аносова продолжил Павел Матвеевич Обухов, 26 ноября 1860 года прозвучал первый выстрел из двенадцатифунтовой стальной русской пушки. Она выдержала четыре тысячи выстрелов.

На Всемирной выставке 1862 года в Лондоне пушка Обухова по боевым и техническим качествам превзошла все орудия других стран.

Обуховские пушки более позднего времени сейчас лежат в Златоусте у здания бывшего арсенала.

ЛЕСНЫЕ ДИКОВИНЫ

Каких только диковин не увидишь в лесу! И если фотоаппарат с собой, то никак не удержишься, чтобы не снять их.

Вот на первом снимке интересный пример дружбы елки и березки. Сначала росли они порознь, хотя и близко друг от друга, а потом, как подросли, березка прижалась к елке, да так с тех пор и растут обнявшись. На втором снимке — старая ель на территории детского санатория «Луч». Нижний сук очень походит на бивень слона. Третий снимок сделан мною, как и предыдущие, тоже в окрестностях Сысерти. Это редкий пример почти полной симметрии искривлений деревьев.

Д. Киреев,
Сысерть

1

3

2

Как назывались месяцы

Ноябрь

В древнерусских памятниках письменности месяц, который мы сейчас называем ноябрем, именовали груднем. Грудень — это месяц, когда смерзшаяся земля (а в восточных областях снег) образует груды, комья, которые мешают передвигаться пешеходам и перегонять скот.

На Южной Руси, где осень наступает позднее, чем в других областях, ноябрь называли листопадом. Это название до сих пор бытует в украинском, польском и чешском языках.

О. БУЛГАКОВА

РЕДКАЯ ДРУЗА

Такая друза пирита считается очень редкой. Кристаллы золотистого цвета — замечательно правильной формы, словно человек своими руками отточил их зеркально-блестящие грани.

Друза ценна не только красотой своей, но и величиной. В ней около 30 кристаллов имеют длину ребра 3—5 сантиметров.

Друзу нашли в Березовском районе на глубине 84 метров. Хранится она в Уральском геологическом музее.

Березовское месторождение издавна славится богатством и разнообразием минералов. Свыше 60 названий их насчитывает это рудное поле. Минералы Березовского месторождения украшают коллекции почти всех музеев нашей страны.

И. А. Юдин

ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК

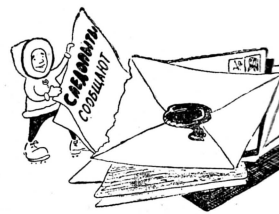
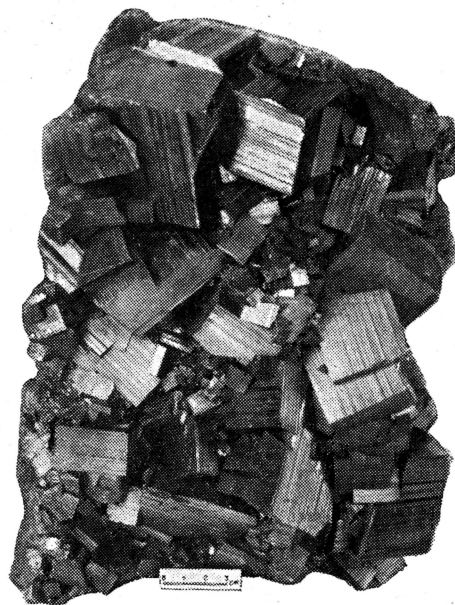
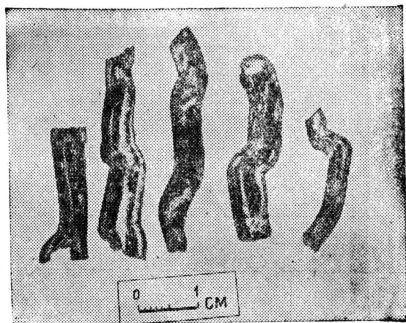
У минерала кианита — удивительное качество: в поперечном направлении его кристаллы в полтора раза тверже, чем в продольном. Поэтому его называют еще дистеном, то есть двоякосопротивляющимся. По-гречески ди — двойко, стенос — сопротивляющийся.

На снимке вы видите прямой кристалл и несколько изогнутых. Изогнулись, смялись они глубоко в земле при большом давлении и высокой температуре. Позднее породы, которые залегали сверху, постепенно выветрились, и кристаллы дистена обнажились.

Кианит — это силикат алюминия. Из него получают высококачественные огнеупорные и кислотоупорные материалы. Голубые кристаллы кианита после огранки — красивый полудрагоценный камень.

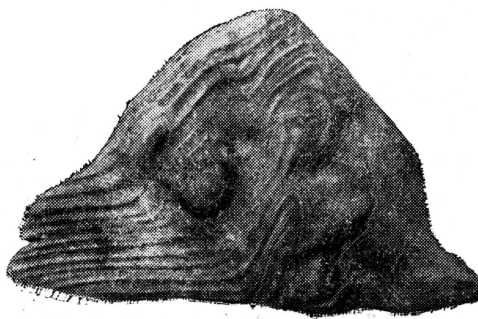
Изображенные на снимке образцы минерала найдены на Южном Урале в Борисовском месторождении.

А. Иванов

НАХОДКА НА ДНЕ

Какая странная голова! Темно-коричневого, почти черного цвета, тяжелая, как камень, она лежала на дне реки Уфы около Змеиной горы.

Когда «голова» высохла, то она стала легче, чем была. Она посветлела, стала табачного цвета, с темными волнистыми прожилками. С помощью ножа я осторожно стал исследовать находку и обнаружил, что она деревянная. На тыльной стороне был обуглившийся кусочек. Все стало ясно: кусок горелого пня паводком принесло в реку, а время, вода и песок стали скульпторами.

В. Дроткевич

АЛАБАШИНСКИЕ САМОЦВЕТЫ

В давние времена, сказывают, алабашинские мужики не шибко хлебопашеством занимались. Они все больше по горному делу промышляли. От деда своего, Флавьяна Митрича, слышал я, что старики наши богатые самоцветы в земле алабашинской находили. В Старцевом-то логу и ныне яму заметно, из которой шестифунтовый берилл добыли. Не то в 100, не то в 150 тысяч рублей он на старые деньги оценен был да под большим конвоем в Петербург отправлен.

После этой большой алабашинской находки все дело заглохло. Только известно, что земля наша, алабашинская, во сто крат богаче любой другой.

Топазов тоже довольно нахаживали умелые горщики. Алабашинские топазы от других синеватым цветом отличаются. А лежат они в земле, как в гнездышке: пустоты такие в граните есть.

В Алабашку нарядные купцы приезжали, когда самоцветы у мужиков появлялись. Кои камешки по 500, а кои и по 1000 рублей на

ассигнации оценивались. Конечно, не без обману тоже было. Горщики наши — народ продувной: возьмут вместо топаза дымчатку кварцевую и подсунут. Такие-то дела по обычаю ночами при свете лучины делались, а, известно, дымчатку по весу от топаза не отличишь, ежели к тому навыка не имеешь. Бывало, и горщики пролетали.

Тот же Митрич сказывал, что в 100 саженьях от Старой Деревни находится копь, в которой посреди гнейсов жилы пегматита с биотитом, венисой, черным турмалином да дымчатым кварцем имеются. Это хоть и не так дорогие камни, а спрос для орнаментных работ тоже имели. В Алапах-то и сейчас дома есть, фасады которых камнями этими украшены.

Ходят думки у алабашинских колхозников: как догоним Америку по производству мяса, молока и масла, так за добычу топазов, турмалинов да аквамарин обязательно примемся. Хоть мы и крестьяне, а горное дело вспомним. Знает народ, где богатства хранятся в подземной кладовой.

КТО КАК УРВЕТ

Известно, что с Алабашки-то на Зяблову и реже дорога была. Только ездили не там, где нынче, а через курени, на которых алабашинские да зябловские мужики уголь для окрестных заводов выжигали.

На этой-то самой дороге и облюбовали себе курень Митрич с напарником Степкой.

Дед мастер был по куренному делу и никаких нравоучений не терпел. Скажет, бывало: «Закладывай кученок на этом месте и не смей перечить!» А прежде чем сделать кученок, надо всю дернину вокруг содрать. Это для того, чтобы кученок в углублении был: уголь лучше получается, да и дернина на покрытие кученка всегда под рукой.

Вот как-то содрал Степка дернину саженей пять квадратных и слышит, что Митрич его полдничать кличет. Заступ на плечи и пошел к шалашу.

Пообедали и в шалаш отдыхать легли. Уснули... И надо же было такому случиться: пока Митрич со Степаном спали, мимо проходил в поисках золота бродягастаратель, по кличке Ухорван.

Про Ухорвана нехорошая слава в те годы шла. Говорили, что много проезжих купцов да урядников погубил он в тайге.

Идет этот бродяга по берегу и видит: дернина под кученок снята, а из-под нее песок виднеется. Ухорвану это и надо. Набрал в ковшик песку да и на речку — пробу мыть...

Пришлось Флавьяну Митричу под ку-

В РАЗГАР СЕЗОНА

Юмореска

В класс пришел инспектор. Был урок математики.

— Вызовите, пожалуйста, трех самых лучших учеников! — обратился он к учителю. — Я хочу проверить их знания.

К доске подошел один, быстренько решил задачу. Вышел второй — также выполнил задание. Вызвали третьего. Когда он взял мел, инспектор увидел, что это тот самый, кто выходил к доске первым.

— Хотите меня обмануть? — закричал на него инспектор. — Вы ведь уже решали задачу!

Ученик виновато улыбнулся:

— Извините... На этот раз я вышел, вместо другого ученика...

— Вместо другого?

Класс притих. Все чувствовали, что сейчас случится что-то очень неприятное.

— Вместо кого вы вышли? — после долгого молчания спросил рассерженный инспектор.

— Вместо нашего лучшего ученика, который ушел на футбол...

Инспектор вскочил со стула и спросил учителя:

— Как же вы допускаете это? Вы-то ведь видели, что этот ученик уже выходил к доске? И вы равнодушно наблюдаете, как он меня обманывает?

Учитель покраснел и начал оправдываться:

— Извините, я, собственно говоря, не знаю учеников...

От неожиданности инспектор даже покачнулся.

— Как? — воскликнул он. — Учитель не знает своих учеников?!

— Я не преподаю в этом классе. Я замещаю их учителя, который ушел на футбол...

Лицо инспектора чуть-чуть просветлело. Он грустно покачал головой и махнул рукой.

— Ваше счастье, что я замещаю инспектора Дранкова, который тоже пошел на футбол... Иначе (вы ведь знаете, какой он строгий?) это вам так легко не сошло бы с рук.

Перевод с болгарского.

ченок круговину в другом месте ладить: с Ухорваном спорить опасно — угробит.

Только все равно этот кученок оказался последним в жизни Митрича. С этого самого дня переменял он свою профессию. Открыв богатое месторождение золота, они с Ухорваном компанию составили.

Годков этак с десяток дело хорошо шло. У Флавьяна в Алабашке, а у Ухорвана со Степкой в Зябловой хорошие пятистенные дома с резными наличниками появились. На прииски на рысаках ездить стали. И Ухорван, конечно, не Ухорваном, а Медведевым Фомой Сильчем начал прозываться. Так и по паспорту значилось.

Вот какую силу золото в старые времена имело...

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА „УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

В редакцию приходят многочисленные письма читателей, спрашивающих, как подписаться на наш журнал.

Отвечаем:

Если ваше местное отделение „Союзпечати“ подписку на „Уральский следопыт“ не принимает, то следует обратиться по адресу: Свердловск (областной), ул. Ленина, Дом связи, Областное управление „Союзпечати“, Николаю Михайловичу Перминову.

Подписная цена на „Уральский следопыт“ 36 рублей в год (12 номеров).

Путешествие
ПО КНИГАМ

ВСЬ МИР...

Как течет жизнь за рубежами нашей Родины? Как живут, что думают народы мира, люди разных языков, разного цвета кожи, разных обычаев и вкусов? Как борются они за светлое будущее?

С этим знакомит читателей вышедший впервые в июле этого года журнал «Всесвіт» («Весь мир»), орган Союза писателей Украины и Украинского общества связи с заграницей.

Разнообразное богатое содержание журнала привлекает внимание. Рука невольно торопится листать страницу за страницей — что нового и интересного несет она? И журнал не обманывает нетерпеливое ожидание читателя, широко раскрывая перед ним жизнь и душевный мир болгарского селянина-бедняка, простых тружеников современной Турции, французского слесаря, матери-гречанки, алжирского паренька... Различны национальности героев, неодинаковы их жизненные пути, но с одинаковой силой волнуют они читателя.

В журнале напечатаны материалы публицистического и политического содержания; широко освещены вопросы литературы и искусства за рубежом. Разделы «Из сокровищ мировой литературы» и «Наш календарь» рассказывают о

выдающихся писателях прошлого, о художниках, знакомят с новыми книгами зарубежных авторов.

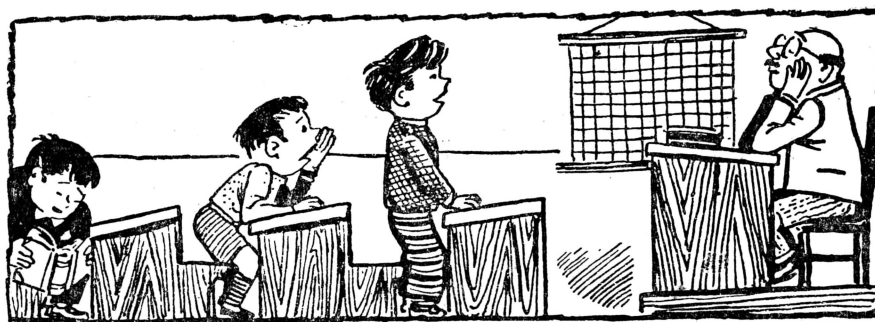
Интересны разделы: «Путешествия и впечатления», «С фотоаппаратом по миру», «Калейдоскоп «Всесвіта» и особенно информации раздела «Жизнь искусства», где оригинально и увлекательно, в форме короткой заметки, рассказывается о жизни за рубежом, о кино, театре, литературе, живописи.

Не забыт и маленький читатель. Ему понравятся коротенькие смешные истории, красочно оформленные.

Журнал «Всесвіт» с удовольствием прочтает каждый советский читатель, хоть немного знакомый с украинским языком.

Н. НИКОЛЕНКО

РАДИО В КЛАССЕ

Диктор Трансляция Репродуктор Слушатель

Из журнала «Всесвіт»

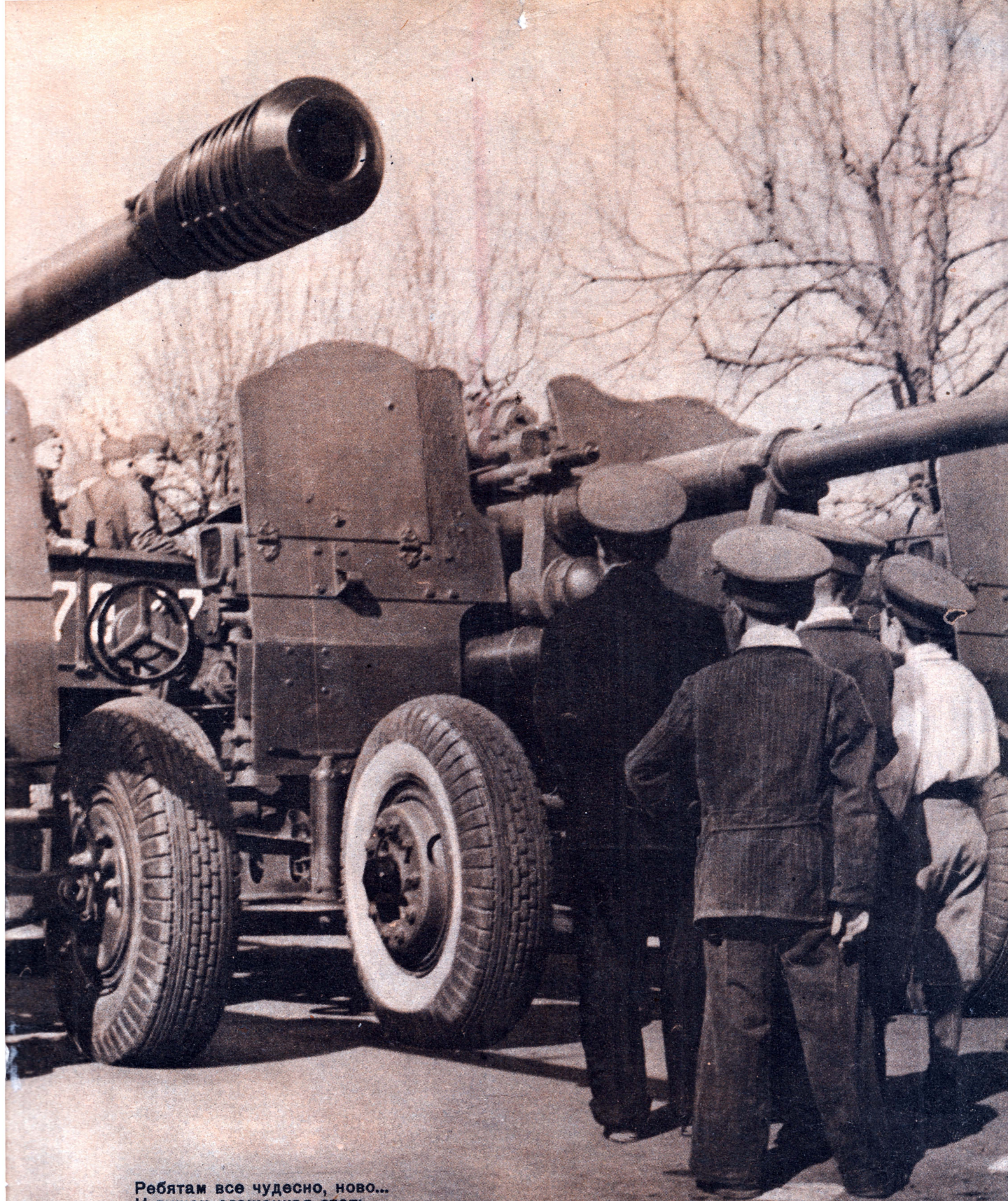
Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Сорокин, Л. Неверов, Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов (редактор отдела прозы и поэзии).

Обложка художника Г. Перебатова

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются: Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова. Корректор О. Булгакова:

Подписано к печати 29/X 1958 г. Бумага 84×108¹/₁₆ = 2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,1.
НС 45558. Тираж 50000. Заказ 350. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии

Ребятам все чудесно, ново...
И пушек слаженная стать
Предупреждает тех сурово,
Кто хочет детство оборвать.

Фото П. Евладова

АВРОРА

У берегов Невы навечно
Он встал,
но видно всей земле —
Флаг развеваает ветер встречный
На легендарном корабле.

Да, он идет в морских просторах...
Все дальше, в новые концы
Летит могучий залп „Авроры“
И рушит Зимние дворцы.

Цена 3 руб.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

1 0 0 0 ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ, полученных редакцией, подсказывают новому журналу направление.

В 1959 ГОДУ В «УРАЛЬСКОМ СЛЕДОПЫТЕ» предполагается напечатать:

«КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА» — новая авторская редакция повести П. Бляхина о приключениях отважных ребят в дни гражданской войны.

«ПЛЕННИКИ ПЫЛАЮЩЕЙ БЕЗДНЫ» — новый научно-фантастический роман пермского писателя Б. Фрадкина о необычайном путешествии группы уральских ученых в недра Земли, где им пришлось встретиться с неожиданными препятствиями.

«АТОМНАЯ СМЕРТЬ» — научно-фантастическая повесть И. Петрова о поисках уральских ученых, которые в конце концов находят удивительное микробиологическое средство, уничтожающее последствия атомной радиации.

«ЗЕЛЕНЕЕ ЖЕЛЕЗО» — юмористическая приключенческая повесть группы авторов о том, как несколько стилиг отправились на поиски легендарной золотой долины на Урале и как их обхитрили школьники-комсомольцы.

«ЖЕРТВА ДЕТЕКТИВА» — приключенческая повесть С. Захарова об ученике 9-го класса, который начитался плохой детективной литературы, попал в сложные жизненные обстоятельства и что из этого получилось.

«ГЕНЬКА — СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ» — новая приключенческая повесть В. Шустова о сыне партизана.

«ЦИТАДЕЛЬ НЕБА» — научно-фантастическая повесть Н. Гомолко о приключениях в космосе.

ПИШУТСЯ ДЛЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» И ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ НОВЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА (автор романов «Александр Пархоменко», «Похождения

факира» и многих других), М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА (автор многочисленных произведений «Всемирного следопыта»), ОЛЕГА КОРЯКОВА (автор «Приключений Леньки и его друзей», «Хмурого Вангура» и других произведений), С. САМСОНОВА (автор повестей «По ту сторону» и «Танк «Пионер»).

В ежедневно пополняющемся портфеле редакции — произведения И. Вихрева, Б. Дижур, В. Дроткевича, Л. Сорокина, Е. Ружанского, А. Показаньева, Юр. Кина, В. Очеретина, а также новые стихи и поэмы уральских поэтов: Н. Куштума, Б. Ручьева, Л. Татьяничевой, Ю. Трифонова, Л. Шкавро, Н. Мережникова и других.

В журнале будут постоянно печататься очерки и рассказы из циклов: «РАССКАЗЫ У КОСТРА», «УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ», «ПО НОВОСТРОЙКАМ СЕМИЛЕТКИ», «ГОРОДА НАШЕГО КРАЯ», «РЕКИ УРАЛА», «ПО СЛЕДАМ УРАЛЬСКИХ ЛЕГЕНД», «О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ», «СЛЕДОПЫТЫ УРАЛА», «ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ», «БУДУЩЕЕ КРАЯ», «СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ГЛАЗАМИ СЛЕДОПЫТА» и прочее.

В журнале будут продолжать сотрудничество уральские ученые, краеведы, инженеры, охотоведы, метеорологи, геологи, историки и самые различные бывалые люди.

В журнале будут печататься карты туристских маршрутов по Уралу, сообщения следопытов о новых находках и достопримечательностях, фотоочерки о современном Урале.

На основании новых данных готовятся сообщения о «снежном человеке», о «золотой бабе», захороненной на Севере Урала, о «тайнах» Харитоновского дворца, о «камнях-писанцах», о «хрустальном лаке» и многие другие.

**ЗНАЙ: МИР ЕЩЕ НЕ ВЕСЬ ОТКРЫТ —
ЧИТАЙ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»!**

ПОДПИСКА на ежемесячный журнал для детей и юношества «Уральский следопыт» продолжается **ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ «СОЮЗПЕЧАТИ» И КОНТОРАХ СВЯЗИ.**

ЦЕНА НА ГОД — 36 рублей.

О всех недоразумениях и препятствиях при подписке редакция просит сообщать по адресу: *Свердловск, ул. Ленина, Дом связи, областное управление «Союзпечати», Николаю Михайловичу Перминову.*